№ 4
2024

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:

ОТ ИДЕИ К НАРРАТИВУ: ДИАЛЕКТИКА ДИСКУРСА И ПРАКТИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

16+

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ISSN 2412-9798

№ 4 (40) ● 2024

16+

К2

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ:
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:
Южный филиал ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:
350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции

Номер сверстан: 30.12.2024
Размещен в сети Интернет: 31.12.2024

Главный редактор:
ГОРЛОВА
Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:
КОВАЛЕНКО
Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающий редактор:
КРЮКОВ
Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АБДУЛЛАЕВА Рена Габиб кызы — доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом культурологии Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика

АКАЕВ Вахит Хумидович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация

АЛЕКСЕЕВА Галина Васильевна — доктор искусствоведения, профессор, руководитель образовательной программы «История искусств» школы искусств и гуманитарных наук департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Российская Федерация

АРАКЕЛОВА Александра Олеговна — доктор искусствоведения, ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

БОЛААН Маицео Мгадла — PhD в области истории, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана

ВЛАДИМИРСКИ Ирена — PhD в области истории, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, Ахва, Государство Израиль

ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич — доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация

ЕГОРОВ Владимир Константинович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра государственной службы и управления, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, Краснодар, Российская Федерация

КИТОВ Юрий Валентинович — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, заведующий кафедрой культурологии Московского государственного института культуры, Москва, Российская Федерация

КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович — доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ставрополь, Российская Федерация

КУМАР Капил — профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Нью-Дели, Республика Индия

КУПЦОВА Ирина Валентиновна — доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

МАКГАЛА Кристиан Джон — Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана

МАЛЫГИНА Ирина Викторовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, Москва, Российская Федерация

МАТВЕЕВ Олег Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, Краснодар, Российская Федерация

НЕРЕТИН Олег Петрович — доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

НИСТОЦКАЯ Марина Сергеевна — Ph. D. в области политологии, старший преподватель кафедры политологии; научный сотрудник Института качества государственного управления Гётеборгского университета, Гётеборг, Королевство Швеция

ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна — доктор философских наук, научный сотрудник Института философии Университета Зелена Гура, Зелена Гура, Республика Польша

ПАТИНЬО Хуан Карлос — доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА
Джантхьяло Рао
профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдерабада, Хайдарабад, Республика Индия

РАТУШНЯК
Валерий Николаевич
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Российская Федерация

РАХАЕВ
Анатолий Измаилович
доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, Нальчик, Российская Федерация

РЫБАК
Кирилл Евгеньевич
доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Российская Федерация

САЛАМЗАДЕ
Эртегин
доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика

СОКОЛОВА
Алла Николаевна
доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Краснодар, Российская Федерация

ШЛЫКОВА
Ольга Владимировна
доктор культурологии, профессор кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

NO.4 (40)

К2 2024

HERITAGE OF CENTURIES

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

THE ONLINE RESEARCH JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDERS:
Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Autonomous Not-for-Profit Organization Center for Intellectual Development and Patriotic Education "Native traditions"

PUBLISHER:
Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ № ФС 77 - 76198
on July 19, 2019

ISSN 2412-9798

Editorial Office:
Address:
Office 5, 28 Krasnaya Street, Krasnodar, Russia, 350063.
Telephone:
+7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal are those of the authors, and do not necessarily coincide with those of the Editors, the Editorial Board or the Publications Council.

Imposed on 30 December 2024
Published online on 31 December 2024

Editor-in-Chief: Irina I. **GORLOVA**
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Director, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Deputy Editor-in-Chief: Timofey V. **KOVALENKO**
Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Deputy Director, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Managing Editor: Anatoly V. **KRYUKOV**
Cand. Sci. (National History), Academic Secretary, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

By Order of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation No. 21-r of 12 February 2019, the electronic scientific journal *Heritage of Centuries* was included into the List of Reviewed Scientific Journals in which main scientific results of dissertations for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral (Dr. Sci.) degrees should be published.

PUBLICATIONS COUNCIL

Rena Habib gizi **ABDULLAYEVA**	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Culturology, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Vakhit Kh. **AKAEV**	Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Galina V. **ALEKSEEVA**	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Head of the Educational Program "History of Art", School of Arts and Humanities, Department of Arts and Design, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation
Aleksandra O. **ARAKELOVA**	Dr. Sci. (Musical Art), Rector, Russian State Academy of Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Maitseo M.M. **BOLAANE**	PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana
Vladimir K. **EGOROV**	Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Head, UNESCO Department; Chief Researcher, Center for Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
Anna N. **EREMEEVA**	Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation
Shakhrudin A. **GAPUROV**	Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Yuri V. **KITOV**	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russian Federation

Aleksandr A. **KUDRYAVTSEV**	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation
Kapil **KUMAR**	Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies, New Dehli, Republic of India
Irina V. **KUPTSOVA**	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Christian John **MAKGALA**	MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana
Irina V. **MALYGINA**	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of World Culture, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
Oleg V. **MATVEEV**	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Chief Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation
Oleg P. **NERETIN**	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Marina S. **NISTOTSKAYA**	PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science; Research Fellow, Quality of Government Institute, University of Gothenburg, Gothenburg, Kingdom of Sweden
Nadezhda Kh. **ORLOVA**	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Researcher, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Republic of Poland
Juan Carlos **PATIÑO**	Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluka, United Mexican States
Jandhyala **PRABHAKARA RAO**	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India

Valeriy N. **RATUSHNYAK**	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I. **RAKHAEV**	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation
Kirill E. **RYBAK**	Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation
Ertegin **SALAMZADE**	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Olga V. **SHLYKOVA**	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., UNESCO Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
Alla N. **SOKOLOVA**	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation
Irena **VLADIMIRSKY**	Prof., PhD in History, Head, History Department, Achva Academic College, Achva, State of Israel

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«ОТ ИДЕИ К НАРРАТИВУ: ДИАЛЕКТИКА ДИСКУРСА И ПРАКТИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ»
(РЕДАКТОР Н. А. КОСТИНА)

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА **13**

ОТ ИДЕИ К НАРРАТИВУ: ДИАЛЕКТИКА ДИСКУРСА И ПРАКТИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ **15**

М. Ю. Парамонова
Вымышленные святые и вымыслы о святых: почитание святых между церковным контролем и традицией 15

В. В. Патерыкина, Н. С. Ищенко
Трансляция гностицизма в тексте и экранизациях романа «Трудно быть богом» братьев Стругацких 29

РАЗГОВОРЫ О ВАЖНОМ: КУЛЬТУРА, ЦЕННОСТИ, НАСЛЕДИЕ **42**

Родство по свойству служения науке: о жизни академического сообщества (беседа Натальи Пушкаревой и Надежды Орловой) 42

МИР ИСКУССТВА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ **61**

Е. А. Сергеева
Зоя Петровна Лодий (1886–1957) и ее вклад в становление советской школы камерного пения 61

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ 76

Ю. В. Чувилькина
Советские музеи 1920-1930-х годов
в публикациях эмигрантской газеты «Руль» 76

Ю. Г. Благодер, Л. В. Вердян
Памятные знаки Советского Комитета защиты мира:
типология и символика (по материалам
Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации) 88

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ 111

К. Е. Рыбак, Ю. С. Избачков
Убийственная формула любви Анны Барюссо:
опыт научной реконструкции судебного процесса начала XX века 111

Е. Л. Андреянова
Традиционные формы хозяйствования коренных народов Прибайкалья:
проблемы и новые возможности 127

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
"FROM IDEA TO NARRATIVE: DIALECTICS OF DISCOURSE AND PRACTICE OF INTERPRETATION"
(EDITED BY NATALYA A. KOSTINA)

FROM THE EDITORS **13**

FROM IDEA TO NARRATIVE: DIALECTICS OF DISCOURSE AND PRACTICE OF INTERPRETATION **15**

Marina Yu. Paramonova
Fictional Saints and Fictions about Saints: Cults of Saints between Ecclesiastic Control and Tradition 15

Valentina V. Paterykina, Nina S. Ishchenko
Translation of Gnosticism in the Text and Film Adaptations of the Novel *It's Hard to be a God* by the Strugatsky Brothers 29

CONVERSATIONS ABOUT THE IMPORTANT: CULTURE, VALUES, HERITAGE **42**

Kinship by Service to Science: About the Life of the Academic Community (Conversation between Natalia Pushkareva and Nadezhda Orlova) 42

THE WORLD OF ART: HISTORY, THEORY, METHODOLOGY **61**

Ekaterina A. Sergeeva
Zoya P. Lodiy (1886–1957) and Her Contribution to the Formation of the Soviet School of Chamber Singing 61

MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS **76**

Yulia V. Chuvilkina
Soviet Museums in the Publications
of the Emigrant Newspaper *Rul'* (1920s) 76

Yulia G. Blagoder, Leon V. Verdyan
Commemorative Signs of the Soviet Peace Committee:
Symbols and Typology (Based on Materials from the State Catalogue
of the Museum Fund of the Russian Federation) 88

REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES **111**

Kirill E. Rybak, Yuri S. Izbachkov
Anna Barusseau's Feral Formula of Love: An Experiment
in Scientific Reconstruction of a Trial from the Early 20th Century 111

Elena L. Andreyanova
Traditional Economic Entities of Indigenous Population
of Baikal Siberia: Challenges and New Opportunities 127

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА

ОТ ИДЕИ К НАРРАТИВУ: ДИАЛЕКТИКА ДИСКУРСА И ПРАКТИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

SPECIAL SECTION

FROM IDEA TO NARRATIVE: DIALECTICS OF DISCOURSE AND PRACTICE OF INTERPRETATION

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
FROM THE EDITORS

УДК: 130.2:[159.955.1+81'42+303.442.4]
ГРНТИ: 13.07.25
ВАК: 5.10.1.
DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.000

МАЛЫГИНА Ирина Викторовна
доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой мировой культуры Московского
государственного лингвистического университета,
Москва, Российская Федерация
Irina V. MALYGINA
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation
irinamalygina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2145-7953

Идея, нарратив, дискурс и интерпретация – эти понятия образуют сложную сеть взаимоотношений, через которую культура конструирует и осмысляет саму себя. В основе любого культурного явления лежит идея – некое абстрактное зерно, требующее оформления в коммуникативную форму. Однако переход от идеи к нарративу невозможен без дискурса – системы языковых и социальных практик, задающих рамки для интерпретации.

Дискурс, по определению Мишеля Фуко, – это не просто речь, но система правил, определяющих состав объектов коммуникации и ее способ [6, с. 48]. В российской традиции эту мысль развивал Ю. М. Лотман, основатель тартуско-московской семиотической школы, рассматривавший культуру как «семиосферу»: пространство, где знаки взаимодействуют, порождая тем самым новые смыслы. Например, в работе «Культура и взрыв» [1] исследователь анализирует, как революционные идеи 1917 года трансформировались в нарративы, популяризировавшиеся советским государством. Абстрактные лозунги о равенстве и справедливости преобразовались в идеологемы о «светлом будущем», которые структурировали общественное сознание через утверждение новых символов и традиций, воплощавшихся в кино, литературе и искусстве. Дискурс революции, первоначально радикальный и хаотичный, кристаллизовался в стройную систему смыслов, интерпретацию социокультурной реальности.

Значительное влияние на развитие современной российской и мировой науки о культуре имеют идеи М. М. Бахтина, чья теория полифонии и карнавализации раскрывает диалектику официального и народного дискурсов. В книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» [2] М. М. Бахтин показывает, как карнавал становится пространством инверсии: смех и телесность низвергают доминирующие нарративы, создавая альтернативные формы смысла. Этот подход применим и к советской культуре: например, анекдоты и частушки 1970–1980-х гг., пародировавшие партийную риторику, были не просто юмором, но актами, переосмысливавшими официальный дискурс через практику интерпретации.

Интерпретация является своеобразным мостом между дискурсом и нарративом. При этом в полном соответствии с законами диалектики дискурс формирует нарратив, а нарратив, в свою очередь, переопределяет дискурс, создавая пространство для новых интерпретаций. Как отмечал Б. А. Успенский, смысл текста всегда зависит от культурного кода, который читатель привносит в процесс декодирования: «Интерпретация есть акт соотнесения текста с внеположенной ему системой кодов» [3, с. 12]. При этом интерпретации одного и того же объекта, созданные с помощью разных декодирующих систем, приводят к совершенно неодинаковым результатам. Например, советские фильмы 1930-х гг., такие как «Чапаев» братьев Васильевых, воспринимались современниками как героические эпосы, но сегодня они читаются иначе – через призму постсоветского социокультурного опыта и связанной с ним деконструкцией мифов. Изменение контекста превращает старый нарратив в новый объект интерпретации, что ярко иллюстрирует диалектику дискурсивных практик.

Современные российские исследования подтверждают эти наблюдения. В частности, проект «Прожито», созданный историком М. А. Мельниченко, представляет собой цифровой архив личных дневников XX в., в котором персональный опыт становится нарративом, вплетенным в коллективную память. Дневник колхозницы 1930-х гг. или воина, сражавшегося на фронтах Великой Отечественной, будучи опубликованными, перестают быть лишь личным текстом — он вступает в диалог с актуальным историческим дискурсом, подчас предлагая альтернативные интерпретации. Это пример того, как практика работы с текстами меняет сам способ конструирования истории.

Современная культурная жизнь России демонстрирует, как старые идеи обретают новые нарративные формы. Ярким примером в данном смысле является выставка «Сокровища Нукуса» (2017), представленная в залах ГМИИ им. Пушкина. Экспозиция включала более 250 произведений из фондов Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого. Проект, изначально задуманный как демонстрация межкультурного сотрудничества, стал поводом для дискуссий о специфике сохранения произведений искусства в провинциальных музеях Советского Союза. Кураторы невольно запустили процесс реинтерпретации: зрители и критики обратили внимание на то, сколь уникальны произведения искусства, хранящиеся в периферийных музея России и ближнего зарубежья, и насколько сложным был процесс создания этих коллекций [5]. Таким образом, выставка стала не только культурным событием, но и своеобразным экскурсом в историю музейного дела.

Можно заключить, что диалектика дискурса и интерпретации – это нескончаемый процесс, в котором идеи обретают плоть, а нарративы – новую жизнь. Российская культурология, от Лотмана до современных исследователей, убедительно доказывает, что любой текст или артефакт – не застывший объект, а поле активного взаимодействия смыслов. Любая культурная практика – кино, выставка или цифровой архив – становится лабораторией, где старые дискурсы переплавляются в новые нарративы, а интерпретация выступает инструментом переосмысления реальности. В этом движении от идеи к нарративу – суть динамики культуры, вечно балансирующей между традицией и новацией.

Редакция нашего журнала в заглавной рубрике этого номера решила обратиться к достаточно непростой, но актуальной теме дискурсивных и интерпретационных практик. В статье М. Ю. Парамоновой показано, какой сложный путь прошла интерпретация образов святых, чья историчность не подтверждена или подвергается сомнению. Автор отмечает, что формирование легенды о святом и соответствующей традиции его почитания следует понимать как достаточно медленное (зачастую многовековое) расширение соответствующего нарратива, осуществляемое путем рационализации и историизации. Объектом исследования В. В. Патерыкиной и Н. С. Ищенко является роман братьев Стругацких «Трудно быть богом» и его кинематографические воплощения, интерпретируемые с точки зрения концепции политического гностицизма Эрика Фёгелина. В статье показано, как применение философско-культурологического подхода к анализу произведений Стругацких позволяет раскрыть религиозные корни атеистической идеологии, эксплицируя связь материализма с гностическим дуализмом.

Думается, что оба исследования, представленные в рубрике, раскрывают универсальность дискурсивных практик: будь то формирование сакральных нарративов или деконструкция идеологий через художественные тексты. Научная и методологическая значимость представленных исследований состоит еще и в том, что их авторам удалось показать значение интерпретации как инструмента познания, связывающего прошлое с настоящим, миф – с реальностью, а культурные коды – с их глубинными философскими истоками.

Использованная литература:

1. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.

2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 543 с.

3. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970. 224 с.

4. Прожито: электронный архив личных дневников [Электронный ресурс] / ред. М. Мельниченко. URL: https://prozhito.org (дата обращения: 15.10.2023).

5. Сокровища Нукуса. Беседа на выставке [Электронный ресурс] // Артгид. URL: https://artguide.com/posts/1228 (дата обращения: 15.10.2023).

6. Фуко М. Археология знания / пер. с франц. С. Митина, Д. Стасова. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 416 с.

References:

1. Lotman, Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow: Gnozis.

2. Bakhtin, M.M. (1965) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [The Work of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

3. Uspensky, B.A. (1970) *Poetika kompozitsii* [Poetics of Composition]. Moscow: Iskusstvo.

4. Prozhito: elektronnyy arkhiv lichnykh dnevnikov [Lived Through: Electronic Archive of Personal Diaries] [Online] / ed. Melnichenko, M. Available from: https://prozhito.org (Accessed: 15.10.2023).

5. Sokrovishcha Nukusa. Beseda na vystavke [Treasures of Nukus. Conversation at the Exhibition]. (2023) *Artgid* [Artguide] [Online]. Available from: https://artguide.com/posts/1228 (Accessed: 15.10.2023).

6. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archaeology of Knowledge]. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ПАРАМОНОВА Марина Юрьевна
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела исторической антропологии и истории повседневности
Института Всеобщей истории
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ivi-1415@yandex.ru

УДК: [272:27-9]:27-36
ГРНТИ: 13.11.25
ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.001

Вымышленные святые и вымыслы о святых: почитание святых между церковным контролем и традицией

Исследование посвящено христианским святым, историчность которых не подтверждается или подвергается сомнению, и призвано определить источники средневековых нарративов о вымышленных святых и охарактеризовать значение соответствующих текстов в аспекте научного осмысления средневековой истории и культуры. Материалами послужили агиографические сочинения, литургические тексты и другие источники. Рассмотрены легенды о Святом Георгии, исследованы обстоятельства зарождения его культа, выявлены характерные черты ранних повествований, посвященных ему. Отражен процесс постепенной рационализации и историизации соответствующих нарративов. Проанализированы примеры вымыслов о святых, характерных для классического Средневековья. Установлено, что их источниками были Евангелия, сочинения Отцов Церкви и предшествующие рассказы о святых. Данные повествования отражают чаяния и нужды людей Средневековья и их сообществ, фиксируя особый пласт исторической реальности, нуждающийся в пристальном изучении.

Ключевые слова: христианская агиография, вымышленные святые, почитание святых, Святой Георгий, Латинская Европа, Византия, Каппадокия.

Почитание святых с эпохи Поздней Античности и до настоящего времени было и остается самой массовой и широко распространенной религиозной практикой, которая отражает чувства и привычное поведение абсолютного большинства верующих. В течение столетий святые были важнейшими посредниками, через которых христиане коммуницировали с Господом и ощущали на себе его всемогущество и заботу во всех сферах повседневной жизни. Агиографические сочинения, прежде всего жития святых, повествования об их чудесах, литургические тексты были на протяжении многих столетий самым массовым литературным жанром и составляли большую часть письменной продукции Средневековья и Раннего Нового времени. Эти тексты удовлетворяли потребность аудитории верующих в прямом соприкосновении со сверхъестественным и чудесным и, одновременно, выполняли дидактическую функцию. Через простые увлекательные красочные рассказы об «избранниках Божьих» люди самого разного социального статуса и образования получали наглядный пример того, что означает быть образцовым христианином. В огромном перечне христианских святых, однако, можно найти много имен тех лиц, историческое существование которых вызывает сомнение или вовсе не подтверждается. Церковные власти, интеллектуалы и академические ученые высказывали подозрение относительно каноничности и оправданности этих культов. Несмотря на эти сомнения, «вымышленные святые» пользуются на протяжении столетий устойчивой массовой повсеместной популярностью.

Монсеньор Роберт Сарно, почти сорок лет с начала 1980-х гг. служивший в Дикастерии (до 2022 г – Конгрегации) по делам святости Римской Курии и как никто искушенный в канонизационных процедурах, в своих многочисленных интервью и публичных выступлениях неоднократно отмечал, что невозможно точно определить число святых. Слова функционера Римской Курии парадоксальным образом созвучны высказыванию авторитетного исследователя средневековой истории: «Число святых, как и наше знание о прошлом, не имеет пределов» [28][1]. Эти утверждения, с одной стороны, вполне отвечают каноническому положению о том, что церковь почитает в ряду героев веры как известных, так и неизвестных ей святых, что формализовано в календарном праздновании Дня всех святых в православной, католической и связанных с ними традициях. С другой стороны, они напоминают о том, что в состав церковных календарей и мартирологов включено значительное число святых, истинность деяний которых и даже само их историческое существование не могут быть засвидетельствованы на основании достоверных источников. Наглядное подтверждение этому предоставляют перемены в перечне праздников «Общеримского календаря» (*Calendarium Romanum Generale*), осуществленные в 1969 г. и ставшие прямым следствием решений II Ватиканского собора.

Следует напомнить, что Вселенский собор Католической церкви проходил с 11 октября 1962 г. по 8 декабря 1965 г. и был созван папой Иоанном XXIII, а завершен папой Павлом VI. Парадигма общего преобразования церкви, зафиксированная его постановлениями, значима по сей день, хотя и вызывает серьезное сопротивление в консервативных и традиционалистских кругах. Реформа литургии и календаря определялась «конституцией о Священной Литургии» (*Sacrosanctum Concilium*), обнародованной Павлом VI в декабре 1963 г. Помимо собственно литургических новаций, она предполагала исключение из списка главных католических церковных праздников дни памяти 93 святых. Некоторые церковные публицисты, впрочем, приводят список из 200 культов, в ряду которых обнаруживаются и примеры сугубо местного прославления совершенно курьезных персонажей. Тем не менее в число исключенных из общего, то есть обязательного для всех католиков календаря попали и повсеместно почитаемые как Католической, так и Православными церквями святые – Николай Мирликийский, Георгий Победоносец, Кристофор Псеглавец, Варвара, Валентин, Патрик и др. Исследователи средневековой Европы и христианско-

[1] Здесь и далее перевод наш.– *Прим. авт. здесь и далее*

го Востока давно установили, что их образы столетия назад вышли за пределы собственно церковных культовых практик и приобрели функции значимого фактора, определявшего социальную, культурную и политическую идентичность отдельных сообществ. В частности, некоторые из популярных, но исторически сомнительных святых прочно закрепились в качестве небесных покровителей государств, религиозных или профессиональных объединений, отдельных исторических регионов.

В соответствии с постановлением папы Павла VI, однако, достоверность их жизни и деяний объявлялась сомнительной, так как основывалась на сугубо легендарных и вымышленных рассказах. Это решение было шокирующим, поскольку сомнению подвергалась истинность древних, повсеместно почитаемых и популярных святых, в том числе раннехристианских мучеников. В своих воспоминаниях один из самых авторитетных католических теологов прошлого века Луи Буйе пишет, что реформа литургических правил и календаря – дело «трех маньяков» [6]. Впрочем, как это часто происходит, был найден компромисс между верифицируемой достоверностью, церковным контролем и религиозной традицией: исключение из «Общеримского календаря» не означало вычеркивание из местных мартирологов, более того, был оставлен шанс для возвращения в прежний перечень самых громких имен, как это произошло в 1975 г. со святым Георгием, известным в русской церковной традиции под именем Георгия Победоносца, или Великомученика Георгия[1].

Сомнения в истинности сведений о святых, особенно в том, что касается древних «героев веры», истории которых в большинстве случаев дошли в форме неправдоподобных повествований, столь же стары, как и само формирование массовой практики почитания святых [22]. В сочинениях теологов и в церковных постановлениях эпохи патристики актуализируется вопрос о критериях достоверности агиографических нарративов и признании или отрицании отдельных культов святых. Сложная диалектика безусловной веры в божественную силу (*virtus*) святых и их реликвий, с одной стороны, и потребности рационально установить «истинность» конкретных свидетельств, с другой, была характерна для ученой церковной рефлексии. Это отразилось в литературных, теологических и правовых сочинениях, пережив радикальную критику деятелей Реформации и Просвещения. «Служить славе святых, служа истине» гласит девиз Общества Болландистов, сформировавшегося в начале XVII в. в рамках Ордена иезуитов и по сию пору задающего научные стандарты агиографических исследований. В любом случае, этот скепсис не был порождением культуры модерна, результатом становления рациональных канонизационных процедур и научных источниковедческих методик.

Стремительное распространение христианства после официального признания в IV в. этой религии правителями Римской империи привело к существенным коммуникационным трансформациям. В числе прочих происходили изменения и в процессах создания, сохранения и трансмиссии памяти о «своих» святых как в отдельных локальных сообществах, так и в общецерковном взаимодействии [22]. В процессе возникновения массовых культовых и паломнических практик обнаружилось, что «реальные» истории мучеников были забыты. Отсутствие или крайняя скудость «правдивых», «авторитетных» или «документальных» известий легко замещались созданием «эпических повествований о мучениках» – вымышленных пространных красочных рассказов об их жизни и гибели [10] [11].

В знаменитой раннесредневековой компиляции VI в., получившей название «Декрет Гелазия» (*Decretum Gelasianum*), засвидетельствован факт широкого распространения подобных сочинений на всей территории Империи к исходу ее существования. Создание этого текста традиция приписывает папе Гелазию I (492–496), а современные исследователи относят самое раннее к VI в. и местом его происхождения считают не Рим, а север-

[1] Пространный обзор агиографической и культовой традиции святого Георгия в разных культурных, географических и социальных контекстах см.: [1]. Наиболее полный корпус источников (до VIII в.) и историографических отсылок собран на сайте Оксфордского университета, посвященного культам святых в позднеантичной Римской империи. О Георгии см.: [14].

ную Италию или южную Галлию [9]. В состав компиляции включены перечни разрешенных и запрещенных сочинений (*libris recipendis et non recipiendis*), в которых помимо библейского канона и разрешенных для церковного чтения текстов названы сомнительные (апокрифические) сочинения, в том числе и акты мучеников. Указывая на их явную вымышленность и даже подозрение в ереси, предполагаемый понтифик IV в. отмечает, что «деяния этих святых более известны Богу, чем людям» [6, S. 9], это не отвергает правомерности их почитания верующими. Проблема, артикулированная полтора тысячелетия назад, а именно, противоречие между долгой традицией почитания и исторической сомнительностью объекта почитания [24], сохраняет свою актуальность и по сию пору.

Значение агиографии как источника познания прошлого давно вышло за пределы предложенной еще реформационной критикой католичества и сохраненной критическим дискурсом позитивистской историографии простой антитезы – правдивое рациональное описание и порожденный невежеством вымысел. Современные исследователи расширили содержание термина «историческая правда» и нашли в культах святых и агиографии богатый материал, позволяющий взглянуть на культуру изнутри, с точки зрения присущего ей понимания феноменов «правды» и «вымысла», «реальности» и «воображения». Не менее важны и лживые, с точки зрения критического рационализма, истории о святых для изучения взаимодействия «высокой» и «народной» культуры, соотношения ученой рефлексии и фольклорного тяготения к сказочному и невероятному, равно как и проникновения античных или народных литературных сюжетов в структуру христианской письменности [2] [7] [8] [10]. Сравнительное изучение разных религиозных традиций позволяет констатировать, что почитание исторически недостоверных персонажей не было сугубо христианским феноменом, связанным с особенностями социального и культурного формирования этой религии. Оно определенно имеет параллели в иных цивилизационных и интеллектуальных пространствах. Но какова природа этих соответствий – типологическое сходство, генетическая преемственность, отдельные заимствования? Этот вопрос широко обсуждается при изучении ранних христианских культов и агиографии, в которых нередко видят прямое продолжение античной традиции поклонения богам и героям, что, впрочем, оспаривается наиболее авторитетными исследователями позднеантичной культуры [7] [8] [12] [22].

В развитии культа святых, в том числе и «вымышленных», популярность и устойчивость почитания основывалась на трех базовых элементах. 1. Создание развернутой легенды о святом, рецепция, распространение и расширение которой обеспечивали длительное сохранение памяти о ее герое в разных социальных, территориальных и временных контекстах. 2. Наличие популярного культового места (мест), ассоциированного с реликвиями святого, его личным присутствием и, что критически важно, с его чудотворческими способностями. 3. Существование стабильного церковного и религиозного сообщества (сообществ), прямо заинтересованных в расширении славы своего патрона. В связи с этим возникает вопрос о том, можно ли определить некий универсальный механизм взаимодействия этих элементов, установить их иерархию в качестве неизменной матрицы? Возможно, исследователь всякий раз имеет дело с конкретной и уникальной констелляцией обстоятельств развития культа, которые во многих случаях просто нельзя установить [7] [8] [12] [25] [30] [31].

Соотношение церковного контроля над дискурсом и культовыми практиками, с одной стороны, и стихийного «народного» благочестия и религиозного воображения, с другой, представляется критически важной проблемой для изучения социальной, культурной и институциональной истории Средневековья. В полной мере это относится и к изучению культов святых, которые с последних столетий Античности занимали центральное место в духовной и общественной жизни населения Европы и Византии [7] [8] [15] [16] [17] [22] [23] [24], [25] [29]. Вопрос об «историчности» отдельных святых и «достоверности» сведений о них, столь важный для официальной церкви, позитивистской историографии

и критического источниковедения, в новейших исследованиях соседствует с иными научными подходами. В первую очередь, речь идет об антропологической перспективе, которая видит в святых воплощение осознанных и бессознательных представлений о мире, этике, сверхъестественном и земном. Эти представления формировались в процессе сложного переплетения различных дискурсов, культурных традиций, меняющихся условий повседневной жизни.

На примере культов раннехристианских мучеников хорошо видно, как на протяжении столетий сталкиваются, противоборствуют и переплетаются церковное и массовое сознание, ученая и фольклорная культуры. В ряду многих персонажей почти образцовой иллюстрацией может служить фигура Георгия Победоносца. Более чем столетнее тщательное научное изучение его культа и агиографии, накопление огромного массива новых археологических, эпиграфических и иных источников [14] [19] [31] не позволяют ответить на поставленный полторы тысячи лет назад вопрос об историчности прототипа святого. Нерешенными остаются и другие важные для критического исторического знания вопросы, такие как точное место и обстоятельства возникновения культа, причины его популярности и широкого распространения, филиация житий и легенд о святом. Вместе с тем при всей уникальности Георгия он может быть вписан в общий ряд развития культов святых и посвященной им агиографии. Именно «вымышленный святой» представляется типической фигурой, включенной в повседневную жизнь средневековых сообществ. Так или иначе «реальный персонаж» трансформировался в героя легенд, житий, церковных гимнов и народных сказаний. Именно это «создание» воображения и литературного творчества становилось истинным и реальным членом общества. Придуманный святой не только помогал живым людям в осуществлении их надежд на спасение, но и превращал их в сплоченный коллектив, объединенный общей деятельностью и идентичностью. В последние десятилетия накоплен огромный источниковый и исследовательский материал, посвященный как общим проблемам изучения культов святых, так и частным конкретным сюжетам агиографии. К сожалению, он мало известен и интересен отечественным читателям, а потому актуальным представляется хотя бы вкратце напомнить о некоторых важных историко-культурных достижениях современных агиографических исследований.

1. Вымышленные святые. Казус святого Георгия. С некоторой долей условности можно определить идеальную модель появления культов «вымышленных» святых. Наиболее очевидной является ситуация, когда легенда о святом и его почитание возникают в социально-культурном контексте, который не позволяет с определенностью подтвердить историческую достоверность персонажа, его жизни и смерти, равно как и истинные обстоятельства происхождения культа [9] [10] [30] [31]. Традиционно исследователи связывают это с парадоксальной ситуацией широкого и активного почитания святого, с одной стороны, и полной невозможностью его идентификации с конкретным местом, временем, точными историческими обстоятельствами, с другой стороны. Иначе говоря, святой описывается в легендарной (иногда весьма обширной) традиции, однако ни агиографические тексты, ни источники иного происхождения не позволяют провести точную грань между литературным вымыслом и исторической правдой. Как правило, подобное «изобретение» святого связывается с культами раннехристианских мучеников, ставших жертвами гонений в Римской империи, описания деяний и смерти которых (*Acta Martyrum*) великий исследователь И. Делеэ более ста лет назад разделил на исторически достоверные и «эпические», то есть чисто фиктивные, не позволяющие добраться до исторической достоверности [11]. Эта классификация подвергалась и подвергается пересмотру в научных публикациях, однако она не потеряла актуальности как исходная точка изучения культов святых [20] [22] [23].

Одним из характерных примеров «вымышленного святого» является культ неоднократно упомянутого выше Великомученика Георгия. Истории его формирования, развития и распространения в разных религиозно-конфессиональных пространствах, национально-государственных об-

разованиях и отдельных регионах посвящена огромная научная, публицистическая и научно-популярная литература [10] [14] [19] [30] [31]. Он воспринимается как покровитель и защитник государств, отдельных регионов, городов и общин, относящихся к разным конфессиям и церковным юрисдикциям, однако его культ преодолел и религиозные границы. В частности, на Ближнем Востоке почитание Георгия равно разделяют и христиане, и мусульмане, и друзы: в течение столетий посвященные ему святилища объединяли людей разных вероисповеданий. Георгий является святым покровителем, практически символом, Англии и Грузии, исторически он воспринимался как патрон отдельных институций, региональных сообществ, территорий. Его функции были многообразны и различались в зависимости от культурно-исторического контекста: целитель, защитник крестьян и скотоводов, помощник беременных женщин. Наиболее известной вместе с тем является его роль покровителя рыцарства и вооруженных сообществ, равно как и государств в периоды конфликтов. Однако вопрос об исторической достоверности прототипа святого, зафиксированного в огромной и разветвленной легендарной традиции, остается открытым.

Вероятно, единственным точно установленным фактом можно считать то, что культ и агиографическая легенда о святом зародились в восточной части Римской империи. В V–VI вв. на греческом языке были созданы первые «легендарные», полные сказочных и баснословных рассказов и сюжетов «мученичества» Георгия[1], которые очень быстро распространились во множестве версий и легли в основу переводов житий на другие языки (коптский, сирийский, латинский, армянский и грузинский). Не исключено, что повествовательный прототип древнейших сохранившихся текстов существовал уже в конце IV в. Местом их письменной фиксации могли быть Палестина или Александрия (Северная Африка), хотя не отвергается и иная локация на грекоязычном востоке Империи.

Характерной чертой этих ранних повествований является определенно вымышленный и расцвеченный множеством деталей рассказ о том, как юный воин и его товарищи восстали против языческого царя Дадиана (эта группа житий получила наименование «Дадианос-тип»), святой в ходе преследования трижды подвергался жестоким пыткам, трижды умирал и трижды воскресал милостью Христа. В ходе этого фантастически-эпического противостояния Георгий победил древних богов, в том числе «демона», обитавшего в статуе Аполлона, обратил множество язычников в христианство и, в конечном итоге, принял мученическую смерть как «свидетель Христа». Напомню, что понятие «мученик» (*martyr*) произошло от греческого термина μάρτυς, которым обозначались свидетели на судебных разбирательствах. В раннехристианском дискурсе оно было ассоциировано сначала с апостолами и учениками Христа, а затем и с погибшими за веру членами общин, подтверждавшими своей жизнью и смертью истинность учения и самой фигуры Христа. Ранние сочинения о Георгии получили наименования «апокрифических», и К. Крумбахер, век назад осуществивший критическое исследование ранних редакций деяний Георгия, противопоставляет им жития, в большей степени соответствующие жанровым конвенциям ученой агиографии. Вероятно, ранние версии жития приобрели широкое распространение и стали прототипом первых переводов. Их мотивы и сюжетные элементы сохраняли в последующем на протяжении столетий исключительную популярность в легендах, в том числе и фольклорных сказаниях о Георгии, созданных на народных языках западной и восточной Европы[2].

Тексты, возникшие позднее, рационализировали и историизировали церковную легенду о Георгии, в той или иной степени устраняли чисто сказочные, «фольклорные» элементы или «двусмысленные» и неприличные с церковной точки зрения сюжеты. Кроме того, мученичество святого было помещено в контекст сформировавшегося в церковной традиции рассказа о гонениях на христиан накануне правления Константина Великого и из истории был убран явно вымышленный

[1] До сих пор фундаментальным научным изданием ранних агиографических сочинений остается [19].

[2] Комментарии о некоторых мотивах латинской гимнографии и их происхождении см: [4].

«персидский царь» Дадиан. Последний, будучи неизвестен позднеантичной традиции, не только был для литературно образованных авторов очевидным вымыслом, но и противоречил всему христианскому дискурсу об истории церкви и его центральной теме – истории «первых героев веры», мучеников, погибших в противостоянии могущественной языческой Империи. Возможно, одним из первых, стремившихся придать историческую достоверность истории Георгия, был выдающийся византийский гимнограф Роман Сладкопевец или иной анонимный автор VI в., переместивший историю мученика из вневременного абстрактного континуума в исторически определенный контекст позднеримских преследований христиан, инициированных императором Диоклетианом (284–305). Не исключено, что автор литургического текста опирался на более ранний прозаический текст конца V–VI вв. Позднейшие агиографы предлагали свои версии того, кто был противником Георгия из числа исторически известных позднеримских правителей. Литературная, культовая и иконографическая традиция вписала его фигуру в длинный ряд так называемых «святых воинов» – римских солдат и военачальников, принявших христианство, отказавшихся от исполнения императорского культа (что было формальным подтверждением лояльности) и принявших мученическую смерть в подтверждение своей верности Христу[1].

Тенденция к нормализации текстов в соответствии с жанровыми конвенциями, однако, вовсе не противоречит тому, что явно фольклорные и вымышленные истории о мучениках, погибших от руки экзотических злодеев-язычников, создавались и в эпоху Поздней Империи, и столетия позже. Исследователи отмечают, что ранние повествования о библейских персонажах, мучениках и аскетах широко заимствуют сюжеты и мотивы из народной и античной романной традиции [7] [8] [10] [11] [12]. Эти сюжеты и мотивы пользовались широкой популярностью, питали народное и ученое воображение в эпоху Средневековья и Нового времени. Рационализация легенды о Георгии в соответствии с нормами ученой церковной культуры и правилами агиографического «стереотипного» дискурса не смогла вытеснить на протяжении столетий ассоциации волшебной истории о побеждающем смерть воине с деяниями христианского мученика. «Злоязычный» Эразм Роттердамский метко сравнивал Георгия Победоносца, великого героя в воображении своих современников, с Гераклом в восприятии древних.

Ранние агиографические тексты дают в высшей степени запутанную и противоречивую картину происхождения Георгия, истории его семьи, места и времени гибели, основания надгробного святилища. Уже в самых ранних текстах день памяти святого определяется как 23 апреля, в последующем в календарях отдельных церквей к ним добавляются и другие даты, связанные главным образом с перенесением мощей святого или его реликвий, а также с освящением основанных в его честь церквей, значимых для локальных традиций[2]. Примечательно, что празднование памяти Георгия могло переноситься в зависимости от дат пасхального цикла. В Польше, что любопытно, праздник переместился на 24 апреля, поскольку на 23 апреля приходился день памяти главного покровителя государства Войтеха (Адальберта), Пражского епископа, миссионера и мученика (ок. 950–997). Важная для церковного календаря и литургии дата, одним словом, ничего не говорит о реалиях жизни, смерти или генезисе почитания Георгия.

В долгой средневековой традиции противоречивость исходных версий жития отражена в полной мере, в том числе и в откровенных признаниях, что автор должен учитывать разные сведения своих предшественников[3]. В некоторых древних, но, видимо, не начальных версиях жития появляются рассказы о се-

[1] См. фундаментальную для всей современной исследовательской традиции работу И. Делеэ о «мучениках воинах» [10].

[2] О датах календарных праздников в различных церковно-региональных традициях см. статью «Георгий» в электронной версии «Православной Энциклопедии» [1].

[3] Об этом пишут Беда Достопочтенный и Иаков Ворагинский, соответственно, в VIII в. в Британии и в XIII в. в Италии. «Золотая легенда», сборник рассказов о святых, составленный Иаковом Ворагинским, стал настоящим «бестселлером» своего и последующих столетий [3].

мье святого, христианском вероисповедании матери и ее погребении вместе с Георгием, его рождении в Каппадокии и последующем воспитании и проживании в Палестине[1].

В ранних житиях встречаются разнообразные варианты локализации рождения, подвигов и гибели Георгия, привязывающие его историю к местным реалиям, в чем можно увидеть тенденцию перенести изначальную «фиктивную» историю в плоскость «реалистического» и «достоверного». Не исключено, что за этим могли стоять и интересы локальных центров почитания святого, которые, видимо, в течение V–VI вв. стремительно распространялись от Египта, Леванта и Малой Азии до материковой и островной Греции, Южной Италии и Рима вплоть до северной Галлии. В качестве курьеза можно упомянуть позднюю Каталанскую легенду о святом, в которой его мученичество связывается именно с этим регионом, и грузинское предание о том, что Георгий был родственником святой равноапостольной Нины.

Местом рождения Георгия и проживания его семьи отдельные тексты называют как Диасполис (палестинская Лидда, современный Лод в Израиле), ставший местом его погребения, так и Каппадокию, а местом гибели – Тир (современный Сир на южном побережье Ливана) в правление (мифического) персидского короля Дадиана. По другой версии Диасполис был одновременно местом его гибели и погребения, а происходило все в годы правления Диоклетиана. По классификации К. Крумбахера, те жития, где мученичество Георгия отнесено к эпохе (исторически достоверной) Диоклетиана, определяются как «тип Диоклетиана», подразделяясь на более ранний и синкретичный и так называемый «нормализированный текст» (*Normaltext*). Примечательно, что расхождения между сохранившимися редакциями и списками не имеют точных хронологических координат, которые позволили бы однозначно выстроить эволюцию предания. Сходные, но очевидно различные по своему генезису элементы повествования присутствуют как в текстах, чье происхождение близко по времени, так и в хронологически удаленных.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов остается место происхождения (предполагаемой) исходной легенды о святом и ее связь с местом его погребения в Диасполисе, ставшем, судя по сохранившимся сообщениям, уже на рубеже Античности и Средневековья центром массового паломничества и почитания святого [30]. Текстологическая история древнейших повествований о Георгии не позволяет решить эту проблему. Формальная логика предполагает, что засвидетельствованное письменными и археологическими источниками начальное место культа должно было бы быть центром литературной активности, направленной на прославление «своего» святого. Такая пропаганда, отражая собственно благочестивые намерения авторов – написание жития или чудес святого было и остается религиозно мотивированным актом,– становилась не только важнейшим триггером известности («славы») святого, но и источником материального благополучия святилища, религиозной общины и поселения, в котором они располагались[2]. Однако неопределенность генезиса, взаимоотношений и связей текстов, да и само их существование в ситуации сложных взаимовлияний разных традиций – классической, фольклорной, библейской, христианской агиографической – делает не менее правдоподобным предположение о том, что местом происхождения древнейшей письменной легенды в конце IV–V вв. была позднеантичная Северная Африка, возможно Александрия [14] [30] [31].

Характер ранней письменной традиции о святом Георгии не позволяет выяснить правдоподобную канву его жизни и мученичества [30, p. 296–298], что вызывает у современных

[1] Написанное в Армении житие Георгия называет местом рождения святого город Севастополь Армянский (*Sebastopolis*) [1], находившийся в имперской провинции Первая Армения (*Armenia Prima*), а жестокий правитель назван армянским именем Вардан (*Vardanios*) [14].

[2] Примечательно, что в ранних версиях жития указывались даты гибели других людей, обращенных святым и/или ставших его «соратниками». Их последовательность – от февраля до апреля – была такова, что формировался цикл малых праздников, а его кульминацией становился день памяти самого Георгия. Исследователи видят в этом возможную связь таких текстов непосредственно с местом погребения святого. Подобные указания и уточнения исчезают из более поздних редакций.

исследователей, как и у древних и современных теологов и церковных функционеров (см. указанное выше упоминание апокрифических рассказов о Георгии в {*Decretum Gelasianum*} VI в.) обоснованные сомнения в том, что речь идет о реальном историческом персонаже. В критических исследованиях XIX–XX вв. неоднократно делались попытки отождествить мученика с существующим в действительности персонажами позднеантичного периода, известными по независимым аутентичным источникам. Одним из наиболее популярных претендентов на роль прототипа легендарного Георгия стал Георгий Каппадокийский, в высшей степени подозрительный исторический персонаж середины IV в. Являясь приверженцем арианства, он стал епископом Александрии и около 361 г. вместе со своими сторонниками был растерзан взбунтовавшейся толпой. Расправа над Георгием Каппадокийским относится ко времени правления императора Юлиана Отступника (361–363) и описана современником событий Аммианом Марцеллином. Авторитет этой гипотезы подкрепляется именем Э. Гиббона, впервые ее высказавшим со всем злорадством просвещенческого антиклерикализма. Несмотря на серьезные контраргументы, эта идентификация святого Георгия периодически рассматривается в серьезных научных исследованиях. Вероятно, у подобной контаминации святого и епископа Александрии были раннесредневековые корни, что косвенно подтверждают *Decretum Gelasianum* и грекоязычные тексты начала VIII в. [31].

Достоверные свидетельства о Георгии находят и в относящемся к первой половине IV в. сообщении Евсевия Кесарийского, который упоминает некоего мученика, казненного по приказу императора Диоклетиана в Никомедии. Этот «герой веры», упомянутый в восьмой книге «Церковной истории», однако, не назван по имени, а Георгий, согласно начальной версии его легенды, не имел отношения к Малой Азии и Каппадокии [13]. Так или иначе, исследователи констатируют, что достоверных свидетельств об «историческом Георгии» не содержат ни посвященные ему агиографические сочинения, ни исторические или документальные памятники, относящиеся к предполагаемым годам его жизни и мученичества или хронологически близким авторитетным свидетельствам. Тем не менее самое позднее в VI в. он становится метаисторическим персонажем, героем литературного и фольклорного творчества, который стал иконическим образом защитника и примером религиозной стойкости.

2. Вымыслы о святых. Фигуры «вымышленных святых» были характерны не только для позднеантичной Империи, но, как показывает изучение средневековой агиографии, неоднократно появлялись и в последующие века. Некоторые из них кажутся современному человеку почти кафкианским абсурдом, миражом, воплотившимся в результате неверного прочтения эпиграфических или книжных записей. В качестве одного из самых известных примеров можно упомянуть культ мученицы Урсулы и одиннадцати тысяч дев, зародившийся в Кельне как следствие неверного прочтения позднеантичной надписи [27]. Широкое распространение с началом массового почитания святых получила практика контаминации нескольких персонажей, в процессе которой уже существующая легендарная традиция об одном святом переносилась на другого или других [15] [23] [25]. Не последнюю роль играло и создание легендарных рассказов о жизни и чудесах обитателя популярного культового места, где само святилище становилось источником конструирования персонажа и распространения его почитания [5] [7]. Одним из самых курьезных примеров этого был культ Гинефора, охотничьей собаки, почитавшейся в одной французской деревне XIII в. в качестве святого, о котором местное сообщество сложило многочисленные и цветастые легенды [26]. Менее экзотическими были культы и повествования, сложившиеся вокруг древних захоронений, самыми знаменитыми из которых были Римские катакомбы, расположенные на бескрайних просторах Римской империи. Религиозная традиция идентифицировала их с захоронениями мучеников, а воображение и знание предыдущих «деяний мучеников» позволили создать описания жизни и чудес захороненных, часто отталкиваясь лишь от указанного в надписях

имени [5] [7] [8] [18] [22] [23][1]. Эти христианские герои прочно закреплялись в календарях и литургических книгах, а истории о них, обрастая новыми деталями, распространялись по всей христианской ойкумене. Обладание их мощами и реликвиями стало престижным повсеместно, в том числе и у вновь обращенных народов. Исконные территории Римской империи стали с IX–X вв. основным источником «экспорта» мощей древних (самых «престижных») святых к северу и востоку от Средиземноморья [5] [23]. С их перемещением, дарением, кражей было связано не только распространение церковного и политического влияния, но и организация весьма прибыльного бизнеса по торговле реликвиями и организации паломничеств.

Формирование популярной легенды о святом – это последовательное, нередко протекающее на протяжении столетий расширение метанарратива, зачастую в своих истоках отталкивающееся от кратких упоминаний отдельных лиц в авторитетных текстах, таких как Священное писание, сочинения Отцов церкви, церковные календари и мартирологи. В процессе развития культа и приумножения связанной с ним литературной продукции упомянутые в первоисточниках персонажи получают имена, семейную историю, подробности жизни и смерти [8] [10] [12] [15] [25] [27]. Лицо, чье историческое существование с большей или меньшей очевидностью могло быть подтверждено аутентичным или «авторитетным» источником, приобретало таким образом «правдивую» и «достоверную» биографию, связывалось с территориями или географическими пунктами, в которых развивался культ, и становилось «своим» небесным покровителем для местного сообщества или сообществ. Одним словом, из краткого правдивого упоминания рождалась «реалистичная» и «правдоподобная» фигура святого, полнокровность которой обеспечивалась убедительностью литературного или фольклорного воображения авторов, зачастую анонимных и коллективных. Именно они были истинными «создателями» святых, которых через призму их сочинений воспринимала аудитория верующих. В известном смысле любой святой в процессе развития его агиографической и историографической традиции превращался в «вымышленного» литературного персонажа. Описания его жизни, смерти и чудес трансформировались в дополнениях к старым текстам и во вновь создаваемых житиях и литургических произведениях: они приспосабливались к потребностям церковных институций, воображению и вкусам тех или иных сообществ верующих, изменению культурного, социального и религиозного контекста в конкретных временных и территориальных обстоятельствах.

Стремление авторитетных институций, прежде всего епископата и церковных интеллектуалов, контролировать процессы замещения или дополнения достоверного рассказа баснословными вымышленными историями натыкалось на сопротивление массового обыденного сознания, повсеместную веру в чудесное и любовь «читателей» к сказочным волшебным историям [22] [23] [24] [25] [29]. Жития святых полны рассказов о борьбе их героев с чудовищами, колдунами, демонами, о чудесном перемещении святых как при жизни, так и после смерти из одного места в другое. Отмечу, что на протяжении Средневековья и значительной части Нового времени большинство населения не читало, а слушало агиографические и литургические сочинения. Это создавало почву для вариативности и изменчивости полученной информации в сознании реципиентов, облегчало совмещение агиографических и фольклорных мотивов или их взаимозаменяемость.

Очевидно, что сами представления о «чудесном» и «обыденном» существенно отличались в разных социальных группах и менялись с течением времени. Эта вариативность была гораздо более сложной, чем простая дихотомия «ученой» и «народной» культуры. Однако и для образованных клириков, и для неграмотных «простаков» способность святых совершать чудеса не подлежала сомнению. В чуде проявлялось всемогущество Господа в руководстве человеческими жизнями, а святой выступал как инструмент этой власти и посредник во взаимоотношениях

[1] Значительное число подобных примеров можно обнаружить при внимательном ознакомлении со списком католических святых, выложенном в сети Интернет [21].

Бога и людей [2] [5] [7] [8] [29]. Главным местом, где совершались чудеса, были и остаются места захоронения святых: мощи святых и их гробницы с IV в. притягивали толпы верующих и становились местами массовых паломничеств. Вне зависимости от статуса и образования, начиная с Античности и вплоть до эпохи Просвещения, христиане не сомневались в том, что святой, пребывая на Небесах, одновременно непосредственно, «физически» находится в месте своего погребения [5] [7]. Церковные институции были заинтересованы в сохранении и максимально широком распространении информации о чудотворчестве «своих» святых [5] [24] [29], поскольку это укрепляло их авторитет, усиливало позиции во взаимоотношениях с церковными и светскими властями и обеспечивало рост их благосостояния за счет дарений и пожертвований верующих[1].

Чудо было и остается главным аргументом в признании святости человека, а потому церковные учреждения на протяжении столетий скрупулезно фиксировали чудеса, совершавшиеся над мощами, хранившимися в их стенах. Эти нередко весьма пространные перечни включали риторические элементы достоверного свидетельства: в них указывалось место, обстоятельства и причины сверхъестественного вмешательства святого, а также назывались участники и свидетели произошедшего. Тем не менее правдивость этих историй вызывала сомнения и требовала специальной проверки. Это привело к постепенному складыванию церковной экспертизы в рамках официальной канонизации, контроль над которой в Западной церкви, начиная с X–XII вв., последовательно концентрировался в руках Римских пап. Рассматривая «досье» претендента на официальное церковное признание в рамках длительного, имитирующего судебное расследование процесса, представители Святого Престола уделяли особое внимание именно сведениям о чудесах [16] [17] [29].

Рассказы о чудесах святых очевидно расширяли их прижизненные истории, делая их активными участниками событий, происходивших через столетия после их смерти и на расстоянии тысячи километров от мест реального обитания святого. Герои библейского повествования, раннехристианские мученики и ранние восточные аскеты были важнейшими персонажами повседневной жизни простых и могущественных людей во всей христианской ойкумене: они лечили и защищали от несправедливости, участвовали в битвах и предоставляли убежище, вершили суд и карали виновных. Святые могли сами выбирать, где будут покоиться их останки, наказывать провинившиеся общины тем, что они чудесным образом утрачивали их мощи, или, напротив, награждать столь же чудесным их обретением в знак благодарности за благочестие и исправление. Можно ли считать эти рассказы о чудесах вымыслом, порождением темного сознания и предрассудков, бесполезными для реконструкции прошлого «как оно было на самом деле» текстами? Или, напротив, это важнейший источник, открывающий окно в мир чувств, воображения и повседневной коммуникации давно завершившейся эпохи? Антропологический и историко-культурный подходы к истории выбирают второе.

Агиографические произведения, таким образом, показывают, что, дополняя, переписывая или создавая заново истории жизни и чудес святых, люди на протяжении столетий выражали горести, надежды, проблемы и устремления свои личные и своих сообществ. Эти литературные фикции отражали, вне сомнения, компилятивность средневековой литературы, проявляющуюся в обыденности прямого заимствования отдельных сюжетов, мотивов и целых историй из существующих текстов при создании новых сочинений. Источником такого заимствования в агиографических текстах были Евангелия и сочинения Отцов Церкви, предшествующие повествования о святых, из которых заимствовались не только отдельные элементы, но нередко и целостная повествовательная структура. Последнее особенно актуально в тех случаях, когда «новый» святой мог быть ассоциирован по характеру своего религиозного подвига с известным персонажем, почитание которого уже подтверждено

[1] О святых, их взаимодействии с людьми и чудесах лучшим исследованием на русском остается монография А. Я. Гуревича [2].

длительной традицией. Однако за этой стереотипностью и шаблонностью повествований о святых, что делало их весьма сомнительным источником с точки зрения позитивистской историографии, исследователи последних десятилетий открыли иные возможности познания прошлого таким, каким оно было на самом деле.

Marina Yu. PARAMONOVA
Dr. Sci. (General History),
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ivi-1415@yandex.ru

Fictional Saints and Fictions about Saints: Cults of Saints between Ecclesiastic Control and Tradition

Abstract. The study is dedicated to Christian saints whose historicity is not confirmed or is questioned, and is intended to determine the sources of medieval narratives about fictitious saints and to characterize the significance of the corresponding texts in the context of scholarly research of medieval history and culture. The article is based on the modern investigations in the field of medieval history and on the primary sources such as lives of saints and their collections, liturgical texts, and other narrative works. Historical-genetic, comparative-historical, systemic-historical, diachronic, hermeneutic and other methods are applied. As one of the most striking examples of the analyzed phenomenon, legends about St. George are considered; the circumstances of the origin of his cult are investigated; the characteristic features of early narratives dedicated to him are revealed. The process of gradual rationalization and historicization of the corresponding narratives is reflected. The inconsistency of the original versions of the life of St. George is emphasized; various options for the localization of his birth, exploits and death are given. The impossibility of establishing a plausible outline of his life and martyrdom is stated. Attempts to identify the martyr with real historical figures of the Late Antiquity period are characterized, and the degree of success of these attempts is assessed. The author concludes that despite the lack of completely reliable evidence of the historicity of George, he became a metahistorical character, a hero of literature and folklore, an iconic image of a defender and an example of religious fortitude. Examples of fictions about saints, characteristic of the classical Middle Ages, are analyzed; examples of the creation of legendary stories about the life and miracles of the inhabitants of popular cult places are studied. The formation of a legend about a saint and the corresponding tradition of veneration is understood as a rather slow (often centuries-old) expansion of the corresponding narrative. The mechanism of this process is revealed, the basis of which was the gradual emergence of a "reliable" biography of a fictional saint, containing a name, family history, details of life and death. It was established that the sources of the studied narratives were the Gospels, the writings of the Church Fathers and previous stories about saints. These narratives reflect the aspirations and needs of the people of the Middle Ages and their communities by recording a special layer of historical reality that requires a close study.

Keywords: Christian hagiography, fictional saints, veneration of saints, Saint George, Latin Europe, Byzantium, Cappadocia.

Использованная литература:

1. Георгий [Электронный ресурс]// Православная энциклопедия. URL: https://www.pravenc.ru/text/162188.html (дата обращения: 10.11.2024).

References:

1. Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. (2024) *Georgiy* [George]. [Online] Available from: https://www.pravenc.ru/text/162188.html (Accessed: 10.11.2024).

2. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М.: Искусство, 1989. 366 с.

3. Иаков Ворагинский. Золотая легенда. В 2 т. / пер. с лат. И. В. Кувшинской, И. И. Аникьева. М.: Изд-во Францисканцев, 2016–2018.

4. Секвенции о св. Георгии / пер. с лат. и коммент. М. Р. Ненароковой // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2015. № 7. С. 110–129.

5. Angenendt A. Relics and their veneration in the Middle Ages // The Invention of Saintliness / ed. A. B. Mulder-Bakker. London: Routledge, 2002. P. 27–37.

6. Bouye L. Mémoires. Paris: Cerf, 2014. 330 p.

7. Brown P. The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity. Chicago: University of Chicago Press, 1982. 224 p.

8. Castelli E. Martyrdom and Memory: Early Christian culture making. New York: Columbia University Press, 2004. 360 p.

9. Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis / ed. Ernst von Dobschütz // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Bd. 38. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1912. 362 s.

10. Delehaye H. Les légendes grecques des saints militaires. Paris: A. Picard, 1909. 272 p.

11. Delehaye H. Les Passions épiques // Delehaye H. Les Passions des martyres et les genres littéraires. 2-e ed., revue et corrigée. Brussels: Société des Bollandistes, 1966. P. 171–226.

12. Ehrman B. Peter, Paul and Mary Magdalene: The Followers of Jesus in History and 13 Legend. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. xv, 285 p.

13. Friedrich J. Der geschichtliche Heilige Georg // Sitzungsberichte der philosophisch-philologische und historische Klasse der königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München: Verlag der k. Akademie, 1899. Bd. 2. S. 159–203.

14. George, soldier and martyr, and Companions [Electronic resource] // The Cult of Saints in Late Antiquity: Database / University of Oxford. URL: http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=S00259 (date of access: 12.12.2024).

15. Jansen K. The Making of the Magdalen: Preaching and Popular Devotion in the Later Middle Ages. Princeton: Princeton University Press, 2001. xiii, 389 p.

16. Kemp E. W. Pope Alexander III and the Canonization of Saints: The Alexander Prize Essay // Transactions of the Royal Historical Society. Ser. 4. Vol. 27. Cambridge: Cambridge University Press, 1945. P. 13–28. DOI https://doi.org/10.2307/3678572.

17. Kemp E. W. Canonization and Authority in the Western Church. London: Oxford University Press, 1948. 196 p.

18. Koudounaris P. Heavenly Bodies: Cult Treasures and Spectacular Saints from the Catacombs. London: Thames and Hudson, 2013. 192 p.

19. Krumbacher K. Der heilige Georg in der griechischen Überlieferung // Abhandlungen der königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-philologische und historische Klasse. Bd. 25. Abh. 3. Munich: Verlag der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1911. S. xlii, 1–332.

2. Gurevich, A.Ya. (1989) *Kul'tura i obshchestvo srednevekovoy Evropy glazami sovremennikov (Exempla XIII veka)* [Culture and Society of Medieval Europe through the Eyes of Contemporaries (Exempla of the 13th Century)]. Moscow: Iskusstvo. 366 p.

3. Jacob of Voragine. (2016–2018) *Zolotaya legenda. V 2 t.* [The Golden Legend. In 2 volumes] Translated from Latin by I.V. Kuvshinskaya, I.I. Anik'ev. Moscow: Izdatel'stvo Frantsiskantsev.

4. *Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya*. (2015) Sekventsii o sv. Georgii [Sequences about St. George]. Translated from Latin by M.R. Nenarokova. 7. pp. 110–129.

5. Angenendt, A. (2002) Relics and their veneration in the Middle Ages. In: Mulder-Bakker, A.B. (ed.) *The Invention of Saintliness*. London: Routledge. pp. 27-37.

6. Bouye, L. (2013) *Mémoires*. Paris: Cerf. 330 p.

7. Brown, P. (1982) *The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity.* Chicago: University of Chicago Press. 224 p.

8. Castelli, E. (2004) *Martyrdom and Memory: Early Christian Culture Making*. New York: Columbia University Press. 360 p.

9. Von Dobschütz, E. (ed.)(1912) Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis. In: *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur*. Bd. 38. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung. 362 S.

10. Delehaye, H. (1909) *Les légendes grecques des saints militaires*. Paris: A. Picard. 272 p.

11. Delehaye, H. (1966) Les Passions épiques. In: Delehaye, H. *Les Passions des martyres et les genres littéraires*. 2e ed., revue et corrigée. Brussels: Société des Bollandistes. pp. 171–226.

12. Ehrman, B. (2006) *Peter, Paul, and Mary Magdalene: The Followers of Jesus in History and Legend*. Oxford; New York: Oxford University Press. 285 p.

13. Friedrich, J. (1899) Der geschichtliche Heilige Georg. In: *Sitzungsberichte der philosophisch-philologische und historische Klasse der königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 2. München: Verlag der k. Akademie. S. 159–203.

14. The Cult of Saints in Late Antiquity: Database. (2024) *George, Soldier and Martyr, and Companions*. University of Oxford. [Online] Available from: http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=S00259 (Accessed: 12.12.2024).

15. Jansen, K. (2001) *The Making of the Magdalen: Preaching and Popular Devotion in the Later Middle Ages*. Princeton: Princeton University Press. 389 p.

16. Kemp, E.W. (1945) Pope Alexander III and the Canonization of Saints: The Alexander Prize Essay. In: *Transactions of the Royal Historical Society*. Ser. 4. Vol. 27. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 13–28. DOI: https://doi.org/10.2307/3678572

17. Kemp, E.W. (1948) *Canonization and Authority in the Western Church*. London: Oxford University Press. 196 p.

18. Koudounaris, P. (2013) *Heavenly Bodies: Cult Treasures and Spectacular Saints from the Catacombs*. London: Thames and Hudson. 192 p.

19. Krumbacher, K. (1911) Der heilige Georg in der griechischen Überlieferung. In: *Abhandlungen der königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-philologische und historische Klasse*. Bd. 25. Abh. 3. Munich: Ver-

20. Kälviäinen N. “Not a Few of the Martyr Accounts Have Been Falsified from the Beginning”. Some Preliminary Remarks on the Censorship and Fortunes of the Demonic Episode in the Greek Passion of St. Marina (BHG 1165–1167c) // Translation and Transmission / ed. J. Hämeen-Anttila, I. Lindstedt. Münster: Ugarit-Verlag, 2019. P. 107–137.

21. List of Catholic Saints [Electronic resource] // Wikipedia, the Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Catholic_saints (date of access: 14.11.2024).

22. Rebillard É. The Early Martyr Narratives: Neither Authentic nor Forgeries. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2020. 192 p.

23. Myths, Martyrs and Modernity: Studies in Honour of Jan N. Bremmer / ed. J. Dijkstra, J. Kroesen, Y. Kuiper. Leiden; Boston: Brill, 2010. 758 p.

24. Saintly Bishops and Bishops’ Saints: Proceedings of the 3rd Hagiography Conference organized by Croatian Hagiography Society ‘Hagiotheca’ and International Hagiography Society (Poreč, 27–30 May, 2010) / ed. J. S. Ott, T. Vedriš. Zagreb: Hagiotheca-Humaniora, 2012. xv, 279 p.

25. Saxer V. Le Culte de Marie Madeleine en Occident: Des origines a la fin du Moyen Âge. Paris: Auxerre, 1959. 182 p.

26. Schmitt J.-C. Le saint Lévrier – Guinefort, guérisseur d’enfants depuis le XIIIe siècle. Paris: Flammarion, 2004. 283 p.

27. Schmitz W. Zum Ursprung der Ursulalegende: Die Inschrift des Clematius // Rosen Hg. W., Wirtler L. Quellen zur Geschichte der Stadt Köln. Bd. 1: Antike und Mittelalter von den Anfängen bis 1396/97. Köln: J. P. Bachem Verlag, 1999. S. 53–58.

28. The Jesuit Institution Uncovering the Truth (And Fake News) about Saints [Electronic resource] // America: The Jesuit Review. URL: https://www.americamagazine.org/faith/2019/02/05/jesuit-institution-uncovering-truth-and-fake-news-about-saints (date of access: 16.11.2024).

29. Vauchez A. La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Âge (1198–1431): recherches sur les mentalités religieuses médiévales. Rome: Ecole Francaise de Rome, 1981. P. x, 765 p.

30. Walter Ch. The Origins of the Cult of St. George // Revue des études byzantines. T. 53. 1995. Paris: Institut Français d’Études Byzantines. P. 295–326.

31. Woods D. The Origins of the Cult of St George // The Great Persecution: The Proceedings of the Fifth Patristic Conference (Maynooth, 21–22 November, 2003) / ed. V. Twomey, M. Humphries. Dublin: Four Courts Press, 2009. P. 141–158.

lag der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften. S. xlii, 1–332.

20. Kälviäinen, N. (2019) “Not a Few of the Martyr Accounts Have Been Falsified from the Beginning”. Some Preliminary Remarks on the Censorship and Fortunes of the Demonic Episode in the Greek Passion of St. Marina (BHG 1165–1167c). In: Hämeen-Anttila, J. & Lindstedt, I. (eds) *Translation and Transmission*. Münster: Ugarit-Verlag. pp. 107–137.

21. Wikipedia, the Free Encyclopedia. (2024) *List of Catholic Saints*. [Online] Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Catholic_saints (Accessed: 14.11.2024).

22. Rebillard, É. (2020) *The Early Martyr Narratives: Neither Authentic nor Forgeries*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 192 p.

23. Dijkstra, J., Kroesen, J. & Kuiper, Y. (eds) (2010) *Myths, Martyrs, and Modernity: Studies in Honour of Jan N. Bremmer*. Leiden; Boston: Brill. 758 p.

24. Ott, J.S. & Vedriš, T. (eds) (2012) *Saintly Bishops and Bishops’ Saints*: Proceedings of the 3rd Hagiography Conference organized by Croatian Hagiography Society ’Hagiotheca’ and International Hagiography Society. Poreč. 27–30 May 2010. Zagreb: Hagiotheca-Humaniora. 279 p.

25. Saxer, V. (1959) *Le Culte de Marie Madeleine en Occident: Des origines a la fin du Moyen Âge*. Paris: Auxerre. 182 p.

26. Schmitt, J.-C. (2004) *Le saint Lévrier – Guinefort, guérisseur d’enfants depuis le XIIIe siècle*. Paris: Flammarion. 283 p.

27. Schmitz, W. (1999) Zum Ursprung der Ursulalegende: Die Inschrift des Clematius. In: Rosen, W. & Wirtler, L. (Hg.) *Quellen zur Geschichte der Stadt Köln*. Bd. 1: Antike und Mittelalter von den Anfängen bis 1396/97. Köln: J.P. Bachem Verlag. S. 53–58.

28. *America: The Jesuit Review*. (2019) The Jesuit Institution Uncovering the Truth (And Fake News) about Saints. [Online] Available from: https://www.americamagazine.org/faith/2019/02/05/jesuit-institution-uncovering-truth-and-fake-news-about-saints (Accessed: 16.11.2024).

29. Vauchez, A. (1981) *La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Âge (1198–1431): recherches sur les mentalités religieuses médiévales*. Rome: Ecole Francaise de Rome. 765 p.

30. Walter, Ch. (1995) The Origins of the Cult of St. George. In: *Revue des études byzantines*. 53. Paris: Institut Français d’Études Byzantines. pp. 295–326.

31. Woods, D. (2009) The Origins of the Cult of St George. *The Great Persecution*: The Proceedings of the Fifth Patristic Conference. Maynooth. 21–22 November, 2003. Ed. V. Twomey, M. Humphries. Dublin: Four Courts Press. pp. 141–158.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Парамонова, М. Ю. Вымышленные святые и вымыслы о святых: почитание святых между церковным контролем и традицией / М. Ю. Парамонова. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.40.4.001 // Наследие веков. – 2024. – № 4. – С. 15–28. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/647/541 (дата обращения: ДД.ММ. ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Paramonova, M.Yu. (2024) Fictional Saints and Fictions about Saints: Cults of Saints between Ecclesiastic Control and Tradition. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 4. pp. 15–28. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.001.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ПАТЕРЫКИНА Валентина Васильевна
доктор философских наук,
профессор кафедры теории и истории искусств
Луганской академии культуры и искусств
имени М. Матусовского,
Луганск, Российская Федерация
zelenlist@mail.ru
ORCID: 0009-0008-9367-4130

ИЩЕНКО Нина Сергеевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
истории и педагогики Луганского государственного аграрного
университета имени К. Е. Ворошилова,
Луганск, Российская Федерация
ninaofter@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8616-7087

УДК: [321.5/.8:255.85]:[82-311.9+791.221.8](47+57)
ГРНТИ: 13.11.22
ВАК: 5.10.1.
DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.002

Трансляция гностицизма в тексте и экранизациях романа «Трудно быть богом» братьев Стругацких

Исследование направлено на выявление специфики воплощения элементов гностического мировоззрения (иерархия миров, дуализм духовного и материального, гнозис) в романе братьев Стругацких «Трудно быть богом» и его экранизациях (П. Фляйшман, 1989; А. Герман, 2013) через призму концепции политического гностицизма Э. Фёгелина. Материалами послужили текст романа, его кинематографические адаптации и сочинения раннехристианских авторов (Ириней Лионский, Тертуллиан). Через анализ политической мифологии модерна (Э. Фёгелин) показано, что в мире Полудня существует иерархия миров, основанная на идее о приоритете

земной цивилизации над остальными. Обосновано соответствие выявленных в романе Стругацких базовых идей концепции политического гностицизма; также подобные закономерности прослежены в двух экранизациях романа. Результаты демонстрируют связь гностических мотивов в творчестве Стругацких с политической мифологией модерна, раскрывая механизмы сохранения религиозного мифа в секулярных обществах.

Ключевые слова: гностицизм, политический гностицизм, коммунизм, «Трудно быть богом», Стругацкие, П. Фляйшман, А. Герман, иерархия миров.

Вопросы сохранения и трансляции идей занимают важное место в теории культуры. Религиозно-философские идеи об иерархии миров и онтологическом неравенстве людей вновь актуализуются в современном информационном пространстве, облегчившем доступ к историческому наследию разных народов. Этот процесс особенно заметен в отношении учений, которые в прошлом отвечали на вызовы эпохальных трансформаций, предлагая ответы на экзистенциальные вопросы человечества. Гностическая религиозно-философская система, возникающая именно во время кризиса античной цивилизации, снова востребована в наши дни, в эпоху масштабных кризисов, вызванных глобализацией. Следует отметить, что актуализация древних философских систем зачастую происходит в условиях массового тиражирования связанных с ними материалов, в том числе посредством высоких технологий и «новых медиа», что обеспечивает этим концепциям большую доступность для людей, живущих в цифровую эпоху. В пространстве постмодерна для трансляции идей используются как литературные тексты, так и произведения кино. Одним из жанров, чутко реагирующим на духовные запросы времени, является фантастика.

Влияние гностицизма на политическую мифологию модерна рассмотрено в фундаментальном труде Э. Фёгелина [21], а также в исследовании В. В. Прокопенко и В. М. Камнева [13]. Концептуальная схема коммунистического учения о прогрессе изложена в работе В. Д. Комарова [10]. Античный гностицизм, его идеи и мифологемы изучаются в трудах Е. В. Афонасина [2] и А. В. Ситникова [15]. В перечисленных исследованиях проанализирована гностическая мифология античности, политическая мифология модерна, раскрыто влияния античного гностицизма на политические идеи Нового времени, включая коммунистическую идеологию, однако не изучены интерпретации гностических идей в ареале русской культуры, в частности, в формально секулярном пространстве советской фантастики.

Место братьев Стругацких в советской фантастике, методы построения текстов, идейное содержание их произведений, включая экранизации, рассматривают Р. Э. Арбитман [1], А. С. Балабаева [3], Е. В. Борода, М. В. Варечкина, И. М. Жеребятьева [4] [5], Е. О. Гейко [7], В. И. Карасик [8], А. Ю. Колесова [9], Д. В. Куликова [11], В. Н. Лисовицкая [12], Т. И. Хоруженко [22], А. С. Юсяев [23]. В работах исследователей анализируются проблематика и образная система произведений братьев Стругацких, показано влияние на их творчество западной фантастики, однако не уделяется внимание идеям писателей как выражению политической мифологии модерна и, в частности, их связи с политическим гностицизмом. Таким образом, несмотря на постоянное внимание, уделяемое творчеству братьев Стругацких, подавляющее большинство текстов написаны лингвистами и литературоведами. Философский анализ мировоззрения писателей как феномена культуры систематически не проводился. Предлагаемое исследование заполняет этот пробел на материале одного из самых известных романов братьев Стругацких, занимающего центральное положение в их творчестве.

Целевой ориентир исследования состоит в том, чтобы выявить специфику воплощения ключевых элементов гностического мировоззрения (иерархия миров, дуализм духовного и материального, гнозис как тайное знание) в романе братьев Стругацких «Трудно быть богом» [16] и его экранизациях, используя концепцию политического гностицизма Э. Фёгелина. При этом важно также опреде-

лить характер трансформации этих мотивов в зависимости от медийной формы (литература, кино) и художественной поэтики.

Материалами исследования служат роман братьев Стругацких «Трудно быть богом» и два его экранных воплощения: экранизации Питера Фляйшмана (1989) и Алексея Германа (2013). Роман Стругацких «Трудно быть богом» важен как центральный текст литературного мира, созданного писателями. Фильмы представляют собой иной способ трансляции религиозных и философских идей, рассчитанный на более широкую аудиторию с другими характеристиками. Оба вида материалов исследования позволяют проанализировать элементы политико-мифологического характера, содержащиеся в советской фантастике, и представляются важными для изучения способов сохранения и передачи гностического мифа в культуре постмодерна. Особое значение в качестве материалов исследования имеют сочинения христианских современников гностицизма, полемизировавших с учением гностиков, а именно Иринея Лионского [14] и Тертуллиана [17]. Первоисточники гностической религии публикуются в классической работе М. К. Трофимовой [18].

Для реализации поставленной цели использовалась комплексная методология, сочетающая философский, культурологический и литературоведческий подходы. В частности, в исследовании широко применялся философско-культурологический анализ, фундаментом которого явилась концепция политического гностицизма Э. Фёгелина, использовавшаяся как теоретическая рамка для выявления связи гностических мифологем с политической мифологией модерна, включая коммунистическую утопию. Анализ романа и его экранизаций производился через призму фёгелиновской критики «имманентизации эсхатона», то есть попыток воплощения сакральных идеалов в секулярных идеологиях. Герменевтический подход применялся при интерпретации скрытых смыслов текста и его кинематографических воплощений, включая символику, аллюзии и подтексты, связанные с гностической антропологией (например, отождествление материи со злом в фильме А. Германа). Структурный анализ текста романа Стругацких и кинофильмов сделал возможным выявление ключевых идейных комплексов («иерархия миров», «прогресс», «гнозис») через анализ сюжета, персонажей и визуальных символов (например, контраст «просвещенной» Земли и архаичного Арканара).

Важное значение имела и постмодернистская деконструкция, при помощи которой был проведен анализ фильма А. Германа с акцентом на смешение реальности и вымысла (например, зритель отождествляется с землянами, стирая границы между «избранными» и «материальными»). Предложенная в работе методология позволяет не только выявить гностические элементы в творчестве Стругацких, но и показать их роль в формировании культурных нарративов, актуальных для эпохи глобальных кризисов.

Структура исследования предполагает определение самых важных идейных комплексов гностической религии и анализ способов их конкретного воплощения в романе Стругацких как исходном тексте и в двух последующих экранизациях. Подразумевается определение двух основных идей романа, регулирующих мироустройство Полудня: иерархии миров и иерархии людей; анализ этих идей с опорой на результаты исследований Э. Фёгелина, посвященных политической мифологии модерна; обоснование совпадения выявленных в источниках базовых идей с гностической политической мифологией; определение выявленных закономерностей в двух экранизациях романа.

Научная значимость исследования заключается в определении политической мифологии, в расширении знаний о способах сохранения религиозного мифа в произведениях постмодерна, а также о влиянии идей политической мифологии, распространяемых в обществе постмодерна с помощью механизмов секулярного государства – фантастической литературы и кино.

* * *

Литературные тексты писателей-фантастов Аркадия и Бориса Стругацких (АБС) были заметной частью советской фантастики и до сих пор вызывают интерес определенных групп читающей публики. Начиная с первой экранизации – телепостановки ленинградским телевидением повести «Понедельник

начинается в субботу», снятой в 1965 г. режиссером Александром Белинским,– не прекращаются попытки создать экранные версии их произведений. Одной из центральных тем АБС является идея прогрессорства. Работе прогрессоров посвящено несколько произведений АБС, но самым известным из них, осмысляющим принципы работы самих прогрессоров, является роман «Трудно быть богом». Рассмотрим идею прогрессорства, основанную на иерархии миров, в романе и двух экранизациях, Питера Фляйшмана (1989) и Алексея Германа (2013).

Иерархия миров – основополагающий принцип устройства мира Полудня, утопического будущего АБС, включающего и Землю, и другие планеты. Цикл «Мир Полудня» состоит из десяти произведений, среди которых как романы, так и рассказы [3, с. 255]. Основным полем деятельности для жителей идеального мира является космическая экспансия, причем эта деятельность увязывается со счастьем всего человечества в советской фантастике вообще и в работах АБС в частности [22]. Коммунары с Земли должны принести счастье всем мирам. Символизм полетов в космос подчеркивает власть человека над природой и всегда выступает как политически значимое событие [8]. Так полеты в космос становятся проявлением политической воли в иерархии миров.

Регулирующим принципом выстраивания иерархии является представление о приоритете земной коммунистической цивилизации перед всеми другими цивилизациями утопического космического универсума. История планет в фантастическом космосе Стругацких развивается по определенной схеме: на самой высокой ступени стоит коммунарское общество землян, а остальные названные и неназванные планеты должны приблизиться к идеальному состоянию высшей из планет. Чтобы ускорить прогресс этих планет, Институт экспериментальной истории создал прогрессоров – агентов землян, которые живут на разных планетах, собирают о них информацию и по возможности не вмешиваются в происходящее. Как показывают современные исследователи, в образе прогрессора у Стругацких воплощен сверхчеловек – диктатор, навязывающий другим людям и мирам свою волю независимо от их желания [4, с. 44]. Прогрессорство – помощь отсталым цивилизациям со стороны цивилизации более развитой, что предполагает единственно возможную мораль, которую нужно навязывать любой ценой людям, ее не разделяющим [5]. Задача прогрессоров – медленно подталкивать миры по пути прогресса, игнорируя желания их жителей и заставляя их действовать в соответствии с единственно верной схемой исторического развития. Диалектика прогрессорства такова, что, опираясь теоретически на законы исторического развития, прогрессоры противопоставляют реализуемый ими проект эволюционному развитию обществ [11]. Как показывает А. С. Юсяев, помогая другим мирам, прогрессоры на самом деле пытаются решить проблемы Земли [23].

Мир Полудня является антуражем для описания современной авторам действительности [1, с. 96]. Идея прогрессорства в мире АБС списана с коммунистической прогрессистской идеологии, господствовавшей в СССР. Согласно распространенному в советском общественно-политическом дискурсе пониманию марксизма-ленинизма, на вершине иерархии обществ стоит Советский Союз, носитель передовой материалистической идеологии, а другие страны и народы должны усвоить все достижения СССР и тоже стать коммунистическими [10, с. 109–110]. Страна, строящая самое передовое общество на планете Земля, показывала пример идеального общества будущего с таким же идеальным человеком. Социальная иерархия стран во главе с Советским Союзом переносилась Стругацкими на космическую иерархию во главе с планетой Земля.

Анализируя коммунистическую идеологию, некоторые исследователи усматривают в ней ряд черт, сходных с идеями, присущими доктринам гностических учений, распространенных в период становления и первоначального утверждения христианства. В частности, политический гностицизм анализирует Э. Фёгелин в книге «Новая наука политики» (1952), начинающей новую страницу в творчестве философа (см.: [13, с. 624]).

Э. Фёгелин выделяет два узловых момента в античной гностической религии и показывает, как гностицизм превращается

в центральную мифологему модерна, то есть Нового времени,– миф о прогрессе [21, с. 237].

Два важнейших момента гностического мифа, которые находит в этом мировоззрении Э. Фёгелин, следующие: этот мир плох и подлежит разрушению; люди делятся на две категории, духовных и бездуховных, и активная роль в процессе разрушения принадлежит людям духовным (пневматикам). Только духовные переживут разрушение мира и насладятся царством света и добра. Разрушение мира называется по-гречески эсхатоном, учение о разрушении мира – эсхатологией. Учение об эсхатоне существует также и в христианстве, где после конца света ожидается Страшный Суд и наступление Царства Божия, которое не от мира сего. Это сходство обеспечило выживание гностицизма в псевдохристианских формах в католической и протестантской Европе.

Э. Фёгелин показывает, что в католических ересях, в первую очередь в учении Иоахима Флорского в XII в., происходит имманентизация эсхатона – перенесение конца света в историю. И. Флорский делит всю историю на три этапа, в ходе которых воплощаются в истории три ипостаси христианской Троицы: период Ветхого Завета – царство Бога-Отца, период Нового Завета – царство Бога-Сына, новая наступающая эра – царство Духа Святого. Первый период закончился Пришествием Христа, второй период продолжается и в настоящее время. Переход от второго к третьему периоду ознаменуется разрушением всех форм социальности, известных ранее. В новое царство войдут только новые люди, старые погибнут. Особенность учения И. Флорского в том, что религиозные концепции конца света, Царства Божия, преображения человека он экстраполирует на исторический процесс и начинает понимать их как реально происходящие исторические процессы. Это и есть имманентизация эсхатона, имеющая большие последствия [21, с. 254–259].

Схема И. Флорского легла в основание мифа о прогрессе – базового мифа модерна. Учение о прогрессе в европейских культурах Нового времени функционирует как религиозная гностическая вера, имеет иррациональные сакральные предпосылки, попытки критики которых вызывают сильную эмоциональную реакцию и блокируются как самоцензурой, так и обычной цензурой [21, с. 287–289].

Э. Фёгелин анализирует следующие политические учения модерна, которые, по его мнению, являются гностическими: кальвинизм, пуританство, коммунизм, либерализм, национал-социализм. Все они представляются Э. Фёгелину доктринами, содержащими идею о том, что этот мир плох и должен быть разрушен; после разрушения наступит новый мир, который невозможно описать позитивно, он описывается только негативно – в нем не будет того, что есть сейчас; в этот мир войдут только новые люди, старые погибнут или символически, или физически. Символическая гибель старых людей означает их полное духовное изменение, отказ от старых, прежде всего христианских / церковных норм морали и сложившихся в обществе форм жизни [21, с. 299–302]. Для гностических политических учений характерно стремление установить этот новый мир политическими средствами в истории.

Содержание нового прогрессивного мира варьируется в разных гностических политических учениях: это будет протестантизм у приверженцев протестантских доктрин, общественная собственность у коммунистов, свободный рынок и демократия у либералов, расово и этнически чистое национальное государство у национал-социалистов. Переход к этому новому прогрессивному миру маркируется политическими потрясениями и разрушением старого мира, которые тоже представляются по-разному: мировая революция, шоковая терапия при переходе к свободному рынку, этнические и расовые чистки для формирования расово чистого государства и так далее. Во всех случаях новый мир устанавливает группа особых, духовных людей, владеющих истинным знанием (протестанты, коммунисты, либералы или националисты), которые знают, что делать, и резко отличаются этим от обычных людей, не способных ни понять их учение, ни реализовывать его в своей жизни и обреченных в новом мире, где они должны будут или умереть, или полностью измениться, то есть погибнуть символически. Отличие людей духовных от просто людей, людей старого мира, выражается в неприятии духовных

и социальных норм, обязательных для старых людей.

Настоящее в такой схеме зависит от будущего: духовные люди живут для того, чтобы реализовать прогрессивный идеал, преобразовывают для этого жизнь, разрушают старый мир и переделывают старых людей. Таким образом, деление людей на две категории является идейным ядром учения.

Принцип разделения людей на две категории с разным онтологическим статусом был философски обоснован и системно применен ко всем явлениям космоса и социума гностиками, сетью эзотерических сект, возникших в Римской империи во II в.н.э. Обвинение в дуализме – одно из главных, выдвинутых против гностиков Иринеем Лионским [2, с. 36]. Он пишет о гностиках своего времени следующее: «О себе же самих решительно полагают, что во всяком случае и непременно спасутся; не посредством дел, но потому, что они по природе духовны. Ибо, как перстному невозможно стать причастным спасения (ибо, словам их, [оно] неспособно к спасению), так, опять же, духовное, каким почитают себя самих, не может подвергнуться тлению, до каких бы деяний ни снизошли они» [14, с. 39–40]. Климент Александрийский так излагает учение величайшего из гностиков Валентина по этому вопросу: «Валентиниане оставляют веру таким простакам, как мы, себя же считают уже спасенными по природе через гносис, поскольку [от остальных родов] их отличает семя высшей природы, в них вложенное» (цит. по: [6, с. 93–94]). Таким образом, гностическое знание о мире включает в себя учение о том, что не все люди являются людьми, одинаковыми по своей природе.

Гностики были реакцией античного мира на появление христианства. Они хотели использовать христианскую оболочку для выражения смыслов языческой культуры. Попытка не удалась, и после нескольких веков упорной борьбы с христианами гностики сошли со сцены. Возрождение античной культуры в эпоху Ренессанса означало и возрождение гностических идей, которые с тех пор составляют имплицитный интеллектуальный горизонт западной культуры. Европейские влияния в разное время привели к проникновению гностического мировоззрения в Россию. Базовые гностические мифологемы известны не только из политического гностицизма модерна, но и из учения первых гностиков.

Религия гностиков в средиземноморской ойкумене была эзотерическим учением, подразделившимся на значительное количество конкретных доктринальных направлений. В гностических сектах было несколько ступеней посвящения. После поражения гностиков собственно гностических текстов почти не осталось, так что в исследовании гнозиса до середины XX в. (открытия древних гностических рукописей) ученым приходилось полностью опираться на христианских полемистов (новый полный перевод на русский свидетельств христианских авторов о гностиках сделан Е. В. Афонасиным [6]).

Христианские богословы описали своего противника достаточно хорошо. В середине XX в. были открыты подлинные гностические тексты на коптском языке, которые датируются IV в., но содержат гораздо более ранние свидетельства. Вот как описывает обнаружение этих рукописей советская исследовательница М. К. Трофимова: «Феллахи, рывшие землю в районе Наг-Хаммади у подножия крутой горы Гебель-Эль-Тариф, на левом берегу Нила, неподалеку от античного поселения Хенобоскион, нашли тайник. Район приблизительно соответствует тому месту, куда, согласно преданию, около 314 г. удалился св. Пахомий и где в IV в. располагались первые основанные им монастыри. В тайнике оказался сосуд, содержащий тринадцать (точнее, двенадцать и остатки еще одного) кодексов-сборников. Была высказана мысль, что это собрание папирусов, или “гностическая библиотека”, как стали называть его, принадлежало одной из сект, обосновавшихся в Наг-Хаммади,– возможно, сетиям либо валентинианам» [18, с. 3]. Ведущиеся с тех пор исследования текстов не прибавили ничего существенного к уже известной картине.

В своей философии гностики задаются принципиальным вопросом: как возможно зло в мире? Как добрый совершенный Бог мог сотворить злой и несовершенный мир? Рассмотрим далее принцип гностического решения вопроса, который однозначно выделяет гностическое мировоззрение в спектре имеющихся вариантов.

Решение это следующее. Существует наивысший Бог, который абсолютно благ, хорош и совершенен. От Бога отпадает некий мир. Этот мир тоже благ, хорош и совершенен, но уже несколько хуже, чем сам Бог, потому что, согласно основному принципу платонической философии, порождаемое хуже, чем порождающее [15, с. 90–91]. От этого мира отпадает еще один мир, который в свою очередь немножко хуже первого. От второго мира отпадает третий и так далее. Разные секты насчитывают от тридцати до трехсот шестидесяти пяти миров, каждый из которых немного хуже предыдущего. В самом низу лестницы находится наша земля, которая не содержит никакого отсвета божества. Наш мир сотворен из материи, которая так ухудшилась, что по существу является злом. Земля существует в космосе, созданном Матерью Софией, а работу по созданию всех тел на земле выполнил Демиург, божество низшего ранга, почитаемый разными религиями как бог не только этого мира, но и всей иерархии миров, что является узурпацией. Гностическая секта маркионитов учила, что благ и добр только Христос, а Бог Ветхого Завета – это сам Сатана [17]. Наш мир – это обреченное тлению и ужасу место, которое нельзя улучшить, а можно только уничтожить.

Однако в этом ужасном аду есть светлые моменты – это души людей. Души людей как искры истинного света, они занесены в этот мир из того самого высшего и самого светлого предела и состоят, по существу, из добра, противоположного злу. И тут появляется самая главная гностическая идея, которая выступает маркером гностического мировоззрения: такие души-искры имеют не все люди, а только некоторые.

В гностических учениях большинство людей имеют душу из той же материи, что и все остальное в этом материальном мире. Такие люди зовутся людьми природными, гиликами, и они погибнут вместе с душой, когда умрут. Есть люди душевные, которые имеют шанс попасть в нижний круг рая, если будут вести строгий образ жизни и соблюдать все предписания морали. И наконец, есть истинные люди, люди духовные, пневматики. Только их души заброшены на землю из верхнего мира, и только эти души возвратятся туда после смерти [14, с. 39]. Однако для того, чтобы вернуться в высшую сферу, пневматик должен владеть особыми техниками и обладать неким особым знанием. «Знание» по-гречески «гнозис», отсюда и происходит название «гностики». Пневматики попадают в высшую сферу не за свое поведение и не за свои заслуги, а только по своей природе. Они не обязаны соблюдать моральные нормы и могут вести себя как угодно – они будут спасены просто потому, что их души изначально из царства света, туда они и вернутся.

Так выглядит гностическая идея о двух родах людей. Пневматики, высшие по своей природе, стоят над моралью, им позволено все, и они спасутся. Остальные же, гилики, низшие по своей природе, погибнут вместе с миром; по сути, эти люди даже при жизни не имеют особой цены.

При имманентизации эсхатона в Европе Нового времени произошла политизация разных категорий гностического учения. В двух родах людей, пневматиках и гиликах, опознаются люди духовные и бездуховные, новые и старые, движущие прогресс и несознательные обыватели, присутствующие как базовый структурный элемент во всех политических гностических учениях по Э. Фёгелину. Это деление из коммунистической идеологии усвоили и АБС. Рассмотрим, как реализуется в романе «Трудно быть богом» основная гностическая мифологема о двух родах людей.

В художественном мире Полудня наблюдается гностическая иерархия миров в инвертированном виде. В качестве самого светлого мира выступает Земля и общество коммунаров, реализовавшее самую прогрессивную идеологию коммунизма. Все остальные миры хуже и должны быть символически уничтожены, то есть не должны быть сохраняемы в том виде, в каком они есть. Путем прогресса эти миры должны стать такими, как и Земля. Наиболее ярко эта идея проявляется в разговоре Руматы с Будахом, центральном в романе «Трудно быть богом», где перечисляются разные способы сделать людей Арканара счастливыми: удовлетворить все их материальные потребности, вразумить жестоких правителей, наказать жестоких правителей, заставить всех людей любить труд и знание, стереть человечество с лица земли [16, с. 406–407]. Румата вспоминает, что все эти варианты рас-

сматривались сотрудниками института экспериментальной истории. Стереть человечество с лица земли слишком жестоко, и земляне не могут этого сделать. Другие же варианты означают подмену существующего человечества другим, с иной культурой и самосознанием. Это и есть символическое уничтожение реального Арканара. Прогрессоры принимают компромиссное решение: добиваться перемен не быстро, с помощью гипноизлучателей на орбите планеты, а медленно двигая человечество Арканара по пути прогресса.

Добиться этого прогрессоры пытаются интегрируясь в элиту. Как утверждает Ириней Лионский о современных ему гностиках, их духовная природа проявляется в их высоком социальном статусе: «…они говорят, будто те души, которые получили семя от Матери, гораздо превосходнее других, почему и почтены Демиургом и поставлены князьями, царями и священниками» [14, с. 30]. Прогрессоры, как и пневматики, имеют иную природу – они пришли с Земли, из мира, стоящего на вершине иерархии, поэтому их место – в управленческой и культурной элите. Такая же ситуация и в Арканаре, где работает главный герой, Румата Эсторский, он же Антон, прогрессор с Земли. Его легенда – дворянин из имперской метрополии, которому высылают из дома золото в неограниченных количествах, что позволяет Антону использовать земной синтезатор и делать золото из мусора прямо в Арканаре.

Разделение людей на две породы, на два несмешиваемых вида происходит и в Арканаре. Высший род людей, пневматики,– это земляне, Антон и его коллеги. Им постоянно приходится делать усилие, чтобы воспринимать местных как равных себе людей, и это у них очень плохо получается. Румата постоянно фиксируется на нечистоплотности, похотливости, жестокости окружающих, их животной природе. Он не в силах поддерживать отношения с важнейшим возможным контактом – доной Оканой, любовницей дона Рэбы, из-за брезгливости, отторжения на физическом уровне как существа другой природы [16, с. 319–320]. Единственный, кого Румата воспринимает как равного себе, это врач и интеллектуал Будах. Принцип выделения высшего рода людей из серой массы – знания, то есть в осовремененном виде – научный склад мышления. В мире Земли умственный труд вознесен на пьедестал [3, с. 256], то есть именно дух является отличительной чертой, выделяющей землян из всех цивилизаций вселенной. Это соответствует учению гностиков.

Интеллектуалам противопоставлены обычные люди, жители Арканара, при этом наиболее агрессивных обскурантистов, противников науки и прогресса, составляющих «гвардию министерства охраны короны», в романе называют «серыми». Как показывает А. Ю. Колесова, «серость» в тексте АБС объединяет целый ряд значений: ограниченность, тупость, деградация, глупость, трусость, угроза, слизь, гной, топь, трясина, агрессия [9]. Весь этот спектр смыслов воплощен в «серых» людях как противниках пневматиков, окружающих прогрессоров и тормозящих развитие. Использованная АБС метафора «серости» дегуманизирует идейных противников и лишает их человеческой субъектности. Таким образом, отношение прогрессоров к людям других планет совпадает с отношением гностиков к гиликам, людям природным, которые понимались как сотворенные из глины, то есть грязи [17, с. 358]. Гностический образ низшего человека, не являющегося полностью человеком, адекватно передан в тексте АБС.

Как показала Е. О. Гейко, Бог в романе является эго-идеалом Руматы [7]. Анализ В. Н. Лисовицкой приводит к выводу, что диалог в тексте АБС построен так, чтобы подчеркнуть особое отношение землян к людям Арканара: земляне их жалеют, но не любят, воспринимают себя как богов, а местных – как существ с иным онтологическим статусом [12]. Таково отношение пневматиков к окружающим их бездуховным людям, согласно гностическому учению.

Итак, в романе политическое гностическое учение коммунизма получает квазирелигиозную основу, воспроизводящую логику рассуждений древних гностиков. Такие категории гностической мысли, как иерархия миров, высший мир, два рода людей, истинный гнозис у АБС секуляризованы и представлены в научной форме. Иерархия миров – это планеты, стоящие на разных уровнях развития, высший мир – это коммунистическая Земля, два рода людей – это земляне, владеющие истинным знанием об устройстве мира и един-

ственно правильным материалистическим учением, и местные бездуховные жители, безнадежно застрявшие в отсталом мире, неспособные двинуть прогресс дальше. Рассмотрим, как эти идеи и образы реализованы в двух экранизациях текста АБС.

Первое киновоплощение романа было осуществлено режиссером Петером Фляйшманом в 1989 г. [20]. Эта версия была воспринята АБС без восторга, поскольку режиссер вольно отнесся к первоисточнику. Тем не менее, как мы покажем далее, основные гностические идеи романа в экранизации сохранены.

В фильме Румата живет в Арканаре, собирая информацию для Земли, а роботизированные, с выхолощенными эмоциями наблюдатели Института экспериментальной истории бесстрастно следят за всем, что происходит на наблюдаемой ими планете, вплоть до интимной жизни местных, вызывающей у них отторжение: «Они как животные» [20, 00:40:47–00:40:48]. Фильм выстроен по закону боевика и включает драки, секс, неожиданные сюжетные повороты. У землян на Арканаре нет личных дел, а есть общее дело – наблюдать за жителями, ускоряя историю по своему земному усмотрению.

Основная идея политического гностицизма сохранена в экранизации: мир движется по единому пути прогресса к будущему идеальному состоянию; это идеальное состояние приближается политическими средствами. Невмешательство землян условное – главный герой фильма Румата в конце концов срывается и вмешивается в дела Арканара, показывая ошибочность принципа невмешательства. Земляне продолжают его практиковать, но зрители остаются на стороне Руматы.

Гностическая мифологема высшего и низшего миров тоже реализована в соответствии с текстом романа: высший мир – Земля, низший – Арканар, иерархия определяется степенью продвижения по единому для всех обществ пути прогресса. Два вида людей также присутствуют в экранизации. К пневматикам относится Румата, Будах, Арата, изобретатель книгопечатания – люди, имеющие или знание об истинном устройстве мира, или научный склад ума. Таким образом, базовые элементы гностического учения в первой экранизации реализованы полностью.

В 2013 г. состоялась вторая экранизация романа, на этот раз Алексеем Германом [19], профессиональную деятельность которого писатели-фантасты оценивали положительно. Работа началась через десять лет после выхода на экраны первой визуальной версии, фильм снимался четырнадцать лет. Алексей Герман еще дальше отошел от литературного первоисточника, оставив за кадром оптимистическую версию человеческой природы, способной все же развиться до идеального коммунизма, и вбросив на экранное полотно скотство человеческой натуры вне зависимости от конкретного исторического времени. Будучи автором сценария, Алексей Герман отстраняет от арканарцев земных наблюдателей, сведя к минимуму их основную миссию.

Новая киноверсия создана в эпоху постмодерна в постсоветской России. Маркерами времени становятся отсутствие истины, всеобщая ирония, смешение жанров и уничтожение границ. Средневековье планеты Арканар, где живет и работает Румата,– фон для визуализации утраты идеалов в материальном мире, борьбы зла против зла методами зла. Режиссер забрасывает экран грязью, от которой не отмыться, не спрятаться за ароматом роз на трупах и телах живых пока еще людей. Создатели фильма используют различные художественные средства для формирования у зрителей идеи о том, что грязь и есть сущность людского естества.

Постоянное вглядывание в кадр застывших или передвигающихся персонажей задумывалось, возможно, как вглядывание в землян (вы наблюдаете за нами, а мы – за вами), уничтожение границы между персонажами – наблюдателями Института экспериментальной истории и зрителями, людьми XXI века. Наблюдатели, в версии А. Германа, слились со зрителями, не имеющими никакой идеи и наблюдающими за барахтаньем в грязи ради удовольствия увидеть человеческую природу во всей ее неприглядности.

Основные гностические идеи романа сохранены и в фильме. Присутствует иерархия миров в форме Земля – Арканар, пусть даже наблюдатели-земляне сливаются со зрителями фильма. Зрители, как и Румата, владеют гнозисом – знанием о подлинном месте

Арканара в иерархии миров. Идея прогресса в экранизации А. Германа отходит на второй план, поскольку всячески подчеркивается, что зрители по своей сути ничем не отличаются от звероподобных средневековых жителей Арканара, то есть верхний мир фактически исчезает из художественного пространства фильма. Зато во всей полноте реализуется еще одна важная мифологема гностиков – о Земле как нижнем мире, где торжествует материя, отягощенная злом. Гностическое гнушение плотью видно во всех кадрах этого фильма. Человеческое тело показано максимально омерзительным, слабым и грязным. Отвращение духа от этого куска мяса – совершенно естественная в мире А. Германа эмоция, к тому же интеллектуально обоснованная. Хотя у АБС в романе эта идея не проговаривалась прямо, но реакция землян-прогрессоров на бездуховных арканарцев имеет то же гностическое основание, вынесенное режиссером на экран. Таким образом, основные идеи фильма – гностические, хоть и не полностью совпадают со спектром идей первой экранизации.

Таким образом, в романе АБС «Трудно быть богом», как и в двух экранизациях, присутствуют основные гностические идеи: иерархия миров, два вида людей, духовных и бездуховных, гнозис как тайное знание. В романе и версии П. Фляйшмана эти мифологемы в явном виде увязаны с идеей прогресса во главе с коммунистическим обществом, что соответствует одному из вариантов политического гностицизма по Э. Фёгелину. В фильме А. Германа иерархия миров и идея прогресса нивелируются с помощью поэтики постмодерна: с землянами отождествляются зрители фильма, и всячески подчеркивается, что разницы в человеческой природе по разные стороны экрана не существует. В экранизации 2013 г. эксплицируется гностическая идея о материи, отягощенной злом, из которой создан человек и его мир. В романах АБС, включая «Трудно быть богом», эта идея не высказывается явно, но влияет на решения и эмоциональное восприятие персонажей, для которых все проявления жизни на других планетах, кроме коммунистической Земли, отвратительны физически и непереносимы эмоционально.

Итак, научная новизна исследования заключается в обосновании того, что роман «Трудно быть богом» и две его экранизации сохраняют и передают основные элементы гностического мировоззрения.

Valentina V. PATERYKINA
Dr. Sci. (Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture), Prof.,
Matusovsky Lugansk Academy of Culture and Arts,
Lugansk, Russian Federation
zelenlist@mail.ru
ORCID: 0009-0008-9367-4130

Nina S. ISHCHENKO
Cand. Sci. (Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture),
Lugansk Voroshilov State Agrarian University,
Lugansk, Russian Federation
ninaofter@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8616-7087

Translation of Gnosticism in the Text and Film Adaptations of the Novel It's Hard to be a God by the Strugatsky Brothers

Abstract. The study aims to identify the specifics of the embodiment of elements of the Gnostic worldview (hierarchy of worlds, dualism of the spiritual and the material, gnosis) in the Strugatsky brothers' novel *It's Hard to Be a God* and its film adaptations (Peter Fleischmann, 1989; Aleksei German, 2013) through the prism of Eric Voegelin's concept of political Gnosticism. The materials used were the text of the novel, cinematic adaptations, and works by early Christian authors (Irenaeus of

Lyons, Tertullian). The methodology combined philosophical and cultural analysis (Voegelin's theory of political Gnosticism, the concept "immanentization of the eschaton"), hermeneutic interpretation of symbolism, structural analysis of the plot of the novel and visual elements of its film interpretations, as well as postmodern deconstruction, which was used to analyze German's film with an emphasis on the mixture of reality and fiction. The study established that in the world of Noon, a hierarchical model is reproduced based on the central myth of political Gnosticism of the New Age – the myth of progress. The bearers of this myth immanentize the eschaton and realize religious goals through political practices in real history, and through cosmic expansion in the world of Noon. The study showed that the progressors, acting as an external force, use secularized Gnostic categories: hierarchy of worlds (different planets), secret knowledge (materialism and scientific thinking), the lower world (the world of soulless people who do not strive for progress), the upper world of light (communist society), two kinds of people, spiritual and soulless (with spiritual people perceiving themselves as gods), contempt for the material world, which is essentially evil. The ego-image of the progressor Rumata correlates with the Gnostic god who despises material reality, and his activity symbolizes "salvation" through the violent imposition of ideals. A comparative analysis of the film adaptations revealed emphases: in Fleischman, the myth of progress dominates, while in Herman, anti-materialism and demonization of human nature. Both the films retain the key Gnostic elements of the novel, developing them in the context of postmodern culture. The study demonstrated that the philosophical and cultural approach to the works of the Strugatsky brothers reveals the religious roots of atheistic ideology, explicating the connection of materialism with Gnostic dualism. It proved that the text and film adaptations transmit the archetypes of political Gnosticism, which show the religious roots of the atheistic and materialistic ideology of communism.

Keywords: Gnosticism, political Gnosticism, communism, *It's Hard to Be a God*, Strugatsky brothers, Peter Fleishman, Aleksei German, hierarchy of worlds.

Использованная литература:

1. Арбитман Р. Э. Прогрессор Стругацкий в настоящем и будущем // Земля и Вселенная. 2020. № 6. С. 96–97. DOI 10.7868/S0044394820120063.

2. Афонасин Е. В. Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002. 368 с.

3. Балабаева А. С. Образ будущего в цикле «Мир Полудня» А. Н. и Б. Н. Стругацких // Экология языка и речи: материалы VIII Междунар. науч. конф. (Тамбов, 21–23 нояб. 2019 г.) / отв. за выпуск Т. В. Махрачева. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. С. 255–258.

4. Борода Е. В., Варечкина М. В., Жеребятьева И. М. Образ сверхчеловека в отечественной литературе XX века: инквизитор, Благодетель, прогрессор // Последние тенденции в области науки и образования: материалы Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. (Душанбе, 12 февр. 2021 г.). Нефтекамск: Мир науки, 2021. С. 39–44.

5. Борода Е. В., Варечкина М. В., Жеребятьева И. М. Роман братьев Стругацких «Полдень XXII век» как идеальная картина будущего // Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. (Прага, 30 окт. 2020 г.). Нефтекамск: Мир науки, 2020. С. 214–218.

6. Валентин. Свидетельства // Школа Валентина. Фрагменты и свидетельства / пер., предисл. и коммент. Е. В. Афонасина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 86–108.

References:

1. Arbitman, R.E. (2020) Progressor Strugatsky in the Present and the Future. *Zemlya i Vselennaya.* 6. pp. 96–97. (In Russian). DOI: 10.7868/S0044394820120063

2. Afonasin, E.V. (2002) *Antichnyy gnostitsizm. Fragmenty i svidetel'stva* [Ancient Gnosticism. Fragments and Testimonies]. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko. 368 p.

3. Balabaeva, A.S. (2019) [The Image of the Future in the Cycle "The World of Noon" by A.N. and B.N. Strugatsky]. *Ekologiya yazyka i rechi* [Ecology of Language and Speech]. Proceedings of the VIII International Conference. Tambov. 21–23 November 2019. Tambov: Izd. dom "Derzhavinskiy". pp. 255–258. (In Russian).

4. Boroda, E.V., Varechkina, M.V. & Zherebyateva, I.M. (2021) [The Image of the Superman in Russian Literature of the Twentieth Century: Inquisitor, Benefactor, Progressor]. *Poslednie tendentsii v oblasti nauki i obrazovaniya* [Recent Trends in Science and Education]. Proceedings of the International Conference. Dushanbe. February 12, 2021. Neftekamsk: Mir nauki. pp. 39–44. (In Russian).

5. Boroda, E.V., Varechkina, M.V. & Zherebyateva, I.M. (2020) [The Strugatsky Brothers' Novel "Noon of the 22nd Century" as an Ideal Picture of the Future]. *Nauka i obrazovanie: problemy i perspektivy* [Science and Education: Problems and Prospects]. Proceedings of the International Conference. Prague. 30 October 2020. Neftekamsk: Mir nauki. pp. 214–218. (In Russian).

7. Гейко Е. О. Образ Бога в повести А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» и киноинтерпретации А. Ю. Германа // Язык и культура: взгляд молодых: материалы III Междунар. науч. конф. студентов и школьников в рамках Междунар. Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур (Москва, 26–28 мая 2020 г.). М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2020. С. 96–100.

8. Карасик В. И. Сюжетная символика повествования о полетах в космос // Язык и культура. 2022. № 60. С. 22–37. DOI 10.17223/19996195/60/2.

9. Колесова А. Ю. Отражение концептуального образа «серость» в английском и русском языках на материале повести Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом» // Время науки. 2024. № 1. С. 11–16.

10. Комаров В. Д. Некоторые новые идеи в марксизме-ленинизме // Новые идеи в философии. 2015. № 2 (23). С. 108–114.

11. Куликова Д. В. Концепция прогрессорства в творчестве братьев Стругацких // Филология XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании: материалы науч.-практ. семинара каф. общей и прикладной филологии, лит. и рус. яз.: сб. науч. ст. (Барнаул, 30–31 окт. 2023 г.). Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2024. С. 48–59.

12. Лисовицкая В. Н. Авторские стратегии организации диалога в повести братьев Стругацких «Трудно быть богом» // Язык. Культура. Личность: материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф. молодых ученых (Самара, 16 дек. 2022 г.) / отв. ред. Т. Е. Баженова. Вып. 9. Самара: Науч.-техн. центр, 2023. С. 314–323.

13. Прокопенко В. В., Камнев В. М. Проект ретеоретизации политической философии в «Новой науке политики» Э. Фёгелина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 4. С. 623–634.

14. Св. Ириней Лионский. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / пер. протоиерея П. Преображенского, Н. И. Сагарды. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 672 с.

15. Ситников А. В. Философия Плотина и традиция христианской патристики. СПб.: Алетейя, 2001. 242 с.

16. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Трудно быть богом // Собрание сочинений: в 11 т. Т. 3: 1961–1963 гг. Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica изд. дома Corvus, 2001. С. 245–424.

17. Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс. Против Маркиона в пяти книгах / пер. с лат., вступ. ст. и коммент. А. Ю. Братухина. СПб.: Изд-во Олега Абышко; Университетская книга, 2010. 576 с.

18. Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М.: Наука, 1979. 216 с.

19. Трудно быть богом: худож. фильм [Электронный ресурс] / реж. А. Герман. Россия, 2013 // VK Видео. URL: https://vk.com/video-4569_168524037 (дата обращения: 18.10.2024).

20. Трудно быть богом: худож. фильм [Электронный ресурс] / реж. П. Фляйшман. Швейцария, 1989 // VK Видео. URL: https://vk.com/video-135458078_456239796 (дата обращения: 18.10.2024).

21. Фёгелин Э. Новая наука политики. Введение. СПб.: Владимир Даль, 2020. 373 с.

22. Хоруженко Т. И. Принудительное счастье космической колонизации: советский проект в научной

6. Valentinus. (2002) Svidetel'stva [Testimonies]. In: *Shkola Valentina. Fragmenty i svidetel'stva* [Valentinus' School. Fragments and Testimonies]. Translation, preface and commentary by E.V. Afanasin. St Petersburg: Aleteya. pp. 86–108.

7. Geiko, E.O. (2020) [The Image of God in the Story of A.N. and B.N. Strugatsky "It's Hard to Be a God" and Film Interpretations by A.Yuu German]. *azyk i kul'tura: vzglyad molodykh* [Language and Culture: A Young View]. Proceedings of the III International Conference of Students and Schoolchildren within the Framework of the International Cyril and Methodius Festival of Slavic Languages and Cultures. Moscow. 26–28 May 2020. Moscow: State Institute of Russian Language named after A.S Pushkin. pp. 96–100. (In Russian).

8. Karasik, V.I. (2022) Plot Symbolism of the Narrative about Space Flights. *Yazyk i kul'tura.* 60. pp. 22–37. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/60/2

9. Kolesova, A.Yu. (2024) Reflection of the Conceptual Image of "Grayness" in the English and Russian Languages Based on the Story of Arkady and Boris Strugatsky "It's Hard to Be a God". *Vremya Nauki.* 1. pp. 11–16. (In Russian).

10. Komarov, V.D. (2015) Some New Ideas in Marxism-Leninism. *Novye idei v filosofii.* 2 (23). pp. 108–114. (In Russian).

11. Kulikova, D.V. (2024) [The Concept of Progressorism in the Works of the Strugatsky Brothers]. *Filologiya XXI vek: problemy, perspektivy, novatsii v nauke i obrazovanii* [Philology of the 21st Century: Problems, Prospects, Innovations in Science and Education]. Proceedings of the Seminar of the Department of General and Applied Philology, Literature and Russian Languages. Barnaul. 30–31 October 2023. Barnaul: Altai State University. pp. 48–59. (In Russian).

12. Lisovitskaya, V.N. (2023) [Author's Strategies for Organizing Dialogue in the Story of the Strugatsky Brothers "It's Hard to Be a God"]. *Yazyk. Kul'tura. Lichnost'* [Language Culture Personality]. Proceedings of the Conference of Young Scientists. Samara. 16 December 2022. Vol. 9 Samara: Nauch.-tekhn. Tsentr. pp. 314–323. (In Russian).

13. Prokopenko, V.V. & Kamnev, V.M. (2021) The Project of Re-theoreticalization Political Philosophy in E. Voegelin's "New Science Politics". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya.* 37 (4). pp. 623–634. (In Russian).

14. St. Irenaeus of Lyons. (2008) *Protiv eresey. Dokazatel'stvo apostol'skoy propovedi* [Against Heresies. Proof of the Apostolic Preaching]. Translated by Archpriest P. Preobrazhensky, N.I. Sagarda. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko. 672 p.

15. Sitnikov, A.V. (2001) *Filosofiya Plotina i traditsiya khristianskoy patristiki* [The Philosophy of Plotinus and the Tradition of Christian Patristics]. St. Petersburg: Aleteyyaa. 242 p.

16. Strugatsky, A.N. & Strugatsky, B.N. (2001) Trudno byt' bogom [It's Hard to Be a God]. In: *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Collected Works: In 11 Volumes]. Vol. 3: 1961–1963. Donetsk: Stalker; St. Petersburg: Terra Fantastica izd. doma Corvus. pp. 245–424.

17. Quintus Septimius Florence Tertullian. (2010) *Protiv Markiona v pyati knigakh* [Against Marcion in Five Books]. Translation from from Latin, introduction and commentary by A.Yu. Bratukhin. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko. 576 p.

фантастике // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 3. С. 761–775. DOI 10.15826/qr.2019.3.406.

23. Юсяев А. С. Особенности конструирования фантастического мира в романе братьев Стругацких «Трудно быть богом» // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 20 дек. 2018 г.) / отв. ред. Д. Н. Жаткин, И. В. Куликова. Пенза: Пенз. гос. технол. ун-т, 2019. С. 105–109.

18. Trofimova, M.K. (1979) *Istoriko-filosofskie voprosy gnostitsizma* [Historical and Philosophical Issues of Gnosticism]. Moscow: Nauka. 216 p.

19. VK Video. (2013) *Trudno byt' bogom* [Hard to Be a God]. A feature film. Directed by A. German. [Online] Available from: https://vk.com/video-4569_168524037 (Accessed: 18.10.2024).

20. VK Video. (1989) *Trudno byt' bogom* [Hard to Be a God]. A feature film. Directed by P. Fleischmann. [Online] Available from: https://vk.com/video-135458078_456239796 (Accessed: 18.10.2024).

21. Voegelin, E. (2020) *Novaya nauka politiki. Vvedenie* [New Science of Politics. Introduction]. Translated from English. St. Petersburg: Vladimir Dal'. 373 p.

22. Khoruzhenko, T.I. (2019) Forced Happiness of Space Colonization: The Soviet Project in Science Fiction. *Quaestio Rossica*. 7 (3). pp. 761–775. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2019.3.406

23. Yusyaev, A.S. (2019) [Features of Constructing a Fantasy World in the Strugatsky Brothers' Novel It's Hard to Be a God]. [Language as a Basis for Modern Intercultural Interaction]. Proceedings of the V International Conference. Penza. 20 December 2018. Penza: Penza State Technological University. pp. 105–109. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Патерыкина, В. В. Трансляция гностицизма в тексте и экранизациях романа «Трудно быть богом» братьев Стругацких/ В. В. Патерыкина, Н. С. Ищенко. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.40.4.002 // Наследие веков. – 2024. – №4. – С. 29–41. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/652/540 (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Paterykina, V.V. & Ishchenko, N.S. (2024) Translation of Gnosticism in the Text and Film Adaptations of the Novel *It's Hard to be a God* by the Strugatsky Brothers. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 4. pp. 29–41. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.002.

РАЗГОВОРЫ О ВАЖНОМ: КУЛЬТУРА, ЦЕННОСТИ, НАСЛЕДИЕ

CONVERSATIONS ABOUT THE IMPORTANT: CULTURE, VALUES, HERITAGE

Одной из ключевых составляющих деятельности ученого является рефлексия, которая обеспечивает критический анализ методологий, идей и ценностей, лежащих в основе исследовательской работы. Научному сообществу рефлексия позволяет не только фиксировать достижения, но и осмысливать ошибки, трансформируя их в «коллективную память» науки. Такие нарративы фиксируют не только интеллектуальные достижения, но и человеческий контекст исследовательской работы: эмоции, конфликты, сотрудничество, дружбу. Они актуализируют роль наставничества, междисциплинарного диалога и этических принципов, что особенно важно в эпоху глобальных вызовов, испытывающих академическое сообщество на способность к кооперации. Кроме того, они иллюстрируют эволюцию научных парадигм, показывая, как личностное взаимодействие влияет на выработку исследовательских идей и построение соответствующих нарративов, формируя тем самым гуманитарную науку как живое, этически осознанное и антропоцентричное пространство.

Обращаясь к этой сложной и интересной теме, наша редакция публикует беседу Натальи Львовны Пушкаревой, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, президента «Российской ассоциации исследователей женской истории», главного научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН и Надежды Хаджимерзановны Орловой, члена Редакционного совета журнала «Наследие веков», доктора философских наук, профессора Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

Н. Л. Пушкарева, специальный гость нашей редакции, является ведущим специалистом в области исторической феминологии и истории женщин в России. Окончив исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, она стала пионером в разработке гендерного подхода в отечественной историографии.

Основная сфера научных интересов Натальи Львовны — социальная история, повседневность, правовой и культурный статус женщин в России от Средневековья до современности. Ее монографии («Женщины Древней Руси», 1989; «Частная жизнь женщины в доиндустриальной России», 1997; «Гендерная теория и историческое знание», 2007) заложили основы для изучения «женского измерения» российской истории. Она впервые системно исследовала такие темы, как брак, материнство, этнология русской семьи, насилие в контексте традиционной культуры. Работы Натальи Львовны, переведенные на иностранные языки, способствовали диалогу между российскими и зарубежными исследователями. Сегодня ее деятельность играет важную роль в развитии антропологических исследований в России, отражая в том числе важность междисциплинарности и этической рефлексии в научном познании.

Специальный гость:

ПУШКАРЕВА Наталья Львовна
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник, заведующая
Центром гендерных исследований
Института этнологии и антропологии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
pushkarev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6295-3331

Собеседник:

ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна
доктор философских наук, профессор кафедры
общественных и гуманитарных наук
Санкт-Петербургской государственной консерватории
имени Н.А. Римского-Корсакова,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
ведущий научный сотрудник Научно-
образовательного центра «Гуманитарная урбанистика»
Новгородского государственного университета
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Российская Федерация
nadinor@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3956-9574

УДК: 001.83+323.329-055.2+347.156
ГРНТИ: 13.11.25
ВАК: 5.10.1.
DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.003

Родство по свойству служения науке: о жизни академического сообщества (беседа Натальи Пушкаревой и Надежды Орловой)[1]

Беседа двух представительниц современного академического сообщества затрагивает проблемы, связанные с ролью женщин в науке, исторической памятью и личным опытом ученых. Актуализируется тема гендерной асимметрии в сфере научной деятельности. Приводятся примеры женщин-ученых, внесших значительный вклад в развитие научного знания, но имена их зачастую известны только узкому кругу специалистов. Констатируется необходимость интеграции женских имен в учебные программы и научный дискурс. Обсуждается совмещение женщиной научной карьеры с семейными обязанностями. Собеседницы подчеркивают роль наставников (на примере философа Игоря Кона) в профессиональном становлении и доступе к «социальным лифтам» науки. Отмечается, что служение науке связано с патриотизмом: верность знаниям и идеалам трактуется как вклад в развитие страны. Беседа сочетает академическую дискуссию с личным опытом, демонстрируя, как научная этика, смелость и преемственность идей способствуют переоценке роли женщин в науке.

Ключевые слова: И. С. Кон, российская наука, научное сообщество, гендерные исследования, гендерная асимметрия, патриотизм, Российская академия наук, Российская ассоциация исследователей женской истории.

[1] Текст опубликован как часть проекта Российского научного фонда # 24-78-10005 «Женский голос российской науки».

Беседа записана 7 ноября 2024 г.

Н. Х. Орлова: Добрый день, моя дорогая Наталия. Мы будем на «ты», правильно, ведь?

Н. Л. Пушкарёва: Ну, конечно же! Не будем скрывать, что мы знакомы сто лет.

Н. Х. Орлова: Согласна. Кстати, о знакомстве. Поскольку я с тобой познакомилась раньше, чем ты со мной, то, наверное, с этой истории и начнем. Было это давно, в 1990-е гг. Я работала тогда психологом в социальном центре, и меня отправили на отдых в санаторий «Сестрорецкий курорт» с чудной библиотекой. Вот, пошла я в эту библиотеку, уверенная, что буду здесь с вдохновением работать над диссертацией. Но там нашлась по моей теме только одна небольшая книжка. И автором ее была Наталья Львовна Пушкарёва! Это «Женщины Древней Руси» [16]. Именно с этой книги началось мое – еще заочное – знакомство с тобой.

Н. Л. Пушкарёва: Ты никогда не рассказывала, что нас познакомила та моя многострадальная монография! Я ее писала семь лет, сначала в аспирантуре, потом после нее, ежедневно выдвигаясь в Архив древних актов, потом долго мучила обсуждениями с коллегами и исправлениями. Зато, когда ее наконец издательство «Мысль» выпустило в свет, то она собрала большой тираж – 100 тысяч экземпляров по заявкам от читателей. Потому она и оказалась, думаю, в той самой Сестрорецкой библиотеке… «На Сестрорецкую состав отправится…». С моей книжкой…

Н. Х. Орлова: Я считаю, что это было очень счастливое знакомство, как говорят – «легкая рука». Автор книги – Н. Л. Пушкарёва – стала моим незримым соратником в размышлениях о темах, связанных с мужским и женским в культуре повседневности. Особенной была и наша первая очная встреча на конференции в Петрозаводске[1]. С этого момента мне думалось, что я не пропущу ни одной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ), но пока удалось совпасть только в Череповце, Твери и Калининграде. Я тебе признательна за возможность участвовать в этих масштабных и умных событиях. К сожалению, реальная жизнь, в том числе научная, диктует нам свои расписания и маршруты.

Н. Л. Пушкарёва: К этому я могу только добавить, что ведь и я поначалу не знала круг твоих интересов, Наденька. И с этим кругом интересов, и с тем, что у меня есть единомышленница, меня познакомил мой учитель, мой гуру – человек, который, в общем-то, в известной степени повлиял на очень большую, значительную часть моей жизни. Ты понимаешь, о ком я – это академик Российской академии образования, доктор философских наук Игорь Семёнович Кон, имя которого, конечно, знает любой гуманитарий, любой психолог, любой философ или социолог. Кстати вот, вспомнила… Как-то, находясь на гендерной школе в Форосе и лежа на пляже, я спросила Игоря Семёновича: «Если бы Вас спросили, кто Вы по специальности, Вы бы что ответили?». Он усмехнулся: «Ну, Наташ, не стану же я говорить, что я – философ. Наверное, надо сказать, что я – социолог. Это проще, лучше воспринимается!». Я неоднократно потом вспоминала о том разговоре, когда меня спрашивали: «Скажите, Вы – феминистка?». Феминистская философия мало кем понята в нашей гуманитарной науке. Так что о себе я говорю: «Изучаю мировую историю женщин!». Я начала с женщин Древней Руси и впоследствии занималась всю жизнь женской темой. Когда заходит разговор не с коллегами по профессии, а с теми, с кем случайно столкнула жизнь, часто говорю теперь о себе «социолог». Это удобнее, легче. А когда говоришь «историк», рассказываешь, что собираешь в архивах факты из старых документов, как жилось женщинам три-пять веков назад, то удивляются: «И за что только вам деньги платят?».

А когда скажешь «социолог» – звучит более весомо.

Так вот, конечно же, именно Игорь Семёнович, знавший меня с детства (он был знаком с моей мамой, Ириной Михайловной Пушкарёвой, с 1951 г.– она тогда только-только

[1] Имеется в виду международная конференция «Женская и гендерная история Отечества X–XXI вв.: новые проблемы и перспективы», которая состоялась в Петрозаводске 19–21 июня 2009 г. (см. [1]).

закончила истфак МГУ и приехала к общим с И. С. Коном знакомым в Ленинград), способствовал нашему с тобой более близкому знакомству. Это он поведал мне, что в родном Ленинграде есть человек, который занимается кругом проблем, которые мне интересны.

Случилось это в те самые «гендерные 90-е» [2], уже создавались научные центры и лаборатории, обратившие внимание на проблематику социального пола, его культурных составляющих, уже проводились независимые женские форумы в Дубне (собиравшие первых создательниц низовых женских клубов и организаций), первые выставки, посвященные женскому голосу в изобразительном искусстве [18], но я в начале 1990-х лишь только слышала о них. Я писала докторскую… И писала я ее прежде всего как историк. Перелопатила горы архивного материала, добилась возможности собрать историографический материал в наших и зарубежных библиотеках и, наконец, защитилась в 1997 г. [15]. Четверть века тому назад женщина – доктор наук, защитившая диссертацию до 40 лет,– считалась выскочкой, научной парвеню… Но у меня в тот год вышло сразу 3 монографии [19] [20] [27] – и это в докомпьютерную эпоху или, пожалуй, в раннекомпьютерную,– и результаты моей работы научный синклит, хоть и нехотя, но признал.

В смысле хронологии я шла от древнерусской истории к петровской, потом – к екатерининской эпохе, от них – к XIX столетию. После защиты я стала двигаться в изучении российской женской истории дальше – и так приблизилась к твоим научным интересам!

Конечно же, я знала, что ты собирала материал, связанный с историей русской эмиграции, с теми ее женскими фигурами, которые особенно важны для понимания отечественного прошлого, понимала и разделяла твое желание выделить эти имена, продвинуть их в учебную литературу и историописание, показать их значимость. От Игоря Семёновича Кона я узнавала новости о тебе, о том, что твой круг интересов охватывает русскую философию начала XX века, тему брака и семьи в нашей отечественной философии [9].

Те, кого выделял Игорь Семёнович среди молодых и старших, историков и не-историков, социологов и психологов, деятелей искусства и журналистов, автоматически становились значимыми и для меня. Тому способствовала тесная связь между нашими семьями: мама, знавшая Игоря Семёновича с той памятной встречи в Ленинграде, дружила с ним и с тем человеком, который тоже эту дружбу пронес через всю жизнь. Это мой крёстный папа – Аполлон Борисович Давидсон – ныне он действительный член РАН, африканист, а 75 лет назад все трое были молоды, остроумны и красивы. С Аполлоном Борисовичем мама связана и сейчас (обоим далеко за 90), оба дружили с Игорем Семёновичем сначала в Ленинграде, потом в Москве.

Мама моя, приезжая в Ленинград, обычно останавливалась у Давидсонов в доме. Тогда еще не было принято, как сейчас: ездят, каждый снимает себе ту гостиницу, которую нужно, живет… даже не позвонив и не сообщив, что приехал… В научном мире было принято по-другому полвека назад: приезжали поработать в архивах, ночевали, останавливались друг у друга, уезжали, потом другой человек приезжал и так далее. Это было нормой.

Так что даже когда И. С. Кон жил в Ленинграде (еще не ставшем Санкт-Петербургом), я знала, что у мамы в северной столице есть близкие люди – Игорь Семёнович и его мама Евгения Генриховна, я знала от нее о том, что И. С.– необычный человек, знающий множество языков, которые он выучил сам, без учителей, просто работая со словарями. Впоследствии родительница моя (сама, между прочим, доктор наук) способствовала переезду и Аполлона Борисовича с его мамой в квартирную часть Главного здания МГУ на Воробьевых горах, и Игоря Семёновича (тоже с мамой) в Москву. И. С. Кону понравился наш дом – кооператив «Работники АН СССР», мама в те годы была в его жилищной комиссии… Ну он и поменял свою ленинградскую квартиру именно в этом кооперативе, стал жить рядом с нами, в соседнем подъезде.

Н. Х. Орлова: Я была у него в гостях и помню… Книги повсюду, стол, повернутый боком к окну… Репродукции импрессионистов на стенах…

Н. Л. Пушкарёва: Да, ты помнишь его «двушку» в нашей сталинке? Это соседний

подъезд, мы были на одном уровне, на одном этаже в разных подъездах. Жили совсем, совсем рядом. Парадоксальность была в том, что маму он называл Ира, на «ты»; моего сына Тёму, выросшего на его глазах (он 1983 года рождения), тоже на «ты», но меня всегда – «Наташа, Вы». Эта дистанция, может, мешала слишком уж близким каким-то отношениям, это были отношения именно Учителя и робевшей рядом ученицы. Конечно, отношения с моей мамой и Тёмой, моим сыном,– они были другого характера: мама решала за И. С. все бытовые вопросы (не без вздоха), а к Тёмке Игорь Семёнович после смерти Евгении Генриховны очень тянулся, заходил к нам со словами «Где мой внук?» (и осторожно спрашивал, не ревнует ли мой папа на такие его вопросы и отношения).

Ну, а для меня размышления Игоря Семёновича были всегда поводом задуматься о чем-то, чего порой я не замечала. Теперь понимаю, как ненавязчиво он направлял меня по жизни. И в конечном счете, я бы сказала, что главное, чему научил меня Игорь Семёнович (у меня самой уже есть немало учеников, защитивших диссертации – и кандидатские, и докторские, скоро их будет два десятка),– это… не бояться. Не страшиться новых тем, обещающих острые споры, не прятаться за псевдонимами. Учителей у меня несколько – археолог Валентин Лаврентьевич Янин (тоже член большой Академии) – он взял меня с «женской» темой, когда все от нее отказывались… Это и профессор Юрий Львович Бессмертный из Института всеобщей истории – он меня вывел на тему повседневности. А Игорь Семёнович, который много со мной общался, научил именно научной смелости. Научил браться за те аспекты, которые могут вызывать неудовольствие, сопротивление, осуждение, смех, в конце концов. Научил держаться. Держать удар. Он, конечно, человек, который меня сформировал.

Н. Х. Орлова: Это созвучно в полной мере и моим ощущениям от встречи и дружбы с ним. Хотя, конечно, нас не так много лет связывало. В декабре 2004 г. я была командирована в Москву, чтобы завязать знакомство с Игорем Семёновичем Коном и пригласить его как специального гостя на намечавшуюся в 2005 г. конференцию «Мужское и женское в культуре» в рамках программы Центра современной философии и культуры СПбГУ при содействии Санкт-Петербургского философского общества и института философии РАН. Я была в то время еще совсем неизвестной докторанткой, увлекшейся модными на тот момент темами, но в его обстоятельном ответе на мое письмо с просьбой о встрече были и благодарность за приглашение, и подсказки, как возможно с ним встретиться в Москве, и даже примерная тема доклада. Я выбрала вариант встречи в Библиотеке иностранной литературы, где он должен был читать публичную лекцию. Сохранилось несколько фотографий.

Н. Л. Пушкарёва: Он любил там выступать… В «Иностранке».

Н. Х. Орлова: Игорь Семёнович – удивительный по сердечности и такту человек. Он помнил, что где-то в зале сидит барышня из Петербурга, и в перерыве уже внимательно слушал про ее прожекты. И Игорь Семёнович сказал: «Да, хорошо, я приеду». Причем на мое «не согласитесь ли быть Председателем оргкомитета?» он ответил: «Ну что Вы, ну какой же я председатель? Не приучайте Вы себя к этим свадебным генералам. Вы занимаетесь этой конференцией, значит, Вы должны быть председателем оргкомитета». Я усвоила этот урок достоинства. Много самых разных конференций после этого организовывала, но никогда не приглашала «свадебных генералов». Игорь Семёнович тогда особое внимание уделил моему мужу (мы вместе приехали). Поблагодарил за то, что тот меня сопровождает, за то, что мой муж интересуется темами, которыми занимаюсь я, что он мой соратник. Наташа, знаешь, с того времени и в личных встречах, и в переписке Игорь Семёнович всегда спрашивал: «Как ваш супруг [он запомнил его имя], он все так же где-то рядом с вами и вам помогает?». Для него было характерно такое особенное отношение к людям, которые, казалось бы, не имеют никакого значения в его профессии… Как важна такая теплота и сердечность! Причем на нее тратится ведь очень мало времени и энергии, но она попадает точно в сердце. Вообще, мудрых уроков от него было много. Были и шуточные уроки-притчи.

Как-то он приехал на нашу конференцию, а я тогда на философском факультете СПбГУ руководила образовательной программой. Пожаловалась ему, что пришли какие-то бумаги, в которых не вижу какого-то смысла, а надо тратить время на них. Он мне ответил: «Когда-то меня научили [кто-то, кого он воспринимал с пиететом, как учителя]. Вот приходит бумага, я на нее смотрю и даже не читаю, не вчитываюсь, а сразу ее кладу в нижний ящик стола. Если она придет второй раз, я ее прочитаю и уже положу сверху на стол, но никаких действий не предпринимаю. А вот если она придет третий раз, я по ней уже начинаю работать. Вы знаете, Наденька, я ведь стал это применять в своей жизни и обнаружил, что… львиная доля бумаг не нуждается в наших затратах. Не приходит иногда ни вторая, ни третья».

И еще один хороший урок. Как-то я к нему приехала со своей монографией. Игорь Семёнович меня пригласил к себе домой, мы там чаевничали, было много всяких разговоров. Он взял в руки мою книгу и сразу же стал смотреть список источников. Смотрит и говорит: «Наденька, знаете, я в первую очередь смотрю сюда. Вот если здесь есть источники, которые в руки не брал, не видел, не знаю про них, не читал, тогда книгу в свою библиотеку возьму».

Н. Л. Пушкарёва: Удивительно, но все то же самое прошла я с Коном, хотя наши научные отношения нигде и никак не были оформлены, то есть я не могла считаться его ученицей, потому что заканчивала МГУ как историк, у меня должен был быть научный руководитель из тех, кто преподавал в МГУ, и поэтому им стал Валентин Лаврентьевич Янин. Далее я работала в Секторе этнографии восточных славян Института этнологии, а Игорь Семёнович – в другом подразделении, так что у меня консультант по докторской был из моего Сектора. Настало время защиты второй диссертации, я спросила: «Игорь Семёнович, ну Вы же не откажетесь быть оппонентом?» Он посмотрел мой текст в распечатке и сказал: «Наташа, это что ж такое? В огромном списке литературы только одна моя работа. Это как может быть? И какая-то совершенно незначимая, где Вы вообще ее нашли? Такое ощущение, что вся вот эта библиотека, которую Вы прекрасно знаете, в которой свободно ориентируетесь, знаете, где у меня тут что стоит… она как будто прошла мимо Вас, как и все написанное мною. Запомните: если у Вас есть с кем-то научные отношения, нужно уметь показать свое уважение к свершенному этим человеком, к кругу его интересов, его публикаций (особенно новейших!). Это и есть научная этика. Странно, что Вам это никто не объяснил до защиты!».

После такого разговора я, конечно, срочно вставляла ссылки на Кона и на всех других оппонентов. Этот урок я всегда теперь транслирую своим ученикам. Всем рассказываю, как важны ссылки на научного руководителя, на оппонентов, точно так же поступаю с пришедшими мне диссертациями на оппонирование или монографиями на рецензирование.

Считаю так: если люди на меня не ссылаются – значит, просто плохо информированы, это показывает недостаток историографических знаний, слабую ориентированность в работах предшественников. Значит, тогда и рукопись недостаточно совершенна, правильно?

Н. Х. Орлова: Ну и этически, как обращаться с просьбой об оппонировании, рецензировании, если ты не посчитал для себя возможным указать рецензента в списке литературы.

Кстати, к этому примыкает важная тема – цитирование. Почему вообще механизм ссылок на женские работы такой ограниченный? Конечно, если попал в некий шорт-лист, как сегодня модно говорить, тебя автоматически, как Платона-Аристотеля, упоминают, даже не читая. И это традиция, исторически сложившаяся в академическом сообществе. При этом даже в дневниках и письмах в описании научных событий чаще фиксируются имена мужские. В этой связи сошлюсь на наш совместный с коллегой из Зеленогурского университета (Польша) исследовательский проект «Второй план: женщины в русской философии»[1]. Благодаря проекту удалось не только собрать материал о многих незаслуженно

[1] Речь идет о международном исследовательском проекте “Drugi plan: kobiety w filozofii rosyjskiej” (2018–2021), который был профинансирован Польской академией наук.

забытых именах, но и показать, как на рубеже XIX–XX вв. академическое сообщество включало в свои границы ученых женщин. В рамках проекта мы опубликовали внушительное число статей и семь книг [3] [4] [5] [7] [23] [24] [25]. Примечательно, что в них огромный корпус свидетельств того, как наши героини сами тяготели к цитированию именно мужских имен и оставляли за кадром женские. Мне кажется, что эта традиция сегодня функционирует приблизительно так же: мы не торопимся цитировать женщин-коллег. Да, сегодня нас – женщин в науке – стало больше, мы так или иначе вынуждены «замечать» друг друга. Особенно в тех сферах, где представлены больше именно женские имена.

Н. Л. Пушкарёва: Наденька, у меня есть ответ. Может быть, потому что у меня так называемый Хирш высокий (по РИНЦ 49, по e-library 50) плюс 10 тысяч или даже больше, 11 тысяч цитирований разных моих работ, у меня есть подозрение, что если тебе удается войти в какой-то круг часто цитируемых авторов, то те, кто переписывает друг у друга (а это люди, в основном, не бравшие моих работ в руки), так или иначе на меня сошлются.

Тема цитирований болезненная.

В целом, вообще в мировой науке, женщин цитируют меньше, чем мужчин. Это абсолютно для всех наук актуально. Не так давно оппонировала диссертацию в Высшей школе экономики, которая была посвящена как раз вот этой библиометрии и гендерным ее аспектам и тому, насколько в разных науках мало действительно женских имен и мало ссылок на женщин-авторов. Действуют гендерные стереотипы: мужское знание, мужское слово считаются статусными, значимыми. Эта болезнь – часть мировой науки. Что мы можем этому противопоставить? Своих учениц я стараюсь ориентировать на то, чтобы они друг друга цитировали и друг на друга ссылались. Это очень важный момент. Еще такой момент… В негуманитарных науках масса статей публикуется с целым списком авторов, иногда это 10 человек. Вот у нас работает член-корреспондент РАН Марина Львовна Бутовская, она печатается вместе со своими «птенцами» в самых престижных изданиях – и практически всегда число авторов, где она во главе списка (конечно), очень велико.

Н. Х. Орлова: Да, я с ней встречалась.

Н. Л. Пушкарёва: Кстати, Марина Львовна совершенно не разделяет гендерную концепцию, что не мешает нам с нею быть в очень хороших отношениях. Она сказала мне в конце интервью, которое я брала у нее как у успешной женщины-ученой: «Гнобят всегда талант в науке, а ты все гендер, гендер…». То есть не о половой принадлежности речь, а о том, что талантливым людям завидуют и пытаются удержать их, как говорится, «за фалды», не давать прорываться на научный Олимп… Биолог по базовому образованию, Марина Львовна всегда пытается своих учениц опубликовать в значимых журналах, типа «Nature», с гигантскими аудиториями и рейтингами. Это, конечно, первый квартиль, или ныне, как говорится, «белый список». И Марина упорно подтягивает всех девочек, которых она воспитала, на новые научные ступени. Но в наших с тобой, Наденька, науках – в истории и философии – этот номер не пройдет. Мы таких статей просто не видали в журналах наших. Четыре-то автора – и то выглядят странно. А уж чтобы их было 10 человек на какую-нибудь одну публикацию, невозможно себе и представить.

То есть вот эти практики, характерные для определенных областей знаний, они тоже действуют… а где-то не действуют. Кроме того, до поры до времени женщин значимых, с большими научными погонами было не так много. И поэтому, естественно, в целом, когда мы ссылаемся на наших предшественников, это в основном мужские имена.

Вот даже такой тебе пример приведу. Все ли знают, кто была первой среди женщин, получившей звание члена-корреспондента Российской академии наук? Было это еще в конце XIX в.

Н. Х. Орлова: Любименко, нет?

Н. Л. Пушкарёва: Нет-нет, еще до Инны Ивановны Любименко, я тебя умоляю, гораздо раньше. Я говорю о дочке Измаила Ивановича Срезневского, автора знаменитого «Словаря», которым пользуемся мы все уже полтора века,– это Ольга Измаиловна Срезневская (1845–1930). Когда ее знаменитый бородатый папа умер в 1880 г., она в полной мере проя-

вила свои таланты, в том числе в знании языков и написании научных статей. Именно она готовила к публикации «Словарь древнерусского языка», и за беззаветную преданность этому делу филологи ее избрали членом-корреспондентом Академии наук в 1895 г. Получившая домашнее образование, свободно писавшая на нескольких языках, Ольга Измаиловна Срезневская – первая женщина – избранный член-корреспондент Академии… (ставшая действительным членом Академии в том же году Прасковья Сергеевна Уварова, подготовившая организационно несколько археологических съездов, удостоена звания «почетного члена», а О. И. Срезневская была именно избрана).

И вот тут я обращу внимание, почему мы знаем фамилию Срезневского и ссылаемся на его знаменитый «Словарь»? Только потому, что его незамужняя дочь продвинула имя отца и способствовала изданию его огромного труда, даже не задумавшись о том, что в эту публикацию она сама вложила жизнь и судьбу. Про Ольгу Измаиловну ничего-то мы не знаем. Не помним. Вот парадокс.

Женские имена, прославившие русскую науку, не вспоминает отечественное историописание, не знают учебники, не слышали никогда студенты…

Н. Х. Орлова: Вот, кстати, и Клавдия Флоровская, о которой вышла наша книга в польском проекте. Мы тоже о ней узнаём благодаря именам ее брата – философа Георгия Флоровского и ее друга – историка Петра Михайловича Бицилли, по рекомендации которого в 1919 г. она состоялась как первая женщина-доцент в Новороссийском университете.

Н. Л. Пушкарёва: Ничего себе!

Н. Х. Орлова: Да, мы о ней узнаём исключительно по именам значимых мужчин. К слову, в судьбе некоторых Клавдия Флоровская сыграла важную роль. Например, из ее переписки мы знаем, что она, находясь в Болгарии, в Софии, конспектировала для своего младшего брата Георгия Флоровского научную литературу, посылала ему в Прагу, где он работал над диссертацией. Клавдия подбирала книги, конспектировала, с ним обсуждала, его подбадривала. Георгия Флоровского мы все знаем как одного из ведущих русских философов, как специалиста по патристике, его труды встроены в учебники. Петра Бицилли мы тоже знаем как одну из ведущих фигур в русской исторической науке. А вот Клавдия Флоровская, блестящая ученица Гревса, которую он рекомендовал оставить на кафедре для получения ученой степени, ее имя сохранилось лишь в тишине эпистолярного наследия. Конечно, во многие судьбы вмешались исторические сломы: собранные Флоровской накануне революции материалы ее диссертации были утрачены в эмиграционных маршрутах… На самом деле много таких героинь.

Я считаю своей миссией – знаю, что ты тоже этой миссии служишь,– возвращать их имена и тексты в культурную память, в академическую память, в университетскую память, в учебники и программы, возвращать этих скромных тружениц науки, которые на самом деле сыграли в жизни многих мужчин ключевую роль. Кстати, думаю, что могу себе поставить в заслугу то, что в портретной галерее Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН) среди портретов тех, кто сделал вклад в становление этого замечательного учреждения, центральное место с недавнего времени занимает портрет Евлалии Павловны Казанович (1885–1942). По материалам ее дневников и других архивных документов я подготовила и издала книгу [7]. Удалось не только исправить ошибки в сведениях о ней в разных источниках, но и показать ее важную роль в истории Пушкинского Дома. В далеком 1912 г. академик Нестор Александрович Котляревский пригласил ее на работу в Пушкинский Дом. Как вспоминала через много лет одна из ее бывших коллег, никакого «рабочего аппарата» Пушкинский Дом тогда не имел (как и своего помещения), «кроме Евлалии Павловны, которая совмещала в себе все: начиная с хранителя библиотеки и кончая столяром» [7, с. 36].

Н. Л. Пушкарёва: Хорошо, что речь зашла о тех, на чьих плечах мы стоим. Нам остро необходимо возвращение этих имен. Обязательно! Если не мы, то кто? Есть наша задача сделать так, чтобы о замечательных наших предшественницах в науке и преподавании заговорили. Тогда их судьбы могут стать предметом специальных исследований, непремен-

но появятся те, кто заинтересуется их взглядами, особенностями их мироощущения, аксиосферы, их концепциями и напишут о них, может быть, уже специальные исследования. Они смогут проследить, чем отличается женская интерпретация того, о чем писали мужчины – иногда по той же самой теме.

Наша миссия, раз уж мы оказались в гуманитарной сфере и представляем женщин-ученых, которые занимаются изучением истории распространения научного знания, состоит в том, чтобы возвращать потерянные женские имена обратно в науку. Первые женщины-историки (философы, филологи, психологи) совершили свой житейский и научный подвиг уже тем, что готовы были работать подчас безымянно, поддерживая своих мужей, любимых людей, отцов, сыновей. Мы замечаем то же самое среди женщин-художниц, которые помогали своим мужьям практически, а не только вдохновляли их и обеспечивали быт.

Почему редкие женщины-ученые могли работать в науке профессионально, то есть зарабатывать научными занятиями себе на жизнь? Почему в основном они лишь обслуживали мужчин-ученых? Ответ прост: у женщин-ученых не было… жен, то есть лиц, которые бы взяли на себя всю бытовую сторону жизни. Мужчины имели жен, то есть тех, кто обеспечивал их быт, в том числе научный, кто занимался организацией домашней жизни, а мужчинам оставалось лишь сосредоточиться на производстве научного знания. А у женщин такой опции не было.

И нет сейчас.

В этом отличие нашего статуса в науке. Мы не хотим, чтобы наши имена так же забылись, как имена Срезневской и Любименко, Уваровой и многих других научных служанок при известных мужьях. И наша задача поэтому – возвращать в научный дискурс, в наши обсуждения, имена предшественниц, чтобы наши студенты все-таки знали, кого они могут назвать из русских женщин-ученых, кроме Софьи Ковалевской.

Кстати, даже ее сейчас не все знают. Потому что, когда мы с тобой учились, ее портрет висел в каждом классе математики и школьники знали, что такая существовала. Но если о Ковалевской хоть кто-то помнит, то назвать какие-то иные имена, тем более из области философии (допустим имя создательницы теософии Елены Блаватской) или медицины (имя первой русской женщины, получившей докторскую степень по медицине,– Варвары Кашеваровой-Рудневой), не может никто. Почему не попадает в учебники имя Зинаиды Виссарионовны Ермольевой – создательницы крустозина, дешевого варианта пенициллина? Флеминговский вариант был, конечно, известен уже в 1920-е гг., но он очень дорого стоил. А крустозин Зинаиды Ермольевой спас тысячи жизней на фронтах Великой Отечественной, да и в тылу… Тысячи… Почему ее имени нет в учебниках? Какой-то Ферапонт Головатый, который дал деньги на строительство самолета,– есть, из учебника в учебник переходит. Как он был в учебниках в мои юные годы, когда я поступала в университет, так и в годы учебы в МГУ моего сына, вот сейчас внук в этом году поступил… Внук мой Гоша Пушкарев – это, кстати говоря, четвертое поколение Пушкарёвых, которые будут заканчивать истфак МГУ. Четвертое поколение. И это четвертое поколение тоже не знает имен русских женщин-ученых. Ну как же так?

Отсюда – вопросы социологов. Как вы полагаете, каковы способы проникновения женщин в современную науку? Можете ли вы найти возможности упростить женский путь в этой профессии? Можно ли стать заметными – чтобы на нас ссылались, чтобы нас цитировали, чтобы мы имели возможность получать гранты? Сейчас это еще одна сторона дела, ведь теперь мало написать монографию. Ее можно издать и за свои деньги, допустим, 100 экземпляров – и никто ее не прочтет… А чтобы издать высокой печатью в хорошем издательстве, нужны немалые средства. Вот почему важно, чтобы о женщинах помнили там, где идет «раздача слонов», где можно получать финансы на осуществление научных изысканий. Да, не скрою: я за позитивную дискриминацию, за преференции для женщин, чтобы они чаще попадали в экспертные советы, которые выносят решения по тем или иным проектным заявкам. Не знаю, приходится ли тебе это читать, но на меня как эксперта научно-технической сферы, эксперта ВШЭ и РНФ в последнее время какое-то безумное количество

заявок сыпется ежемесячно. И я с горечью констатирую: руководителями проектов, как правило, бывают мужчины (даже в нашей гуманитарной области, сильно феминизированной), женщины в них – исполнители.

Н. Х. Орлова: У меня есть версия, безусловно, опирающаяся на мой субъективный опыт. Отталкиваюсь от твоей фразы «у женщины-ученой нет жены». Подача заявки, причем с непредсказуемым результатом, она требует все-таки сосредоточенности, времени, а главное, еще нужно психологически себя приготовить к тому, что это время может быть потрачено без положительного результата. А ты его отняла у своих детей, у своих значимых близких людей. В том смысле, что своей заботой нам важно охватить как можно больший круг родных, близких, тех, о ком мы все время думаем. И поэтому я для себя так когда-то и решила, что пока мне хватает на хлеб и на то, чтобы я могла работать в архивах и библиотеках, мне вполне достаточно средств и без гранта. Кроме того, таким образом избавляю себя от неких разочарований гипотетических, потому что я к себе очень хорошо отношусь как к ученому.

Кстати, хочу продолжить тему о возвращении в культурную память, о напоминании научному сообществу, что есть не только мужские имена, есть женские, которые сделали именно уникальные вклады в науку. Наука не только из фундаментальных открытий состоит. Наука состоит из собрания рутинных больших и маленьких интеллектуальных накоплений, она прирастает как раз вот этим. Думаю, что да, одна часть миссионерская – это вернуть в культурную память, в научную память имена забытые, несправедливо забытые. Но мне кажется, что у этой миссии есть еще одна сторона: выработать у современного научного сообщества здоровое привыкание к гендерной нейтральности в сфере рутинного научного труда. Надо сказать, что у нас, женщин, как субъектов научного сообщества тоже нет этого привыкания. Мы тоже скорее цитируем и замечаем мужскиеимена.

Н. Л. Пушкарёва: К сожалению, часто именно так…

Н. Х. Орлова: Да, и мне кажется, что миссия и в этом заключается, чтобы в современные учебные программы, в списки рекомендуемой литературы мы активнее включали имена женщин-ученых. Не могу сказать, что это просто, особенно в нашем философском цехе. Например, Семена Франка, как специалиста по Спинозе, непременно упомянут, сославшись на статью 1912 г. «Учение Спинозы об атрибутах» [22], а имя Варвары Половцовой (1877–1936)[1], которая благодаря своим работам тех же лет была признана первым русским спинозистом [12] [13] [21], вряд ли известно широкому кругу даже философствующей публики.

Н. Л. Пушкарёва: Я полностью не только согласна, но и всегда благодарна за включение в списки обязательной литературы женских имен, считаю: пусть будет включено хотя бы одно женское имя. Это так важно!

Важно давать среди книг, которые мы предлагаем, допустим, для коллоквиумов, для прочтения молодежью, не только написанное мужчинами, но и женщинами, на «женские» темы – чтобы поколение, следующее за нами, умело слышать и тихие женские, а не только жесткие, грубые, уверенные в своей правоте мужские голоса. Нужно научить тех, кого мы в научном смысле «выкармливаем», интерпретировать тексты, написанные человеком другого пола. Это необычайно важный навык. Он необходим не только источниковедам, историкам, он пригодится и тем, кто работает в криминалистике (ибо всем исследователям нужно уметь атрибутировать тексты). Это важно и для архивистов, которые имеют дело с обрывочными сообщениями и должны понять, кто это написал, мужчина или женщина, когда нет у аналитика рукописного текста и по внешним признакам невозможно об этом догадаться. Важно это и для психологов, дабы сопоставлять мужскую и женскую систему ценностей, чтобы постоянно принимать в расчет не только все общее, но и различия. И вот поиск этих различий, он необычайно важен. Это понадобится социальным психологам, администраторам, юристам, потому что система ценностей – она различная у мужчин и женщин, и была всегда различной. И вот эти стороны изучения, они (как

[1] Очерк о ней см. в [25].

задача) стоят перед гуманитарным знанием сейчас.

Н. Х. Орлова: Да, кстати, вспомнила одну историю из своей университетской жизни к теме о том, как сегодня функционирует академическое сообщество, как оно замечает и запоминает современную ученую женщину. Как-то, году в 2011–2012, прихожу на занятия и в фойе философского факультета вижу стенды с портретами и биографическими справками «100 знаменитых универсантов». Мне стало интересно, а сколько женских фигур среди этих ста?

Н. Л. Пушкарёва: Это в здании Двенадцати коллегий?

Н. Х. Орлова: Нет, это в здании напротив, где расположены философский и исторический факультеты. Я внимательно изучила все стенды, где были имена и из глубокой истории, когда университет только-только зарождался, и из ближайшей нам современности. Нашла только пять женских имен…

Все пятеро – современницы XX в.: поэтесса Ольга Федоровна Бергольц (выпуск 1930 г.); руководитель протокола президента РФ Марина Валентиновна Ентальцева (выпуск 1984 г.); Судья Конституционного Суда РФ Людмила Михайловна Жаркова (выпуск 1979 г.); президент Литовской республики Даля Грибаускайте (выпуск 1983 г.); олимпийская чемпионка по легкой атлетике Татьяна Васильевна Казанкина (выпуск 1975 г.). Среди них не было имени Екатерины Романовны Дашковой, которая во времена своего директорства (1783–1796) вытаскивала Академию наук из упадка. Впрочем, и многих других славных женских имен на этих стендах я не нашла. В том числе, и имени единственной в истории Петербургского университета женщины-ректора (1994–2008) Людмилы Алексеевны Вербицкой – выпускницы 1958 г.

Н. Л. Пушкарёва: Допустим, Дашкова не была выпускницей университета. Она была президентом, бесспорно, помощницей Екатерины, но не была выпускницей одного из факультетов – но, конечно, разумнее было бы, чтобы ее портрет висел и напоминал студенткам об их возможностях и жизненной перспективе.

Н. Х. Орлова: Безусловно, если универсантами считать только тех, кто поступил в университет и дипломирован, тогда мы не сможем связать с университетом ни одного имени из дореволюционного периода. Бестужевки, где целый корпус блестящих имен, формально не были универсантками. Но они учились по университетским программам у университетских профессоров. Об этом, кстати, я и делала доклад на третьей конференции РАИЖИ в Череповце в 2010 г. [8]. На мой взгляд, мы обязаны в список знаменитых универсанток включать все имена тех, кто внес свой вклад в славу Петербургского университета.

Н. Л. Пушкарёва: Конечно!

Н. Х. Орлова: К слову, выставка «универсантов» спровоцировала (в хорошем смысле) основательнее разобраться с университетской гендерной статистикой. Результаты исследования тоже были представлены на конференции РАИЖИ (Тверь, 2012) в докладе «Университетская доска почета» [11]. Я тогда написала служебный запрос о допуске к работе с внутренними (кадровыми) статистическими ежегодниками. В них есть сведения о награждениях и поощрениях, об ученых степенях. По статистике в профессорско-преподавательском составе университета соблюдался гендерный паритет, приблизительно 50 на 50. Что касается наградных списков, то там доминировали исключительно мужские имена. Редко встречающиеся женские фигуры, как правило, относились к корпусу носителей дополнительных административных статусов и полномочий. К слову, анализ показателей научных степеней и ученых званий дает картину перевернутой пирамиды. В мужской когорте сотрудников с высокими научными статусами на порядок больше, чем в женской когорте.

Н. Л. Пушкарёва: Это все проблема «стеклянного потолка», которая существует в науке, как и в других областях. Студентки у нас превосходят число студентов, среди аспирантов количество женщин все еще чуть-чуть превышает количество мужчин, однако уже среди защищенных кандидатских диссертаций, безусловно, больше созданных мужским пером. Самый толстый «стеклянный пото-

лок» возникает после защиты докторской: женщинам сложнее стать деканами, ректорами, директорами институтов, очень трудно пробиться в число действительных членов и членов-корреспондентов РАН.

Н. Х. Орлова: Да!

Н. Л. Пушкарёва: Мало того, что у нас доктора наук женщины составляют всего лишь 14% от общего числа докторов наук в стране. Главное же, что выше уровня доктора наук женщинам прорваться абсолютно невозможно. У нас более 500 ректоров в стране, но среди них лишь 25% (и это считается много!) ректоры-женщины. И где они ректорствуют? В каких-то далеких-далеких университетах. Маленьких-маленьких. Единственный сравнительно большой – университет МИСиС в Москве, я, кстати, знаю его ректора – это Алевтина Анатольевна Черникова, она помогала мне провести конференцию моей Ассоциации исследователей женской истории. Она молодая, красивая, энергичная, немало преуспевшая и в науке, и во всем. Но таких женщин-ректоров мало.

Еще меньше у нас женщин среди академиков и членов-корреспондентов. Во-первых, после той же Екатерины Романовны Дашковой во главе академий у нас женщин не было. Во-вторых, членкоров женщин тоже все время было не густо. Я упомянула Ольгу Срезневскую, можно назвать другого выдающегося филолога – Ольгу Добиаш-Рождественскую, что же касается иных наук, то до войны женщина-академик была в СССР одна – Лина Соломоновна Штерн, биохимик и физиолог с очень сложной судьбой. Ее арестовывали, она провела много лет в лагере, вернулась и долгие годы скрывала те, вычеркнутые из ее жизни годы, продолжала работать до конца своих дней (а прожила она 90 лет) и делать даже на склоне лет открытия…

Таких женщин, как Л. С. Штерн, у нас, наверное, было немало, но их не пускали на научный Олимп. Вот, скажем, первая в России женщина-академик по историческим наукам – Анна Михайловна Панкратова. Родилась в семье одесского рабочего, окончила университет и Институт красной профессуры в 1920-е, занималась рабочей историей. Ее хвалили, публиковали (как всех, кто занимался рабочей историей), даже дали стать членкором в 1939 г., но выше не продвигали. Время, однако, было известное… И пока не раздался окрик из ЦК КПСС (ну-ка, избрать хотя бы одну женщину-специалиста по рабочей истории!), в академики она не попадала 15 долгих лет.

Другая есть история с женщиной-математиком. Это Пелагея Яковлевна Кочина, события развивались в послевоенные 1940-е. Ей было сказано: мы вас выберем при условии, что вы, став академиком, покинете столицу и уедете в Новосибирск создавать там Сибирское отделение Академии наук СССР. Иными словами, оставляете Москву, увозите в Сибирь всех своих родных, забираете весь скарб и располагаетесь там в одном из легких щитовых домиков, и свою научную школу создаете там, науку продвигаете за Уралом. То есть, едва вставал вопрос о достойной кандидатке в высшие органы управления наукой, тут же появлялись какие-то условия, о которых и слыхом не слыхали мужчины, возникали какие-то соглашения, то есть была совершенно другая механика выборов.

Что мы имеем на данный момент? Женщинам в российской науке как было нелегко существовать, так и сейчас несладко. За весь советский период (1917–1991) в АН СССР было всего 27 женщин-академиков. Женщин в членкоры и академики практически не выбирали – так же, как женщин не выбирали в Политбюро ЦК КПСС.

Ситуация стала меняться в годы перестройки, в 1990-е. Когда я начинала заниматься женской темой, то в своих лекциях обычно сообщала, что женщины-членкоры и академики составляют лишь 4% от общего числа академиков и членкоров в Академии наук. Сейчас ситуация чуть-чуть улучшилась. На 2024 г. мы имеем 5,9% женщин-академиков и 11% женщин-членкоров. Но все равно вдумайся: 90% научного руководства – это мужчины. А у женщин – «стеклянный потолок».

Н. Л. Пушкарёва: При этом женщины-респондентки, если с ними разговаривают женщины-аналитики, отрицают очевидную асимметрию. Они говорят, да как-то так это сложилось уже. Вероятно, это всегда так было и всегда так будет. Это неизбывно. И в конечном счете, когда встает вопрос о том, кому до-

верить свои судьбы – на выборах директора, допустим… они голосуют за мужчин.

Я сама принимала участие в выборах на пост директора Института этнологии и антропологии. Не потому, что мечтала «поруководить», а потому что предложили выдвинуться. Я составила программу, успешно рассказала о ней, но в ходе тайного голосования выборы проиграла, потому что женщины хотят подчиняться мужчине. Они хотят слышать распоряжения мужчин. Они находятся во внутренней конкуренции с женщинами, прикидывают: как вот та одета, быстро сопоставляют с тем, как у нее сложилась жизнь. Не дай бог, у нее все благополучно в семье, в профессии, во всем. Ах, она еще начальницей хочет быть? Нет, этого мы допустим, такую во власть не примем.

В конечном счете, для того чтобы изменялась структура управления наукой, чтобы она была более сбалансированной, мы, женщины, должны, как правило, прикладывать в два раза больше усилий, чтобы достичь чего-то – быть более компетентными, более дружелюбными, более готовыми вступать в неформальные связи с министерствами, «выбивая» деньги, в поисках финансирования для своих подразделений, центров, проектов и так далее. Женщине надо быть гораздо активнее и заметнее и при этом социально компетентнее, тоньше в размышлениях и мудрее мужчины – только в этом случае ей суждено куда-то пробиться.

Н. Х. Орлова: Наташа, а можно… я с тобой не соглашусь?

Н. Л. Пушкарёва: Что не так?

Н. Х. Орлова: Понимаешь, тот набор стратегий, который ты перечислила, да, действительно, он весьма эффективный. И дает возможность увеличить присутствие женщин в верхних эшелонах. Другое дело, что для этого надо категорически совпасть смыслами. Если исходить из твоего утверждения, что мужчины и женщины представляют разные ценностные миры, то женщине придется отказаться от своего. И в этих координатах мы решаем для себя: становиться или нет агрессивным игроком (не агрессивным не получится), чтобы участвовать в жесткой конкуренции за административную позицию, высокий рейтинг цитирования, номенклатурный статус. Система достижения «вершин» функционирует по своим правилам. Чтобы там быть, надо по ним играть. Но тогда мы говорим не о женских ценностях, не об этом ценностном мире. И вообще, я бы поспорила с устоявшимся мнением, что к агрессивным стратегиям чаще склонны мужчины. Более того, как дипломированный и практикующий психолог накопила достаточно наблюдений, чтобы уверенно говорить о доминировании женской агрессивности. То есть мы здесь попадаем в некое противоречие. Конечно, каждый и каждая из нас вправе самим решить, на что потратить время жизни. Кто-то больше мотивирован на некую кабинетную творческую деятельность, веря в возможность сделать мир прекрасным и гармоничным силой своего ума. Да, это идеальный проект. Слава богу, сегодня еще не вымерли эти «мамонты» – идеалисты и идеалистки. Но ты права. Права в том смысле, что если не использовать агрессивные стратегии, то ситуация с гендерной асимметрией в ученом сообществе вряд ли радикально изменится в ближайшей перспективе. Здесь уже женщине решать, какими стратегиями достигать желанных для нее статусов. Впрочем, перед таким выбором порой стоит и мужчина-ученый.

Н. Л. Пушкарёва: Я полностью согласна и хочу как раз обратить внимание, однажды в Вестнике Санкт-Петербургского университета я опубликовала статью про женщин-политиков и их семейный статус [14], по сути, это было размышление о «плате» женщин за социальную активность – а платой этой является малодетность или даже бездетность. А что же в науке, не так же? Мы здесь видим ту же самую картину. Детность семей женщин-профессоров, докторов наук очень невелика. Чаще всего у них всего один-два ребенка…

Н. Х. Орлова: Ну, это общая статистика, характерная для европейских семей. Не важно, ученых или представителей иных профессий. Демографическим переходом с его низкой рождаемостью, малодетностью и депопуляцией я занималась много в рамках первой диссертации[1].

[1] Подробнее см.: [6] [10] [26].

Н. Л. Пушкарёва: А я бы уточнила: статистика европейской части нашей страны. Потому что все-таки на Кавказе и в ряде других областей страны многодетность традиционна, там есть доктора наук женщины, родившие трех и более детей. И там иное отношение к материнству [17]. Моя коллега из Нальчика, Мадина Анатольевна Текуева, профессор, заведующая кафедрой в Кабардино-Балкарском государственном университете, родила и воспитала троих, причем одна из дочерей – уже кандидат наук (а будет и профессором, я уверена). Но для России в целом три, а тем более четыре ребенка в семье женщины-профессора, доктора наук – большая редкость.

Н. Х. Орлова: Редкость, да… Но малодетность в принципе общая тенденция для современных демографических процессов.

Н. Л. Пушкарёва: С одним-двумя детьми женщина вполне может продвинуться на уровень доктора наук и профессора. Но чтобы иметь больше детей, у нее должен быть «кормилец» – муж-бизнесмен или муж-академик (кстати, за звание – доцента, профессора, членкора или академика – платят только в нашей стране!). То есть бюджет для найма помощниц. Так в итоге сложилось в семье Келдышей: доктор физико-математических наук Людмила Васильевна Келдыш (сестра академика М. В. Келдыша) была матерью пятерых детей, причем двое из них, сыновья, сами стали впоследствии академиками (а дочери, кстати сказать, научных амбиций не воспитали в себе).

Когда семья мощно финансово обеспечена, жилье имеется (брат Людмилы Васильевны уступил ей коттедж в Жуковском), то все вопросы бытовые как-то уж решаются, можно нанять, например, помощника в домашних делах. И тогда женщина тоже может и в научном отношении продвинуться, и что-то успеть по дому, и как мать состояться.

И если известный советский поэт хотел, «чтоб к штыку приравняли перо», то я хочу, чтобы материнский долг приравняли к геройству. Женщины-ученые, которые – помимо того, что написали диссертации,– еще и детей воспитывают, и, что для нас важно, внуков, отдают также время и силы своим постаревшим родителям (уход за пожилыми опять-таки гендерно специфичен) – они должны быть замечены и отмечены. Бабушки и старшее поколение родственников – это структурное понятие в наших российских семьях. Мы не выпихиваем детей в возрасте 17 лет со словами «Живи отдельно, как хочешь, я тебе готов финансово чем-то помочь по мелочи, но ты должен сам себя содержать и продвигаться по жизни». Нет, у нас совершенно другие традиции. У нас мамы, неважно, профессора они или просто доценты, или ниже, они же будут помогать своим детям на всем протяжении их взросления, да и дальнейшей жизни – и после женитьбы, замужества, и в связи с рождением детей. Мы не выдворяем подросших детей – и мы не выпихиваем старших родственников в дома престарелых (мол, там будет за вами должный уход), потому что у нас, россиян, есть традиция ответственности за тех, кто нас воспитал и кто нам отдавал свои здоровье и силы. Мы помогаем им сами (какой бы статус у нас, женщин-ученых, ни был), не нанимая до последнего сиделок, мы помогаем нашим старшим сохранять продуктивность, активность, заботимся в случае болезни.

Вот почему я была со своим одиноким по жизни учителем Игорем Семёновичем Коном до последнего его вздоха, мы были с Тёмой все время рядом с ним. Добавлю, что он был сердечно благодарен и тебе, Наденька, за то, что ты (уже незадолго до его ухода) на своем автомобиле провезла его по родным для него местам в Питере и пригородах. Он об этом вспоминал: «Это всё Надя…».

…Да, у каждой из нас свои заботы. Но современные женщины-ученые в нашей стране – они героини уже по тому образу жизни, который ведут без выходных (ибо работа у них сливается с отдыхом и досугом), по тем житейским практикам, которые они реализовали. И я бы хотела, чтобы эту значимость понимали те мужчины-ученые, которые столько многого (если не всего) достигли и которые руководят нашей наукой, определяют для всех нас приоритетность тех или иных тем и выстраивают иерархии значимости.

Н. Х. Орлова: А можно добавлю? Я много занималась феноменом отцовства. Тема

выросла, как это часто бывает, из приватных историй моих родных. Из этого, я бы сказала, травматичного опыта состоялись и доклады на конференциях, и публикации, посвященные юридическим защитам отцовства и феномену агрессивного материнства.

Мне кажется, что это еще одна проблема, которую современное общество пока не ставит на повестку дня, не замечает ее важности. Все-таки отцовство должно быть не только формально – в тексте Конституции – уравнено с материнством. Само общество должно признавать, что отцовская родительская функция имеет такую же плотность и напряженность, что и материнская. Возможно, если в культуре сформируется фигура отца не как вторичная, а порой просто формально донорская, тогда уравняются и степени свободы обоих родителей в момент включения в их жизненный план занятий научной деятельностью. Пожалуй, наука, как и родительство, запрашивает от нас бесконечной преданности, ответственности, сосредоточенности, веры в свое дело, бескорыстного служения.

Вот мы и приблизились к пафосному вопросу: в чем смысл и подвиг ученого?

Н. Л. Пушкарёва: Подвиг женщины-ученой – прежде всего в его комплексности. Женщина жертвует собой, своим временем для личностного роста, для досуга и отдыха, выполняя материнский, родительский долг в семье. У нас же такая традиция, считается, что каждая женщина просто должна быть мамой, просто должна родить, должна воспитать – это ее женская работа, обязанность, раньше бы сказали: социалистическая обязанность советской женщины.

Так вот, подвиг женщины-ученой не только в том, чтобы выполнить материнскую и воспитательную функции, но и найти способ выразить себя в научных трудах, сделать так, чтобы они были прочитаны, замечены хотя бы ближним кругом коллег в институтах или в вузах. Женщины-ученые, успевающие и то, и это,– они уже вносят вклад в культуру страны, дают пример следующим поколениям. На сложившиеся образцы (если о них, конечно, не забывать) опираются потом наши собственные дети и наши дети научные, птенцы наших научных гнезд – аспиранты и докторанты, которых мы готовим.

Н. Х. Орлова: Я с тобой согласна. Наташа, а как ты считаешь, ученый должен быть патриотом?

Н. Л. Пушкарёва: Каждая женщина-ученая в нашей стране (даже не задумываясь на тему патриотизма) уже вносит вклад в будущее своей Отчизны, уже защищает ее интересы и сохраняет уникальность культуры и традиций для последующих поколений. Я уверена, во всяком случае, я чувствую – говоря словами В. Маяковского,– что и мой, и твой «труд вливается в труд моей республики». Я считаю, что патриотизм – это наша связанность с нашими корнями, с нашей традицией, связанность с ними и понимание их. А у каждого человека это понимание и объяснение, экспликация, могут быть свои. Мы должны уважать взгляды любого человека. Согласна ли?

Н. Х. Орлова: Согласна! Верно и преданно служа своему делу, мы таким образом служим и своей культуре, своему народу, и своим потомкам. В этом смысле и наши аспиранты – они тоже как наши собственные дети… Мы и в них вкладываемся своим служением. И, конечно же, прививая любовь к своему делу, ответственность, добросовестность, веру в идеал, мы патриотичны.

Н. Л. Пушкарёва: Я тоже верю, что все птенцы из нашего научного гнезда когда-то расправят крылья и понесут наши идеи, наши взгляды дальше в следующие поколения.

Они наши посланники в века…

Н. Х. Орлова: …Как я рада, что нам удалось пообщаться, что мы выкроили из нашего служения не только минуты, но даже этот час. Надеюсь, что совпаду с тобой, если пожелаю нам встреч, как сегодня говорят, очных. Вот тогда наши глаза смогут передать всю полноту сердечной дружбы, в некоторой степени – родства по свойству служения науке, по идейной и душевной близости, сложившейся между нами за многие годы. Безмерно тебе за это благодарна!

Н. Л. Пушкарёва: Спасибо, Наденька, за то, что дала повод выговорить многое, о чем думалось. Жду тебя в Москве, тем более что дом мой ты знаешь, раз бывала у И. С. Кона.

Natalia L. PUSHKAREVA
Dr. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology), Prof.,
N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
pushkarev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6295-3331

Nadezda Kh. ORLOVA
Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology
and Philosophy of Culture), Prof.,
Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory,
Saint Petersburg, Russian Federation;
Educational Center "Humanitarian Urbanistics",
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russian Federation
nadinor@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3956-9574

Kinship by Service to Science: About the Life of the Academic Community (Conversation between Natalia Pushkareva and Nadezhda Orlova)[1]

The conversation was recorded on November 7, 2024

Abstract. The dialogue between two representatives of the contemporary academic community addresses a wide range of issues related to the role of women in science, the functioning of the scientific community from a gender perspective, historical memory, and the personal experiences of scholars. A central theme is gender asymmetry in academia: it is noted that research by women is cited less frequently, and female scholars remain overshadowed by male names even in feminized humanities disciplines. Examples of overlooked scholars – Olga Sreznevskaya, Klavdiya Florovskaya, Evlaliya Kazanovich – illustrate the systemic neglect of women's contributions, known only to a narrow circle of specialists. The interlocutors emphasize that the reputation of one's academic mentor can significantly influence access to social mobility mechanisms within the scientific field. They stress the necessity of integrating women's names into academic curricula and scholarly works to overcome entrenched stereotypes. Both participants agree on the importance of restoring the cultural memory of "scientific handmaidens" of the past, highlighting that scientific progress relies not only on major discoveries but also on routine labor, often overlooked. The discussion touches on balancing scientific careers with family responsibilities: the interlocutors observe that female doctoral candidates more frequently have one child, while raising multiple children requires substantial financial support. They note the need to reinterpret the role of fatherhood to balance parental duties. Cultural traditions are also addressed: it is emphasized that in Russia, women predominantly bear responsibility for elderly care, further limiting their time for scientific work. Special attention is given to Igor Semyonovich Kon (1928–2011), a leading scholar in Russian humanities, Doctor of Philosophical Sciences, and Academician of the Russian Academy of Education. In the professional lives of both participants, Kon played a significant role as a colleague, mentor, and informal teacher, exemplifying academic integrity, diligence, and ethical conduct. His role in fostering their professional collaboration is underscored. The dialogue concludes by addressing the patriotism of academic representatives: by faithfully serving science, knowledge, and ideals, scholars simultaneously serve their students, their people, and their homeland. The conversa-

[1] The text is published as part of the Russian Science Foundation project # 24-78-10005 "The Female Voice of Russian Science"

tion reflects not only academic debates but also personal experiences, demonstrating how scientific courage, ethics, and the continuity of ideas form the foundation for re-evaluating women's contributions to science.

Keywords: Igor Kon, Russian science, scientific community, gender studies, gender asymmetry, patriotism, Russian Academy of Sciences, Russian Association of Women's History Researchers.

Использованная литература:

1. Женская и гендерная история Отечества: новые проблемы и перспективы / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева. // Материалы Всерос. науч. конф. Рос. ассоциации исследователей жен. истории и Ин-та этнографии и антропологии Рос. акад. наук (Петрозаводск, 19–21 июня 2009 г.). М.: Ин-т этнографии и антропологии Рос. акад. наук, 2009. 117 с.

2. Жеребкина И. А. Гендерные 90-е. СПб.: Алетейя, 2003. 256 с.

3. Клавдия Флоровская: Письма к братьям Георгию и Антонию Флоровскому / ред. и подгот. Л. Киейзик, Н. Орлова. Зелена Гура: Uniwersytet zielonogórski, 2019. 286 с.

4. Милорадович К. М. У меня есть моя истина… Избранное / сост., ред., вступ. ст. и примеч. Н. Х. Орловой; примеч. А. В. Вострикова. СПб.: Парадигма, 2020. 198 с.

5. Орлова Н. Х., Востриков А. В. Ксения Милорадович: судьба, письма, творчество: в 2 ч. Ч. 1: Хроника жизни в документах и письмах. СПб.: Парадигма, 2018. 196 с.

6. Орлова Н. Х. Демографические тенденции в российской семье на рубеже XX–XXI вв. // Проблемы социально-экономической и политической модернизации в России. СПб.: Клио, 2001. С. 160–168.

7. Орлова Н. Х. Дневник одного живого существа: Из жизни бестужевки. СПб.: Парадигма, 2018. 174 с.

8. Орлова Н. Х. Женщина в Санкт-Петербургском университете: история и современность // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: материалы III Междунар. науч. конф. Рос. ассоциации исследователей жен. истории и Ин-та этнографии и антропологии Рос. акад. наук (Череповец, 1–3 нояб. 2010 г.). М.: Ин-т этнографии и антропологии Рос. акад. наук, 2010. Т. 2. С. 133–139.

9. Орлова Н. Х. Семья как объект социально-философского исследования: Эволюция семейных отношений на рубеже XX–XXI столетий: автореф. дис. … канд. филос. наук. СПб.: б.и., 2000. 24 с.

10. Орлова Н. Х. Тенденции автономизации сексуальных, репродуктивных и брачных практик // Демографическое развитие России в XXI веке: стратегический выбор и механизмы осуществления: материалы науч.-практ. конф. (Москва, 9–10 июня 2006 г.). М.: Ин-т социал.-полит. исслед. Рос. акад. наук, 2006. С. 108–117.

11. Орлова Н. Х. Университетская доска почета // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы V Междунар. науч. конф. Рос. ассоциации исследователей жен. истории (Тверь, 4–7 окт. 2012 г.) / отв. ред. А. В. Белова, Н. Л. Пушкарева. М.: Ин-т этнографии и антропологии Рос. акад. наук, 2012. Т. 1. С. 315–318.

References:

1. Pushkareva, N.I. (ed.) (2009) *Zhenskaya i gendernaya istoriya Otechestva X–XX vv.: novye problemy i perspektivy* [Women's and Gender History of the Fatherland in the 10th–20th Centuries: New Problems and Prospects]. Proceedings of the All-Russian Conference of the Russian Association of Women's History Researchers and the Institute of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Sciences. Petrozavodsk. 19–21 June 2009. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 117 p.

2. Zherebkina, I.A. (2003) *Gendernye 90-e* [Gender-centered 90s]. St. Petersburg: Aleteyya. 256 p.

3. Kiejzik, L. & Orlova, N. (eds) (2019) *Klavdiya Florovskaya: Pis'ma k brat'yam Georgiyu i Antoniyu Florovskomu* [Letters to the Brothers George and Anthony Florovsky]. Zielona Góra: Uniwersytet zielonogórski. 286 p.

4. Miloradovich, K.M. (2020) *U menya est' moya istina… Izbrannoe* [I Have My Truth… Selected Works]. St. Petersburg: Paradigma. 198 p.

5. Orlova, N.Kh. & Vostrikov, A.V. (2018) *Kseniya Miloradovich: sud'ba, pis'ma, tvorchestvo: v 2 ch*. [Ksenia Miloradovich: Fate, Letters, Oeuvre: In 2 Parts]. Part 1. St. Petersburg: Paradigma. 196 p.

6. Orlova, N.Kh. (2001) Demograficheskie tendentsii v rossiyskoy sem'e na rubezhe XX–XXI vv. [Demographic Trends in the Russian Family at the Turn of the 21st Century]. In: *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy modernizatsii v Rossii* [Problems of Socio-Economic and Political Modernization in Russia]. St. Petersburg: Klio. pp. 160–168.

7. Orlova, N.Kh. (2018) *Dnevnik odnogo zhivogo sushchestva: Iz zhizni bestuzhevki* [Diary of a Living Creature: From the Life of a Bestuzhev Courses Girl]. St. Petersburg: Paradigma. 174 p.

8. Orlova, N.Kh. (2010) [Women at St. Petersburg University: History and Modernity]. *Zhenskaya istoriya i sovremennye gendernye roli: pereosmyslivaya proshloe, zadumyvayas' o budushchem* [Women's History and Modern Gender Roles: Rethinking the Past, Thinking About the Future]. Proceedings of the Third International Conference of the Russian Association of Women's History Researchers and the Institute of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Cherepovets. 1–3 November 2010. Vol. 2. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. pp. 133–139. (In Russian).

9. Orlova, N.Kh. (2000) *Sem'ya kak ob"ekt sotsial'no-filosofskogo issledovaniya: Evolyutsiya semeynykh otnosheniy na rubezhe XX–XXI stoletiy* [Family as an Object of Social and Philosophical Research: Evolution of Family Relations at the Turn of the 21st Century]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg. 24 p.

12. Половцова В. Н. К методологии изучения философии Спинозы // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 3 (118). С. 317–398.

13. Половцова В. Н. Обзор книги: St. v. Dunin-Borkowski, S. J. Der junge de Spinoza. Leben und Werdegang im Lichte der Weltphilosophie… // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 5 (105). С. 325–332.

14. Пушкарева Н. Л. Возраст, количество детей и активность женщин в российской политике // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 226–241. DOI: 10.21638/spbu02.2023.113.

15. Пушкарева Н. Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений: дис… д-ра ист. наук. М.: б.и., 1997. 354 с.

16. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.

17. Пушкарева Н. Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47–59.

18. Пушкарева Н. Л. Российское женское движение 1812–2020 гг. (социальный состав, цели, достижения) // Женская активность: история и современность. Махачкала: АЛЕФ; Дагест. гос. ун-т нар. хоз-ва, 2021. С. 16–24.

19. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.

20. Пушкарева Н. Л. Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб.: Рус.-балт. информ. центр «БЛИЦ», 1997. 333 с.

21. Спиноза Б. Трактат об очищении интеллекта и о пути, наилучшим образом ведущем к истинному познанию вещей / Пер. с латин., предисл., введ. и примеч. В. Н. Половцовой. М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1914. 188 с.

22. Франк С. Учение Спинозы об атрибутах // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 4 (114). С. 523–567.

23. Юлия Махновец: Трудный век жизни в письмах и документах / ред., сост., коммент. Н. Орловой, Л. Киейзик. Зелена Гура: Uniwersytet zielonogórski, 2021. 163 с.

24. Kiejzik L., Orłowa N. Drugi plan, czyli kobiety w filozofii rosyjskiej. Losy – twórczość – działalność: Monografie. Zielona Góra: Uniwersytet zielonogórski, 2021. 267 c.

25. Kiejzik L., Orłowa N. Kobiety w filozofii rosyjskiej. Filozofowie rosyjscy o kobietach (ciąg dalszy esejów subiektywnych). Zielona Góra: Uniwersytet zielonogórski, 2021. 256 c.

26. Orlova N. The Demographic Tendencies in the Contemporary Russian Family // European Population Conference "European Populations: Challenges and Opportunities" (Warsaw, 26–30 August, 2003). Book of abstracts. Warsaw:, Warsaw School of Economics, 2003. P. 155.

27. Pushkareva N. Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. Armonk (New York); London: M. E. Sharpe, 1997. xvi, 319 p.

10. Orlova, N.Kh. (2006) [Trends in the Autonomization of Sexual, Reproductive, and Marital Practices]. *Demograficheskoe razvitie Rossii v XXI veke: strategicheskiy vybor i mekhanizmy osushchestvleniya* [Demographic Development of Russia in the 21st Century: Strategic Choice and Implementation Mechanisms]. Proceedings of the Conference. Moscow. 9–10 June 2006. Moscow: Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences. pp. 108–117. (In Russian).

11. Orlova, N.Kh. (2012) [University Honor Board]. *Zhenshchiny i muzhchiny v kontekste istoricheskikh peremen* [Women and Men in the Context of Historical Change]. Proceedings of the Fifth International Conference of the Russian Association of Women's History Researchers. Tver. 4–7 October 2012. Vol. 1. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. pp. 315–318. (In Russian).

12. Polovtsova, V.N. (1913) K metodologii izucheniya filosofii Spinozy [On the Methodology of Studying Spinoza's Philosophy]. *Voprosy filosofii i psikhologii.* 3 (118). pp. 317–398.

13. Polovtsova, V.N. (1910) Obzor knigi: St. v. Dunin-Borkowski, S. J. Der junge de Spinoza. Leben und Werdegang im Lichte der Weltphilosophie… [Book Review: St. v. Dunin-Borkowski, S. J. Der Junge de Spinoza. Life and Work in the Literature of Weltphilosophy…]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 5 (105). pp. 325–332.

14. Pushkareva, N.L. (2023) Age, Number of Children and Activity of Women in Russian Politics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 68 (1). pp. 226–241. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu02.2023.113

15. Pushkareva, N.L. (1997) *Zhenshchina v russkoy sem'e X – nachala XIX v.: dinamika sotsiokul'turnykh izmeneniy* [A Woman in a Russian Family of the 10th – Early 19th Centuries: Dynamics of Sociocultural Changes]. History Dr. Diss. Moscow. 354 p.

16. Pushkareva, N.L. (1989) *Zhenshchiny Drevney Rusi* [Women of Ancient Rus']. Moscow: Mysl'. 286 p.

17. Pushkareva, N.L. (1999) Materinstvo v noveyshikh filosofskikh i sotsiologicheskikh kontseptsiyakh [Motherhood in the Latest Philosophical and Sociological Conceptions]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 47–59.

18. Pushkareva, N.L. (2021) Rossiyskoe zhenskoe dvizhenie 1812–2020 gg. (sotsial'nyy sostav, tseli, dostizheniya) [Russian Women's Movement of 1812–2020 (Social Composition, Goals, Achievements)]. In: *Zhenskaya aktivnost': istoriya i sovremennost'* [Women's Activity: History and Modernity]. Makhachkala: ALEF; Dagestan State University of People's Economy. pp. 16–24.

19. Pushkareva, N.L. (1997) *Chastnaya zhizn' russkoy zhenshchiny: nevesta, zhena, lyubovnitsa (X – nachalo XIX v.)* [Private Life of a Russian Woman: Bride, Wife, Mistress (10th – Early 19th Centuries)]. Moscow: Ladomir. 381 p.

20. Pushkareva, N.L. (1997) *Etnografiya vostochnykh slavyan v zarubezhnykh issledovaniyakh (1945–1990)* [Ethnography of the Eastern Slavs in Foreign Studies (1945–1990)]. St. Petersburg: Rus.-balt. inform. tsentr "BLITs". 333 p.

21. Spinoza, B. (1914) *Traktat ob ochishchenii intellekta i o puti, nailuchshim obrazom vedushchem k istinnomu poznaniyu veshchey* [Treatise on the Emendation of the Intel-

lect]. Translated from Latin by V.N. Polovtsova. Moscow: Tipo-litogr. T-va I.N. Kushnerev i K. 188 p.

22. Frank, S. (1912) Uchenie Spinozy ob atributakh [Spinoza's Theory of Attributes]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 4 (114). pp. 523–567.

23. Orlova, N. & Kiejzik, L. (eds) (2021) *Yuliya Makhnovets: Trudnyy vek zhizni v pis'makh i dokumentakh* [Yulia Makhnovets: The Difficult Age of Life in Letters and Documents]. Zielona Góra: Uniwersytet zielonogórski. 163 p.

24. Kiejzik, L. & Orłowa, N. (2021) *Drugi plan, czyli kobiety w filozofii rosyjskiej. Losy – twórczość – działalność: Monografie*. Zielona Góra: Uniwersytet zielonogórski. 267 p.

25. Kiejzik, L. & Orłowa, N. (2021) *Kobiety w filozofii rosyjskiej. Filozofowie rosyjscy o kobietach (ciąg dalszy esejów subiektywnych*). Zielona Góra: Uniwersytet zielonogórski. 256 p.

26. Orlova, N. (2003) The Demographic Tendencies in the Contemporary Russian Family. *European Population Conference "European Populations: Challenges and Opportunities"* (Warsaw, 26–30 August, 2003). Book of abstracts. Warsaw: Warsaw School of Economics. p. 155.

27. Pushkareva, N. (1997) *Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century*. Armonk (New York); London: M. E. Sharpe. xvi, 319 p.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Пушкарева, Н. Л. Родство по свойству служения науке: о жизни академического сообщества (беседа Натальи Пушкаревой и Надежды Орловой) / Н. Л. Пушкарева, Н. Х. Орлова. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.40.4.003 // Наследие веков. – 2024. – № 4. – С. 42–60. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/670/538 (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Pushkareva, N.L. & Orlova, N.Kh. (2024) Kinship by Service to Science: About the Life of the Academic Community (Conversation between Natalia Pushkareva and Nadezhda Orlova and). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 4. pp. 42–60. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.003

МИР ИСКУССТВА:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ
THE WORLD OF ART: HISTORY, THEORY, METHODOLOGY

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ FULL ARTICLE

СЕРГЕЕВА Екатерина Алексеевна
преподаватель кафедры камерного пения
Санкт-Петербургской государственной консерватории
имени Н. А. Римского-Корсакова
Санкт-Петербург, Российская Федерация
sergeeva.ea@list.ru
ORCID 0009-0001-1865-2694

УДК: 7.071.2:[784:785.7]:[378.096:378.016](470.23-25) “1906/1938” DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.004
ГРНТИ: 18.41.09
ВАК: 5.10.1.

Зоя Петровна Лодий (1886–1957) и ее вклад в становление советской школы камерного пения[1]

В работе выявляется творческий, педагогический и организационно-управленческий вклад З. П. Лодий в развитие советской академической школы профессионального камерного вокального образования. Материалами послужили источники из фондов Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, в том числе публикуемые впервые протоколы заседаний кафедры камерного пения Ленинградской консерватории (1938–1939). Приводится обзор методических принципов, которым следовала З. П. Лодий в работе с молодыми певцами, рассмотрены последовательные этапы обучения вокалистов под ее руководством. Отражены педагогические методы и подходы, создававшиеся в первые годы становления советской системы подготовки камерных исполнителей. Реконструированы основные направления деятельности кафедры камерного пения Ленинградской консерватории, открытие которой стало возможным благодаря инициативе З. П. Лодий, подчеркивается ее вклад в формирование традиций советской музыкальной культуры.

Ключевые слова: Зоя Петровна Лодий, Ленинград, камерное пение, Ленинградская (Санкт-Петербургская) консерватория, подготовка камерных исполнителей, советская вокальная школа, вокальные циклы.

[1] Статья подготовлена под руководством доктора философских наук, профессора Н. Х. Орловой.

Актуальность обращения к теме изучения творческого и педагогического наследия выдающихся отечественных музыкантов обусловлена возрастающим исследовательским интересом к становлению традиций советской исполнительской культуры, к тем педагогическим и научным подходам, которые легли в основание профессионального образования деятелей музыкальной сферы. Запросы сегодняшнего дня, отражающие противоречия, вызванные необходимостью совершенствования подходов к творческому образованию, с одной стороны, и потребностью сохранения классического музыкального наследия – с другой, актуализируют особое внимание к идеям, возникшим в предшествующие периоды развития отечественной культуры.

Как известно, камерное вокальное исполнительство требует от певца высокой вокальной техники, выразительности и артистизма, способностей к тонкой интерпретации текста и создания эмоционального контакта с аудиторией. Камерное искусство характеризуется рядом принципиально важных особенностей, отличающих его от иных форм музыкального исполнения. В России оно имеет богатые традиции, и можно гордиться плеядой выдающихся исполнителей, среди которых Мария Оленина-д'Альгейм, Александра Пургольд-Молас, Нина Дорлиак, Анатолий Доливо, Николай Рождественский, Зара Долуханова и многие другие. Однако статус самостоятельного жанра, требующего специальной профессиональной подготовки, камерное пение получило благодаря усилиям Зои Петровны Лодий.

Вопросам исполнительского гения З. П. Лодий посвящено немало работ: фактически, если включать в их круг дореволюционную музыкальную критику [18], можно заключить, что изучение творческого наследия Зои Петровны продолжается уже более сотни лет. В частности, в биографической статье А. Доливо [2], опубликованной при жизни выдающегося музыканта (1956), отражены основные вехи ее жизни и деятельности. Богатый материал, содержащий в том числе и воспоминания современников о З. П. Лодий, приводится Т. С. Салтыковой (1962) [14]. Работы последних десятилетий были преимущественно посвящены особенностям исполнительской манеры певицы [17], ее творческому методу [7], исполнительской биографии [19] и истории ее семьи [6]. В посвященных Зое Петровне публикациях отражена и ее сила духа: она всю жизнь боролась со своим недугом – тяжелым заболеванием позвоночника, достигая при этом выдающихся творческих результатов [5]. Как показывает анализ литературы, вехи жизни талантливого музыканта и ее творческая биография исследованы достаточно подробно, но значение деятельности для становления советской педагогической школы камерного пения, к сожалению, пока не стало предметом пристального исследовательского внимания.

Представленная работа призвана хотя бы в первом приближении устранить обозначенный пробел и выявить вклад, который внесла Зоя Петровна Лодий в процесс становления советской академической школы профессиональной подготовки камерных вокалистов в творческом, педагогическом и организационно-управленческом аспектах.

В исследовании впервые вводятся в научный оборот архивные свидетельства о деятельности профессора З. П. Лодий и кафедры под ее руководством, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб): «Построение программы "циклами" как один из принципов камерной музыки» (З. П. Лодий); «Протоколы заседаний кафедры камерного пения» (опубликованы впервые, см. приложение к данной статье); «Проект программы по курсу камерного пения в государственных консерваториях» (А. Доливо). В качестве методологической основы был применен системно-исторический подход, методы музыковедения, кроме того, анализ и публикация архивных материалов потребовали привлечения методики исторического источниковедения и археографии.

На начальном этапе исследования предполагается рассмотреть основные вехи биографии З. П. Лодий и выявить черты исполнительского стиля, определившие ее творческую индивидуальность. На следующем этапе нужно выяснить обстоятельства, вызвавшие необходимость создания курса камерного пения в советских консерваториях, и охаракте-

ризовать значение деятельности З. П. Лодий для реализации данной идеи. Затем следует проанализировать основные положения программы соответствующего курса: требования к подготовке студентов, задачи программы и основные элементы ее содержания. Важным аспектом исследования также представляется определение педагогических принципов З. П. Лодий, которых она придерживалась в работе со студентами. Эти принципы воплощались в ее методической и педагогической деятельности, поэтому нужно подробно проанализировать этапы (циклы) профессиональной подготовки камерных певцов, опираясь на учебно-методические разработки З. П. Лодий. Наконец, богатейший материал содержится в публикуемых в качестве приложений к данной статье протоколах заседаний кафедры камерного пения Ленинградской консерватории за 1938–1939 учебный год, изучение которых позволит определить основные направления педагогической и научной работы ее профессорско-преподавательского состава, осуществлявшейся под руководством З. П. Лодий.

Представляется, что данное исследование будет способствовать дальнейшему изучению камерного вокального искусства в целом и камерного исполнительства в частности, а также послужит сохранению и приумножению традиций в культурном наследии камерного музыкального искусства.

* * *

Зоя Петровна Лодий (1886–1957) вошла в историю как выдающаяся камерная певица первой половины XX в., сыгравшая особую роль в развитии советского камерного вокального искусства. Кроме того, она известна как заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор Ленинградской консерватории, талантливый педагог.

Как музыкант она формировалась в семье, славящейся несколькими поколениями выдающихся личностей. Отец Зои Петровны, Петр Андреевич Лодий (1852/1855–1920), окончил Петербургскую консерваторию у Камилло Эверарди, был певцом широкого профиля, исполняя различные произведения от водевиля и оперетты до оперы и камерного репертуара. Он активно сотрудничал с композиторами «Могучей кучки», исполнял их романсы и песни. Мать З. П. Лодий – Елена Михайловна Лодий-Елисеева (?–1920) – пианистка, также окончила Петербургскую консерваторию у Густава Густавовича Кросса. Дед – Андрей Петрович Лодий (1812–1870) – известный в свое время камерный и оперный певец, ученик М. И. Глинки, один из первых преподавателей в музыкальных классах Императорского русского музыкального общества (ИРМО). Прадед – Петр Дмитриевич Лодий (1764–1829) – русский философ-логик, профессор Санкт-Петербургского университета [19].

Зоя Петровна получила превосходное музыкальное образование, начав заниматься пением под руководством своего отца, который привил ей основы русского вокального искусства; мать воспитала у дочери особую чуткость к музыке и умение понимать музыкальное произведение. Совершенствованием своего мастерства певица занималась у таких педагогов, как Иоаким Тартаков, Наталья Ирецкая, Анна Жеребцова-Андреева. Большое значение в профессиональном становлении имели занятия в Милане с итальянским педагогом Витторио Ванцо, который обучал вокалистов технике *belcanto* [11]. Таким образом, Зоя Петровна соединила в своем творчестве сложившиеся к тому времени традиции русской и итальянской вокальных школ, которые в будущем легли в основу ее педагогических подходов, применявшихся ею уже в рамках советской школы камерного исполнительства.

По рассказам современников, свою творческую деятельность З. П. Лодий начала в двадцатилетнем возрасте (1906), когда состоялись ее первые выступления в Новороссийске [2, с. 72]. В репертуар молодой певицы входили произведения, относящиеся к самым разным периодам истории музыки: от Средневековья до современности, причем пела она не только на русском языке, но и на итальянском, французском и немецком, которыми владела очень хорошо. З. П. Лодий покоряла слушателей своей искренностью и тонкостью передачи нюансов музыки разных композиторов: «Она преображалась то в пастушку, то в шестнадцатилетнюю девушку, то увлекала вас с собой в мир ранних детских пере-

живаний, так тонко показанный Мусоргским. Когда она начинала петь, умоляя не бранить ее за любовь, ее глаза наполнялись слезами. Состраданием окрашивался ее голос, когда она изображала просящего подростка с сурком. В образе моцартовской старушки Зоя Лодий погружалась в мир сумрачных воспоминаний, и тогда у ее рта и глаз собирались сухие глубокие морщины. Чарующей игривостью подкупали французские песни. И, как на старинной эмали, играет улыбка, сверкают глаза, ниспадают волны волос, вьется нить тусклого жемчуга» [8, с. 45].

Творческая индивидуальность З. П. Лодий характеризовалась лирическим началом. По словам В. Россихиной [13, с. 26], певице лучше всего удавалась передача не накала страстей, а целомудренно-сдержанных чувств. Ей не было равных в исполнении, например, романсов А. С. Даргомыжского «Чаруй меня», П. И. Чайковского «Погоди, для чего торопиться…», Ф. Шуберта «Баркарола».

Одной из отличительных особенностей творческой манеры З. П. Лодий являлась уникальная интерпретация музыкальных произведений. Ее трактовка романсов и песен всегда была оригинальна, интересна и далека от шаблонов. Даже самые «запетые» сочинения (к примеру, «Не искушай» М. И. Глинки) всякий раз исполнялись в абсолютно новой форме, как будто звучит что-то новое и «свежее». Зоя Петровна прекрасно улавливала стилистические особенности произведений любой эпохи, каждое исполнение у нее было наполнено своими настроениями и переживаниями, которые она передавала с чарующей простотой, тонко проникая в характер музыки: «В ней в высшей степени развито чувство стиля»,– констатировала еще дореволюционная критика [18].

С середины 1920-х гг. одаренная вокалистка занялась педагогической деятельностью. Для нее было важно развивать камерное направление в советском вокальном искусстве, профессионально готовить исполнителей для него. Известно, что до 1917 г. в консерваториях вокалистов обучали главным образом оперному репертуару, специальная подготовка камерных исполнителей отсутствовала [16, с. 157]. А. Л. Доливо пишет: «В старых дореволюционных консерваториях о камерных классах и не помышляли. Песни, романсы в педагогическом процессе занимали чрезвычайно скромное место. <…> Я сам учился в предреволюционное время в консерватории и говорю все на основе своего личного опыта» [3, с. 133].

Как известно, камерное «искусство тонких красок» звучало лишь «в гостиных и салонах и очень редко – в залах» [10, с. 127]. Певцов, которые бы посвящали себя только камерному искусству, было мало. После революции ситуация меняется – искусство становится массовым: открываются дворцы культуры, концертные залы, филармонии, развивается сеть радиовещания. Концертно-камерное исполнительство приобретает популярность не только в столичных городах, но и в провинции. Актуальным становится и запрос на новые кадры вокалистов камерного профиля, имеющих профессиональную подготовку.

В конце 1920-х гг. Зоя Петровна Лодий поставила перед Государственным ученым советом[1] вопрос о создании в консерваториях специального курса камерного пения. И в 1929 г. такие классы были открыты в Московской консерватории, а в 1932 г.– в Ленинградской. Зоя Петровна стала первым профессором по новому направлению вокальной подготовки. Сначала она старалась совмещать работу в двух городах, а с 1933 г. сосредоточила свою деятельность в Ленинграде, хотя и продолжала периодически ездить в Москву.

Вскоре после открытия нового направления (сначала как факультатива) была утверждена «Программа по курсу камерного пения в государственных консерваториях» [4], предусматривавшая, в частности, что прохождение дисциплины студентами вуза должно начинаться с 3-го курса и продолжаться в течение трех лет, охватывая, таким образом, последние три года обучения. При переходе на 4-й курс студенту было необходимо определиться с выбором специализации из трех предложен-

[1] Государственный ученый совет – научно-методический орган Наркомпроса РСФСР, в 1919–1933 гг., отвечавший за реализацию государственной политики в сферах науки, искусства, образования и социалистического воспитания.– *Прим. ред.*

ных: 1) оперное пение, 2) камерное пение или 3) вокальная педагогика. Итоговым требованием для студентов оперной специальности было освоение не менее 30, для студентов специальности камерного пения – не менее 60, а для студентов педагогической специальности – не менее 110 произведений (из них половину можно было пройти эскизно, но при этом обязательно требовалось вести методические заметки).

В содержательном плане в состав курса входили следующие основные элементы:

– Западноевропейская песенная литература и ее высшие художественные образцы (XVI–XX вв.).

– Романсно-песенная литература русских школ XIX и XX вв.

– Типичные образцы эпической и лирической песни народов СССР и зарубежных народов.

– Песни советских композиторов.

– Фрагменты из опер, ораторий, кантат и т.п. вокальных произведений, если они носят черты камерного стиля.

Задачами подготовки в классах камерного пения являлись развитие артистической индивидуальности вокалиста и расширение его исполнительских возможностей (подробнее см. [15]). Студент должен был научиться самостоятельно работать над интерпретацией образов камерно-вокальной литературы и ориентироваться в разных стилях.

В классе Зои Петровны работа шла всегда очень живо и плодотворно. Она приветствовала активное обсуждение творческого процесса и увлеченную деятельность студентов: как правило, на уроках присутствовало много певцов, дирижеров и музыкантов других специальностей. Т. С. Салтыкова, характеризуя педагогический стиль профессора З. П. Лодий, писала: «Основное внимание в работе она направляла на развитие воображения, правильное прочтение авторского текста, верную интонацию слова, на музыкальную выразительность речи» [14, с. 344]. Перед учеником ставились три главные задачи: 1) бережно относиться к тексту произведения, 2) слышать динамику движения в паузе, не терять ритм, 3) наблюдать и внутренне видеть музыкальный образ.

Обучение певца строилось на камерной литературе разных стран, эпох и стилей. При этом прослеживалась достаточно последовательная система: начиналась работа с Ф. Шуберта (как мелодиста и представителя совершенной формы песенной лирики); обязательно исполнялись романсы и песни А. С. Даргомыжского (как образец музыкального интонирования русской речи); одновременно изучались произведения XVII–XVIII вв. (для достижения инструментальности вокального звучания).

Важной задачей, стоящей перед камерным вокалистом, Зоя Петровна считала умение выстроить концертную программу, для чего музыкант должен не только разучивать отдельное произведение, «но проверять, как оно сочетается с предыдущими и последующими, вписывать его в общую композицию программы» [14, с. 345].

Как известно, З. П. Лодий особое внимание уделяла вокальным циклам [1]. Свои исполнительские находки она использовала, в том числе, и в преподавании, что замечательно иллюстрирует рукопись ее методической работы «Построение программы “циклами” как один из принципов камерной музыки» [9][1].

Рукопись содержит три эскиза (цикла):

1. «Из женской жизни» А.С. Даргомыжского.

2. «Песни раздумий и одиночества» П. И. Чайковского.

3. «Из Пушкинской эпохи» М. И. Глинки.

Каждый цикл включает от 9 до 11 произведений указанного композитора, которые объединены общей темой, придуманной Зоей Петровной: «Это работа чисто психологическая. Мне хотелось создать три образа людей разных эпох, разного мировоззрения. Как музыканту, мне хотелось прикоснуться глубоко и длительно-цельно к гениальным творцам нашего камерного искусства, выявить возможность цикличного построения программ, которое меня более всего привлекает, как длительность переживания, как вживание в намеченный образ. Наше прекрасное ка-

[1] В настоящее время документ готовится к печати в журнале «Парадигма: философско-культурологический альманах» (2025. № 42).– *Прим. авт.*

мерное искусство ценно тем, что им можем создавать ту форму действа, в котором будем жить. <…> Мы, камерные певцы – вне узких рамок драматической пьесы или оперы. <…> Счастливы мы, музыканты, владеющие даром песни» [9, л. 28].

В первом эскизе (романсы А. С. Даргомыжского) З. П. Лодий создает образ девушки 1820–1840-х гг., которая живет в поместье в «простых днях»: мечтает, влюбляется, грустит… Второй эскиз (цикл романсов П. И. Чайковского) – это переживания человека эпохи безвременья (1870-е гг.), когда властвует гнетущая атмосфера, нет жизненных сил и чувствуется безысходность. Третий эскиз – романсы М. И. Глинки на стихи А. С. Пушкина и поэтов пушкинской эпохи. Человек этого цикла радуется, он полон жизни и любви. В каждом разделе З. П. Лодий подчеркивает связь искусства с литературой и живописью, требующую особой «зоркости взгляда», умеющего видеть и постигать окружающую жизнь.

Под руководством профессора З. П. Лодий кафедра камерного пения Ленинградской консерватории вырастила плеяду замечательных исполнителей, среди которых Леонида Александровна Борисова-Морозова, Лидия Владимировна Мясникова, Александра Андреевна Халилеева, Николай Григорьевич Гришанов, Сергей Сергеевич Мандро-Апродов, Иван Павлович Алексеев, Валерия Владимировна Барсова, Зара Александровна Долуханова, Анна Иосифовна Малюта, Анатолий Леонидович Доливо, Сергей Николаевич Шапошников, Ольга Павловна Павлищева, Николай Николаевич Бутягин, Эдуард Анатольевич Хиль, Петр Тихонович Киричек.

В ЦГАЛИ СПб сохранились стенограммы заседаний кафедры камерного пения за 1938–1939 учебный год [12][1]. В нашем распоряжении имеется только четыре протокола заседаний кафедры (в ноябре, декабре, феврале и мае), но надо полагать, что эти документы хорошо иллюстрируют палитру методической, педагогической и творческой деятельности кафедры в эпоху формирования советской педагогической школы профессиональной подготовки камерных вокалистов.

Как видно из документов, в упомянутый период кафедра имела следующий профессорско-преподавательский состав: профессор кафедры и руководитель – Зоя Петровна Лодий; профессор Константин Степанович Исаченко; преподаватель Николай Николаевич Бутягин; ассистент Тамара Сергеевна Салтыкова; аспирант Николай Григорьевич Гришанов; пианисты Фанни Сергеевна (Шмерелевна) Бронштейн, Э. Сафарова, В. Петухович.

Работа в классах шла по следующим направлениям: студенты класса К. С. Исаченко работали над программой русской музыки, включавшей произведения М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского и композиторов-дилетантов. Класс Н. Н. Бутягина совершенствовал исполнительские навыки на основе музыки Ф. Шуберта, Р. Шумана, М. И. Глинки и А. С. Даргомыжского. Студенты З. П. Лодий осваивали программу старо-классической музыки в сопровождении органа, включавшую произведения Г. Генделя, И.-С. Баха, Дж. Скарлатти, Ф. Дуранте, К. Глюка, Дж. Мартини и др. На основе анализа протоколов можно заключить, что индивидуальные планы студентов учитывали их вокальные возможности и были направлены на формирование особого камерного вкуса. Например, процесс обучения включал последовательные этапы: а) музыка М. И. Глинки и Ф. Шуберта как совершенная песенная форма и высочайший лиризм, б) классическая музыка В.-А. Моцарта, Й. Гайдна и др. в) произведения А. С. Даргомыжского как материал для работы над словом.

Преподаватели составляли индивидуальные учебные планы и контролировали их выполнение; осуществляя просмотр и выбор музыкальной литературы, формировали программы концертов кафедры; готовили учебные пособия и нотные сборники. Протоколы отражают тот немаловажный факт, что преподавательский состав кафедры занимался и научно-исследовательской деятельностью: так, в 1938–1939 гг. З. П. Лодий работала над книгой «Опыт исполнительского анализа песен и романсов Глинки», а также «Цикловость в немецкой музыке», составляла сборники песен Р. Шумана и И. Брамса (циклы), переводи-

[1] Полный текст документа см. в Приложениях к данной статье.– *Прим. авт.*

ла песни; К. С. Исаченко писал книгу «Русская песня» и объяснял влияние народной музыки на творчество М. П. Мусоргского. Кроме этого, он же занимался переложением песен для 2–3–4-х голосного хора с сопровождением фортепиано, переводил песни Ф. Мендельсона (12 песен); Н. Н. Бутягин работал над очерком о советской опере; Т. Салтыковой составлялся сборник песен эпохи Великой французской революции и сборник «Баллады в романтической музыке».

* * *

Таким образом, анализ архивных источников позволяет дать характеристику деятельности кафедры камерного пения Ленинградской консерватории, открытие которой стало возможным благодаря инициативе и энергии Зои Петровны Лодий. Во многом благодаря ее организационным способностям на кафедру были привлечены ведущие опытные специалисты и талантливые молодые педагоги, искренне преданные своему делу и передававшие свои навыки и знания новому поколению исполнителей. Именно З. П. Лодий были разработаны учебно-методические материалы, на основе которых осуществлялась подготовка вокалистов на начальных этапах истории советской школы камерного пения. Характерными чертами педагогического метода Зои Петровны являлись системность и последовательность процесса обучения, его циклический характер, развитие воображения студентов, привитие им бережного отношение к авторскому тексту, навыков правильного интонационного воплощения вокального произведения и самостоятельного составления концертной программы, опора на камерную литературу разных стран.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что Зоя Петровна Лодий не только стояла у истоков новаторских процессов развития советского камерного вокального исполнительства в далекие 1920–1930 гг.– под ее руководством коллектив кафедры формировал традиции консерваторской системы профессиональной подготовки камерных исполнителей. На этих традициях выросла плеяда блестящих певцов, своим творчеством формировавших высокий уровень советской музыкальной культуры.

Представляется, что проведенное исследование отнюдь не является полностью исчерпывающим анализом вклада Зои Петровны Лодий в формирование традиций профессиональной консерваторской подготовки камерных вокалистов в нашей стране, а лишь намечает направления дальнейшей работы над данной темой. Эта работа может быть продолжена преимущественно с опорой на архивные источники, раскрывающие различные стороны деятельности З. П. Лодий и ее коллег по кафедре камерного пения. Выявление таких документов и их анализ позволят более основательно изучить педагогический опыт мастеров, своим трудом и талантом определивших развитие отечественного камерного искусства на много десятилетий вперед.

Приложения. Протоколы заседаний кафедры камерного пения Ленинградской консерватории (1938–1939 учебный год)

Appendices. Minutes of the Meetings of the Chamber Singing Department of the Leningrad Conservatory (1938/1939 Academic Year)

В приложениях приводятся полные тексты четырех сохранившихся протоколов заседаний кафедры камерного пения Ленинградской консерватории за 1938–1939 учебный год. Документы публикуется впервые по рукописным подлинникам, хранящимся в ЦГАЛИ СПб, фонд Р-298 «Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования “Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова”». Орфография, пунктуация и особенности оформления текста по возможности сохранены. Примечания ко всем четырем документам сведены в один список и, в частности, касаются упоминаемых в тексте персоналий сотрудников кафедры. В ряде случаев (главным образом применительно к фамилиям студентов Ленинградской консерватории) выяснить биографические данные на текущем этапе исследования было весьма затруднительно или невозможно, поэтому такие фамилии не снабжены биографической справкой в виде примечания.

Приложение 1
Appendix 1

Заседание кафедры. Ноябрь 1938 г.
Department Meeting. November 1938

Присутствовали: профессор Лодий, профессор Исаченко[a], преподаватель Бутягин[b], ассистент Салтыкова[c], аспирант Гришанов[d], пианистка Сафарова.

Повестка дня:

1. О плане текущего учебного года.
2. О проведении коллективных занятий кафедры.
3. Об ансамблевой работе.
4. Распределение работ в классах.

Профессор Лодий[e]: Я мыслю работу камерных классов как систему воспитания культурного уровня студентов и расширение их репертуара. Работу я строю обычно по трем разделам:

1. Шуберт–Глинка как совершенная песенная форма и высочайший лиризм.

Студентам всегда хочется петь Чайковского, так как им кажется, что именно в романсах Чайковского они легко могут выражать свои чувства. Но я считаю необходимым отвести студента от привычного трафарета (во избежание готовых штампов) и учить его на совершенных образцах лирической песни Ф. Шуберта и М. И. Глинки.

2. Классическая музыка.

Наряду с этим необходимо научить студентов воспринимать классическую музыку как нечто живое, а не как «академическую сухость» обязательной учебной программы.

Для этого мы намечаем ряд органно-инструментальных концертов и считаем, что эта форма поможет увлечь студентов.

3. Даргомыжский – как работа над словом.

Так как в камерном искусстве слово является почти превалирующим, то я предлагаю работу со студентами начинать с Даргомыжского, в произведениях которого интонация живой речи конгениальна музыкальной интонации.

Как проверку работ я предлагаю частое посещение классов работниками кафедры. Кроме того, считаю необходимым откровенное обсуждение всех педагогических затруднений, так как работа каждого класса является частью работ кафедры.

Профессор Исаченко: В текущем году я беру для класса работу над русской классикой – Глинка и Даргомыжский. Кроме того, дилетантов, так как в них очень много напевности русской песни, которая предоставит студентам свободу исполнения. Хочу прибавить к положениям, высказанным З. П. о работе над словом, что для меня дальнейшим этапом является работа над Мусоргским.

Преподаватель Бутягин: Мне хочется работать со студентами над изучением одного композитора для усвоения его творчества в целом. Но удастся ли это осуществить при том составе класса, который у меня – я не уверен.

О коллективных занятиях

Ассистент Салтыкова: И прошлые годы у нас проводились занятия, в которых участвовали все студенты класса. Таким путем в классе прошел весь Глинка: все сопрано присутствовали на уроках, когда шла работа над «Песней Маргариты», «Жаворонком», «Горько мне девице» и т.д.

Затем аспирант Гришанов проводил занятия с тенорами (студенты Кузанов и Легануев) над «Бедным певцом», «Моя арфа» и т.д. Мне кажется, что по этому примеру хорошо было бы проводить одно занятие в месяц, на котором присутствовали бы все студенты и педагоги кафедры.

Пианистка Сафарова: Ничего из этого не выйдет. Собрать студентов при их занятости в студии и различном расписании будет невозможно.

Профессор Лодий: Это абсолютно верно, но я настаиваю: сделать максимум для того, чтобы добиться минимума.

Профессор Исаченко: Я не знаю положения с работой в консерватории, так как у меня был перерыв здесь в 10 лет, но во Дворце Культуры мы собираем группы людей, занятых в различ-

ных производствах, и проводим с ними ансамблевую работу. Следовательно, надо добиться возможности собирать 1 раз в месяц студентов кафедры.

Об ансамблевой работе

Ассистент Салтыкова: Работа над ансамблем приучает студентов слушать музыку, а не только «солировать». Кроме того, есть ряд студентов исполнительски слабых, и для них легче работать над мало привычной малой формой в каком-то вокальном окружении. Затем студенты привыкают к более сложной мелодической фактуре.

Профессор Лодий: Считаю необходимым провести в текущем году концерты старо-классической музыки в сопровождении органа и концерт ансамблей в сопровождении инструментов, что поручаю ассистенту Салтыковой. Работа эта очень трудно[f] по возможности одновременно собрать студентов, но в прошлом году мы сделали ансамблевые концерты – песни французских революционеров. Правда для этого нам приходилось начинать работу в 9 утра.

О распределении работ в классе

На I семестр работы распределяются следующим образом:

Класс профессора Исаченко – русская музыка.

Класс преподавателя Бутягина – Глинка и Даргомыжский.

Класс профессора Лодий и ассистента Салтыковой – старо-классическая музыка, включающая произведения Генделя, Гайдна, Глюка, Скарлатти, Мартини, Дуранте и др.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-298. Оп. 4–1. Д. 196. л. 1–8.
Подлинник. Рукопись.

Приложение 2
Appendix 2

Заседание кафедры. Декабрь 1938 г.
Department Meeting. December 1938

Присутствовали: профессор Лодий, профессор Исаченко, преподаватель Бутягин, ассистент Салтыкова, пианистки Сафарова и Пиотукович[g].

Повестка дня:

1. О работе камерных классов

а) дисциплина

б) посещаемость

2. Об индивидуальных планах студентов и их проверке.

3. Сообщение молодых работников кафедры о своей педагогической работе.

Профессор Лодий: В следствии распределения занятий студентов и того, что они заняты целый день, пришлось сделать твердое расписание занятий. Для меня лично это является прямым нарушением принципа камерного класса, где слушание студентом работы над всем репертуаром является не менее важным, чем его личный урок. Кроме того, студенты так перегружены на оперных отрывках (работают часто по 2–3 часа), что приходя в класс у них настолько усталый аппарат – невольно приходится снимать занятия. Думаю, что при необходимости и оперной и камерной дисциплины для всех студентов нужна какая-то профилизация – для их вокальной разгрузки. Так было одно время в Московской консерватории, и работа была более продуктивной. Есть ряд студентов, которые справляются с обеими нагрузками (например, Алексеев, Лихачев, Лапушкина), но единицы не решают положения.

Профессор Исаченко: Считаю нужным установить внутри кафедральный контроль за посещаемостью студентов и предлагаю поручить это Салтыковой. Для этого каждый из нас должен в конце шестидневки сдавать сводку посещаемости студентов.

Ассистент Салтыкова: К сожалению, причина плохой посещаемости студентами камерных классов имеет глубокие корни. Ни один студент не будет переведен на следующий курс, если он не сдаст полифонии, и любой студент может кончить консерваторию, не посещая камерного

класса, например, студент Бухаров за 3 года ни одного разу не посещал камерный класс. Тем не менее кончил консерваторию. Второй пример будет студент Волков. Думаю, что нужно говорить с деканатом или дирекцией о печальном существовании камерных классов. Надо требовать обязательного весеннего зачета по камерной дисциплине, тогда у студентов будет чувство ответственности. Или надо камерные классы ликвидировать.

Об индивидуальных планах студентов

Профессор Лодий: Необходимо иметь точный индивидуальный план работы каждого студента, конечно в нем могут быть изменения в ту или другую сторону, если для нас станет ясным, что для того, чтобы добиться результатов, нужно студента повернуть в другую сторону.

Преподаватель Бутягин: Для меня не ясно, как нужно строить план-программу для студента. Часто назначаемый нами репертуар отменяется основным педагогом как неподходящий. В ряде случаев приходится давать произведение только как изучение стиля, и отмена его нарушает намеченную линию работы со студентом.

Профессор Лодий: В таких случаях необходимо лично договариваться с основным педагогом, отстаивая свою линию, но делать это нужно до начала занятий со студентами, дабы не дискредитировать в глазах студента того или иного педагога.

Ассистент Салтыкова: Считаю необходимым в индивидуальных планах студентов провести какую-то дифференцию, скажем: 1) студент 3 курса работает в камерном классе и выступает весной в классном зачете 1 раз. 2) студент 4 курса выносит какую-то пройденную программу, выступает несколько раз и участвует в ансамблях. 3) студент 5 курса должен уметь составить разнообразную программу и спеть самостоятельное отделение. Конечно, ансамблевую нагрузку можно передвигать по потребностям студента.

Профессор Лодий: Предлагаю провести в конце первого семестра проверку выполненных индивидуальных планов.

О работе молодых кадров кафедры

Профессор Лодий: На днях я прослушала работу Т. С. Со студенткой Миловской – Шуман, цикл Елизаветы Кульман. Работа мне очень понравилась. Сейчас я попрошу Т. С. рассказать нам, каким путем она работала с Миловской и как им удалось добиться такой простоты и искренности?

Ассистент Салтыкова: Сейчас я прохожу работу со студенткой Миловской над немецкой музыкой. Зое Петровне я показывала песни Шумана на текст Елизаветы Кульман. Первая стадия работы с Миловской проходила в освоении внутреннего единства мелодической линии – органической слитности из вокальной линии и специфического Шумановского фортепианного сопровождения. Вторая стадия работы была чисто литературной – изучение эпохи и личной жизни и творчества поэтессы. И третья (наш результат) – предоставление студенту полной свободы исполнительской импровизации на основе двух первых моментов работы.

Преподаватель Бутягин: У меня не отчет, а скорее педагогический вопрос-затруднение. Работаю со студентом Журавлевым над произведением Даргомыжского «Ночной зефир». У Журавлева далекое слово. Если я работаю над приближением слова, то студент начинает петь не своим голосом, искусственно уменьшая его.

Профессор Лодий: Считаю необходимым в работе с Журавлевым – первое, дать ему возможность спеть весь романс ровным красивым голосом (в его возможностях), не ставя перед ним исполнительских задач. После этого работать с ним над фиксацией отдельных моментов, легко ему дающих почувствовать содержание произведения, и тогда уменьшение слова не будет для него искусственным.

Преподаватель Бутягин: Второй случай – это студент Бубович. С ним работа идет хорошо, и мне кажется, что мне удалось увлечь его по правильному для него пути.

Профессор Лодий: Передавая Бубовича в класс Ник. Ник. я предупреждала о его очень тяжелом слове. Исполнительским возможностям Бубовича мешает невероятная застенчивость. Когда я недавно прослушивала Бубовича в классе Ник. Ник., то я поняла, что Бутягин был прав,

дав Бубовичу произведения ритмически увлекательные. В «Двух гренадерах» Шумана Ник. Ник. сумел добиться от Бубовича невероятных результатов.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-298. Оп. 4–1. Д. 196. Л. 9–16.
Подлинник. Рукопись.

Приложение 3
Appendix 3

Заседание кафедры. Февраль 1939 г.
Department Meeting. February 1939

Присутствовали: профессор Лодий, профессор Исаченко, преподаватель Бутягин, ассистент Салтыкова, аспирант Гришанов, пианистки Бронштейн[h] и Сафарова.

Повестка дня:

1. Сообщение о вокальном конкурсе.
2. Обсуждение прошедших зачетных концертов.
3. О музыкально-исследовательской работе.

Профессор Лодий: Сейчас я провела 3 месяца в Москве, слушала II и III тур конкурса. Прошедший вокальный конкурс показал большой рост исполнительской культуры и разнообразие репертуара. Частично это можно приписать работе камерных классов. По сравнению с прошлым конкурсом гораздо интереснее стали программы исполнителей. Среди певцов можно наблюдать интерес к исполнению мало известных образцов классической музыки. Было показано много советской музыки, большое место было уделено композиторам братских республик, произведения которых в большинстве нам менее известны. Прослушивание конкурса – это огромный педагогический урок, и целый ряд консерваторий послал своих представителей и студентов-отличников, что я нахожу очень правильным. Надо просить, чтобы в дальнейшем наша консерватория как-то иначе подошла бы к вопросу о послании педагогов на конкурс.

Обсуждение прошедших зачетных концертов

Ассистент Салтыкова: За это время прошло два зачетных концерта нашего класса – первый концерт старо-классической музыки в сопровождении органа принес большие педагогические результаты. Хотя студенты отнеслись к музыке Генделя и старых итальянцев с предубеждением поработать[i] в течении[j] первого семестра над данным стилем. Рядом с этим имеются отдельные студенческие мнения, что эту музыку петь не стоит, «не годится для концертов, а в камерном классе надо набирать концертный репертуар». К сожалению, органные концерты повторить видимо не придется, так как учебная часть до сих пор не нашла средств (100 рублей), чтобы оплатить работу органистки Бакеевой.

Профессор Исаченко: Считаю концерт педагогически необычайно ценным. Огромный успех сделал Анисимов, которого я раньше слышал, этот раз чудесно пел в смысле стиля. Считаю неправильным, что не бывает факультативных обсуждений работ камерных классов.

Профессор Лодий: Я лично очень довольна студенткой Василевской, которая сумела преодолеть свои психически-вокальные метания, и увлеченная праздничным звучанием органа прекрасно для себя пела.

Ассистент Салтыкова: Говоря о своей работе над ансамблем (Бетховен и т.д.) мне хочется отметить большую помощь аспиранта Гришанова, который очень много работал со студентами и показал себя прекрасным педагогом, живо чувствующим законы ансамблевой музыки. Очень интересно отношение студентки Бородиной, вначале не желавшей петь скучную музыку Бетховена. Спев на репетиции шотландские песни с инструментом, Бородина стала просить дать ей еще Бетховена и признала Бетховена «интересным композитором». Пианистка Сафарова считает такие концерты необычайно полезными, так как на них вскрываются вокальные недостатки студентов.

О музыкально-исследовательской работе

Профессор Лодий: Я занята работой над книгой о творчестве Глинки, для меня это первая попытка изложить свой опыт исполнительского анализа песен и романсов Глинки. Почему я взяла эту тему? В нашей артистической семье Лодий традиции исполнять песни и романсы Глинки идут от отца к сыну и т.д. Мой дед А. П. Лодий был большим другом Глинки и первым исполнителем его романсов. Вот эти живые традиции и собственный артистический опыт я и хочу изложить. Кроме того, занята очерком о цикловости в немецкой музыке и сделала выбор подготовить 10 песен Бетховен – Гете.

Профессор Исаченко: Я уже несколько лет работаю над русской песней и ее влиянием на творчество Мусоргского. Кроме того, занят обработкой и переложением песен для хора с сопровождением фортепиано. Партитуры своей работы показывал профессору Николаеву, который очень ее одобрил.

Преподаватель Бутягин: Работая в МАЛЕГОТе, который справедливо называют лабораторией Советской Оперы, я хочу заняться исследованием о работе актера над советской оперой.

Ассистент Салтыкова: Работая с классом над песнями Великой Французской Революции, я наткнулась в Публичной библиотеке на ряд замечательных неизвестных нам произведений. Мне кажется, что издание с переводом и краткими комментариями об эпохе творчества авторов, стиля и т.д. и будет моей музыкально-исследовательской работой. Закончив этот сборник, займусь «Балладами в романтической музыке».

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-298. Оп. 4–1. Д. 196. Л. 17–22.
Подлинник. Рукопись.

Приложение 4
Appendix 4

Заседание кафедры. Май 1939 г.
Department Meeting. May 1939

Присутствовали: профессор Лодий, профессор Исаченко, преподаватель Бутягин, ассистент Салтыкова, аспирант Гришанов, пианисты Пиотукович и Бронштейн.

Повестка дня:

1. Обсуждение зачетной работы кафедры.
2. О коллективной работе.
3. О юбилее Чайковского.

Профессор Лодий: Считаю прошедшие зачеты кафедры хорошим педагогическим достижением при имеющихся недостатках. Класс Бутягина при слабом составе студентов и трудных условиях работы показал хорошие выступления некоторых студентов (Емельянова, Уббель). В классе Исаченко очень хорошо пела Смыкунова. Для меня спорен Лихачев. Огромные успехи сделала студентка Ерченко, законченным исполнителем показала себя Лапушкина. Очень выросли пианисты кафедры.

Профессор Исаченко: Отмечаю большую работу студентов Ткаченко, Смыкуновой, Лихачева[k] и поскольку мы сегодня решили давать оценки, я ставлю перечисленным студентам отлично.

Ассистент Салтыкова: Очень жаль, что занятость аспиранта Гришанова (партийная нагрузка) помешала показать его педагогическую работу в Малом зале.

Профессор Лодий: Мои молодые кадры – ассистент Салтыкова и пианистка Сафарова показали свою самостоятельную работу в Малом зале. Пианистка Сафарова, которую я веду на ассистента, вполне оправдала это мое выдвижение. Коллективных занятий, о которых мы говорили осенью при составлении плана на текущий учебный год, к сожалению, удалось провести только два. Считаю необходимым включить коллективные занятия в план работы кафедры на будущий учебный год и добиться большого количества занятий.

На будущий год предлагаю поставить ораторию Гайдна «Четыре времени года» и «Кофейную кантату» Баха.

Профессор Исаченко: В этой работе беру на себя руководство ансамблем. У себя в классе я предполагаю провести работу над «Моцартом и Сальери», включив в эту работу студента Лихачева и аспиранта Гришанова.

О юбилее Чайковского

Профессор Лодий: В текущем году к юбилею Чайковского предлагаю сделать 2 концерта студентов кафедры, включив редко исполняемые произведения Чайковского и проведя на кафедре просмотр всей песенной литературы Чайковского.

Профессор Исаченко: Эту работу по подготовке к юбилею Чайковского я уже веду у себя в классе.

Преподаватель Бутягин: Я уже занимаюсь над отбором произведений к концерту Чайковского и часть произведений уже раздал студентам своего класса.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-298. Оп. 4–1. Д. 196. Л. 23–26.
Подлинник. Рукопись.

Примечания
Notes

[a] Исаченко Константин Степанович (1882–1959) – оперный и камерный певец, вокальный педагог, хормейстер, профессор Ленинградской консерватории.– *Прим. авт.*

[b] Бутягин Николай Николаевич (1901–1985) – оперный и камерный певец, заслуженный артист РСФСР, артист Ленинградского Малого оперного театра, преподаватель Ленинградской консерватории.– *Прим. авт.*

[c] Салтыкова Тамара Сергеевна (1904–1976) – пианистка, концертмейстер, педагог, доцент кафедры камерного пения Ленинградской консерватории, ассистент З. П. Лодий.– *Прим. авт.*

[d] Гришанов Николай Григорьевич (1906–1969) – оперный и камерный певец, преподаватель камерного и сольного пения, доцент кафедры сольного пения Ленинградской консерватории.– *Прим. авт.*

[e] Здесь и далее подчеркнуто в соответствии с оригинальным текстом.– *Прим. авт.*

[f] Так в тексте.– *Прим. авт.*

[g] Так в тексте.– *Прим. авт.*

[h] Бронштейн Фанни Сергеевна (Шмерелевна) (1905 –?) – пианистка, заслуженный деятель искусств Бурятской АССР, преподаватель Ленинградской консерватории.– *Прим. авт.*

[i] Так в тексте.– *Прим. авт.*

[j] Так в тексте.– *Прим. авт.*

[k] Так в тексте.– *Прим.*

Ekaterina A. SERGEEVA
Lecturer, Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory,
Saint Petersburg, Russian Federation
sergeeva.ea@list.ru
ORCID: 0009-0001-1865-2694

Zoya P. Lodiy (1886–1957) and Her Contribution to the Formation of the Soviet School of Chamber Singing[1]

Abstract. The study reveals the creative, pedagogical and organizational-managerial contribution of Zoya P. Lodiy to the development of the Soviet academic school of professional chamber vocal education. The materials are based on sources from the collections of the Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg, including the minutes of the meetings of the Chamber Singing Department of the Leningrad Conservatory (1938–1939), published for the first time. A systemic-historical approach combined with musicological methods was used as a methodological basis; the analysis and publica-

[1] The article was prepared under the supervision of Nadezhda Kh. Orlova, Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Prof.

tion of archival materials required the involvement of the methods of historical source studies and archeography. The main milestones in Lodiy's biography are reflected; the features of the performing style that determined the creative individuality of the outstanding singer are considered. The relevance of creating a chamber singing course in Soviet conservatories, which arose in the second half of the 1920s, is revealed; the significance of Lodiy's activities for making the appropriate decision is shown. The main provisions of the program of this course are revealed: requirements for training students, objectives of the program and its sections. Lodiy's main pedagogical principles, which characterized her work with students, are identified: systematicity and consistency of the learning process, its cyclical nature, development of students' imagination, cultivation in them of a careful attitude to the author's text, skills of correct intonation of a vocal work, reliance on chamber literature of different countries, mastering of the experience of independently composing a concert program. Three cycles ("sketches") of the curriculum are studied; the characteristics of each of them are considered. It is emphasized that these cycles were based on the works of certain composers, whose study by students contributed to the formation of various performing skills. The analysis of the minutes of meetings of the Chamber Singing Department of the Leningrad Conservatory for the 1938/1939 academic year made it possible to determine the main areas of pedagogical and scientific activity of its faculty. The study showed that Lodiy's contribution to the formation of the Soviet school of chamber singing consists of (1) organizing specialized departments in leading conservatories, (2) providing them with professional personnel, (3) developinng educational and methodological materials on the basis of which vocalists were trained, (4) creating her own method of teaching chamber singers based on vocal cycles.

Keywords: Zoya Lodiy, Leningrad, chamber singing, Leningrad (St. Petersburg) Conservatory, training of chamber performers, Soviet vocal school, vocal cycles.

Использованная литература:

1. Голубовская Н. Черты художника // Музыкальные кадры. 1961. № 10. С. 3.

2. Доливо А. Зоя Лодий // Советская музыка. 1956. № 12 (217). С. 72–73.

3. Доливо А. Л. Подготовка концертных и камерных певцов // Материалы Всесоюзной конференции по вокальному образованию (Москва, 25 янв. – 3 февр. 1940 г.) / отв. ред. А. Б. Гольденвейзер. М., Л.: Музгиз, 1941. С. 132–141.

4. Доливо А. Проект программы по курсу камерного пения в государственных консерваториях // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-491. Оп. 1. Д. 50.

5. Жеурова В. К. Искусство как преодоление: Зоя Лодий (к 135-летию со дня рождения) // Художественное образование и наука. 2022. № 2. С. 172–178. DOI https://doi.org/10.36871/hon.202202022.

6. Жеурова В. К. Семья Лодий в истории ИРМО // Музыка в системе культуры: Научный вестник Уральской консерватории. 2018. № 15. С. 18–19.

7. Жеурова В. К., Шарма Е. Ю. Синергия слова и музыки как основа творческого метода работы З. П. Лодий с поэтическими текстами в камерных вокальных произведениях // Музыкальное исполнительство и образование. 2019. Т. 7, № 4. С. 118–136. DOI https://doi.org/10.31862/2309-1428-2019-7-4-118-136.

8. Коган П. Вместе с музыкантами. 2-е изд., доп. М.: Советский композитор, 1986. 272 с.

9. Лодий З. Построение программы «циклами» как один из принципов камерной музыки // Централь-

References:

1. Golubovskaya, N. (1961) Cherty khudozhnika. [Traits of the artist]. *Muzykal'nye kadry.* 10. p. 3.

2. Dolivo, A. (1956) Zoya Lodiy. *Sovetskaya muzyka*. 12 (217). pp. 72–73. (In Russian).

3. Dolivo, A.L. (1941) [Training of Concert and Chamber Singers]. *Materialy Vsesoyuznoy konferentsii po vokal'nomu obrazovaniyu* [Proceedings of the All-Union Conference on Vocal Education]. Moscow. 25 January – 3 February 1940. Moscow, Leningrad: Muzgiz. pp. 132–141. (In Russian).

4. Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund R-491. Inventory 1. Item 50. Dolivo, A. *Proekt programmy po kursu kamernogo peniya v gosudarstvennykh konservatoriyakh* [Draft Program for the Chamber Singing Course in State Conservatories].

5. Zheurova, V.K. (2022) Art as overcoming: Zoya Lodiy (on the 135th anniversary of her birth). *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka.* 2. pp. 172–178. (In Russian). DOI: 10.36871/hon.202202022

6. Zheurova, V.K. (2018) Lodiy Family in the history of the Imperial Russian Musical Society. *Muzyka v sisteme kul'tury: Nauchnyy vestnik Ural'skoy konservatorii.* 15. pp. 18–19. (In Russian).

7. Zheurova, V.K. & Sharma, E.Yu. (2019) Synergy of the Word and Music as the Basis of the Creative Method of Working by Z.P. Lodiy With Poetic Texts in Chamber Vocal Piece. *Muzykal'noe ispolnitel'stvo i obrazovanie.* 7 (4). pp. 118–136. (In Russian). DOI: 10.31862/2309-1428-2019-7-4-118-136

8. Kogan, P. (1986) *Vmeste s muzykantami* [Together with Musicians]. 2nd ed. Moscow: Sovetskiy kompozitor. 272 p.

ный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 1220.

10. Мерович А. Б. Концертно-камерная подготовка певцов // Материалы Всесоюзной конференции по вокальному образованию (Москва, 25 янв. – 3 февр. 1940 г.) / отв. ред. А. Б. Гольденвейзер. М., Л.: Музгиз, 1941. С. 127–131.

11. Орлова Н. Х., Сергеева Е. А. Некоторые условия формирования профессионального оперного певца: от педагогики прошлого к требованиям современности // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2023. № 4 (87). С. 50–67.

12. Протоколы заседаний кафедры камерного пения профессора Лодий З. П. и материалы к ним // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-298. Оп. 4-1. Д. 196.

13. Россихина В. П. Советское камерно-вокальное исполнительство. М.: Советский композитор, 1976. 112 с.

14. Салтыкова Т. С. Зоя Лодий // Ленинградская консерватория в воспоминаниях, 1862–1962. Л.: Музгиз, 1962. С. 343–346.

15. Сергеева Е. А. Камерное пение в системе формирования академического вокалиста // Журнал изящных искусств. Наука и образование. 2024. № 3. С. 55–63.

16. Сергеева Е. А. К истории педагогических и исполнительских традиций камерного пения в Санкт-Петербургской консерватории // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2024. № 40. С. 155–168.

17. Шарма Е. Ю., Жеурова В. К. Исполнительский феномен Зои Лодий // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2022. № 2 (67). С. 183–202.

18. Энгель Ю. Концерт Зои Лодий // Русские ведомости. 1916. № 266. С. 4.

19. Яковлева А. С. Лодий Зоя Петровна // Московская консерватория от истоков до наших дней. М.: Московская гос. консерватория, 2007. С. 307.

9. Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund R-493. Inventory 1. Item 1220. Lodiy, Z.P. *Postroenie programmy "tsiklami" kak odin iz printsipov kamernoy muzyki* [Building a Program in "Cycles" as One of the Principles of Chamber Music].

10. Merovich, A.B. (1941) [Concert and Chamber Training of Singers]. *Materialy Vsesoyuznoy konferentsii po vokal'nomu obrazovaniyu* [Proceedings of the All-Union Conference on Vocal Education]. Moscow. 25 January – 3 February 1940. Moscow, Leningrad: Muzgiz. pp. 127–131. (In Russian).

11. Orlova, N.Kh. & Sergeeva, E.A. (2023) Some Conditions for the Formation of a Professional Opera Singer: From the Pedagogy of the Past to the Requirements of the Present. *Vestnik Akademii russkogo baleta im. Vaganovoy.* 4 (87). pp. 50–67. (In Russian).

12. Central State Archive of Literature and Art of St Petersburg (TsGALI SPb). Fund R-298. Inventory 4-1. Item 196. *Protokoly zasedaniy kafedry kamernogo peniya professora Lodiy Z.P. i materialy k nim* [Minutes of Meetings of the Chamber Singing Department of Professor z.p. Lodiy and Materials to Them].

13. Rossikhina, V.P. (1976) *Sovetskoe kamerno-vokal'noe ispolnitel'stvo* [Soviet Chamber Vocal Performance]. Moscow:Sovetskiy kompozitor. 112 p.

14. Saltykova,T.S. (1962) Zoya Lodiy. In: *Leningradskaya konservatoriya v vospominaniyakh, 1862–1962* [Leningrad Conservatory in Memoirs. 1862–1962]. Leningrad: Muzgiz. pp. 343–346. (In Russian).

15. Sergeeva, E.A. (2024) Chamber Singing in the Dystem of Formation of an Academic Vocalist. *Zhurnal izyashchnykh iskusstv. Nauka i obrazovanie.* 3. pp. 55–63. (In Russian).

16. Sergeeva, E.A. (2024) On the History of Pedagogical and Performing Traditions of Chamber Singing at the St. Petersburg Conservatory. *Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskiy al'manakh*. 40. pp. 155–168. (In Russian).

17. Sharma, E.Yu. & Zheurova, V.K. (2022) The Performing Phenomenon of Zoya Lodiy. *Vestnik Akademii russkogo baleta im. Vaganovoy*. 2 (67). pp. 183–202. (In Russian).

18. Engel', Yu. (1916) Kontsert Zoi Lodiy [Concert of Zoya Lodiy]. *Russkie vedomosti.* 266. p. 4.

19. Yakovleva, A.S. (2007) Zoya Petrovna Lodiy. In: *Moskovskaya konservatoriya ot istokov do nashikh dney* [Moscow Conservatory from Its Origins to the Present Day]. Moscow: Moscow State Conservatory. p. 307. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Сергеева, Е. А. Зоя Петровна Лодий (1886–1957) и ее вклад в становление советской школы камерного пения / Е. А. Сергеева. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.40.4.004 // Наследие веков. – 2024. – №4. – С. 61–75. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/637/542 (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Sergeeva, E.S. (2024) Zoya P. Lodiy (1886–1957) and Her Contribution to the Formation of the Soviet School of Chamber Singing. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 4. pp. 61–75. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.004.

MUSEION:
ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ
MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ FULL ARTICLE

ЧУВИЛЬКИНА Юлия Викторовна
кандидат культурологии,
старший научный сотрудник
центра экспозиционно-выставочной деятельности
отдела материального наследия
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
Москва, Российская Федерация
chuvilkina.julia@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1801-2785

УДК: 069:[325.2:070] (430+470+571)"192"
ГРНТИ: 13.51.09
ВАК: 5.10.2.
DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.001

Советские музеи в публикациях эмигрантской газеты «Руль» (20-е годы XX века)

В статье исследуется отражение событий музейной жизни советской России в материалах эмигрантской газеты «Руль», издававшейся в Берлине в 1920–1931 гг., и определяются основные тематические акценты, характерные для данных публикаций. Исследование основано на анализе номеров издания за указанный период и результатах работ российских ученых, посвященных изучаемой проблематике. Выявлены связанные с исследуемой темой материалы газеты и проведен их первичный количественный анализ. Рассмотрены публикации «Руля», относящиеся к открытию выставок и музеев, эксплуатации архитектурных памятников, чрезвычайным происшествиям в музейной сфере, организационным и кадровым проблемам советских музеев и продаже за рубеж музейных ценностей. Установлено, что публикации «Руля» отражали альтернативный взгляд на музейные процессы в советской России, акцентируя внимание читателей преимущественно на негативных явлениях в музейной жизни или спорных решениях советских властей в сфере культурной политики.

Ключевые слова: газета «Руль», Берлин, Германская республика, В. Д. Набоков, Н. М. Щёкотов, эмигрантская периодика, экспроприация церковных ценностей.

Эмигрантская пресса представляет собой значимую часть культурного наследия Русского мира, выступая уникальным средоточием интеллектуальных, литературных и философских традиций, которые в силу различных причин оказались утраченными в Советском Союзе. Изучение периодических изданий русского Зарубежья, деятельности редакций соответствующих газет и журналов, а также сотрудничавших с ними журналистов и общественных деятелей имеет в настоящее время значительную актуальность, поскольку подобные исследования способствуют осмыслению феномена эмиграции, что приобретает особую важность в контексте современных миграционных процессов. Анализ данных материалов позволяет провести исторические параллели между прошлым и настоящим, выявить причины и последствия эмиграции, а также оценить ее влияние на формирование идентичности и культурной памяти.

Эмигрантская периодическая печать в целом представляет собой огромнейший пласт источников, исследуемых отечественной исторической наукой на протяжении уже нескольких десятилетий. Среди наиболее значимых трудов общего характера следует выделить диссертационные исследования П. Н. Базанова «Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.)» [1] и А. В. Лысенко «Эволюция русскоязычной прессы Берлина от противостояния к культурно-политическому диалогу с советской Россией (1919–1922 гг.)» [19], а также отдельные работы А. А. Пронина и М. И. Кондрашёвой [30], Е. А. Игнатьевой и М. Ю. Шматова [11], Н. М. Михалева [21], Л. П. Муромцевой [24], Е. Н. Ляпоровой [20] и др. Большое значение имеют также составленные М. Вороновым [5] и А. Г. Даниловым [9] обзоры эмигрантской прессы, издававшейся в рассматриваемый период. Эти материалы не только систематизируют обширный пласт исторических источников, но и предоставляют ценный инструментарий для их анализа, что способствует более глубокому пониманию изучаемой проблематики.

Настоящее исследование посвящено газете «Руль» – ежедневному эмигрантскому общественно-политическому и литературному изданию, выходившему в Берлине в период с 1920 по 1931 гг. и являвшемуся одним из наиболее значимых печатных органов русской диаспоры в межвоенный период. Издание отличалось высокой информационной насыщенностью и разнообразием тематики, охватывая вопросы политики, культуры, экономики и общественной жизни.

Собственно газета «Руль» становилась объектом научных изысканий главным образом в контексте анализа ее политической направленности. Так, упоминавшийся выше А. В. Лысенко в своих статьях анализировал сюжеты, связанные с противостоянием газеты официальной советской идеологии [16], исследовал причины негативной реакции издания на заключение германо-российского соглашения в 1921 г. [17] и изучал значение деятельности редакции «Руля» в процессе кампании помощи голодающим в Советской России [18]. С опорой на материалы газеты Л. А. Вафиной были выявлены характерные черты, присущие образу Советской России, формировавшемуся в эмигрантской прессе в 1920–1930-е гг. [4]. С. В. Попова рассматривала издание с точки зрения либерального политического влияния на читателей [28]. Работы З. С. Бочаровой [2] и А. М. Зверева [10] посвящены определению места газеты «Руль» среди других периодических изданий русского зарубежья 1920–1930-х гг. И. В. Реброва проследила влияние литературной критики рассматриваемой эмигрантской газеты на советскую прозу [33] [34]. Несмотря на наличие достаточно обширного массива публикаций, относящихся к анализируемому изданию (а их число, оставшееся за рамками представленного обзора, достаточно велико), приходится констатировать, что материалы газеты «Руль» до настоящего времени не были изучены в контексте освещения их авторами музейной проблематики.

Таким образом, целью исследования является анализ публикаций эмигрантской газеты «Руль», посвященных событиям музейной жизни советской России и определению основных тематических акцентов, характерных для данных публикаций.

Основу исследования составляют впервые вводимые в научный оборот газетные

материалы, освещающие события советской музейной отрасли 1920-х гг.: номера издания за указанный период, представленные в виде электронных копий на сайте Берлинской государственной библиотеки. Кроме того, работа опирается на труды отечественных историков и культурологов, использование результатов научных изысканий которых обеспечило комплексный подход к изучению темы.

Выбор методов обусловлен спецификой исследования: системный метод позволяет рассмотреть эмигрантскую газету «Руль» как альтернативный источник информации о развитии музейного дела в СССР; структурно-функциональный метод дает возможность выделить ключевые тематические блоки в общем массиве публикаций и определить степень их значимости для изучения музейной истории в указанный период; герменевтический метод обеспечивает учет исторического контекста создания анализируемых текстов, что способствует более точной интерпретации их содержания.

В рамках исследования планируется проанализировать структуру газеты «Руль», выявить разделы, содержащие наибольший объем информации о советских музеях. Основные задачи работы включают анализ числа публикаций на музейную тематику, установление их взаимосвязи с социально-экономическими процессами, происходившими в стране, а также определение наиболее важных, по мнению журналистов издания, событий, оказавших влияние на развитие музейного дела. Особое значение имеет характер описания в эмигрантской газете «Руль» советских музейных событий. В работе последовательно рассматриваются номера газеты за период с 1920 по 1931 год.

Как уже отмечалось, представление музейной жизни Советской России и СССР в эмигрантской прессе 20–30-х гг. XX в. недостаточно полно освещено в современной историографии, поэтому научная значимость работы заключается главным образом в восполнении существующего пробела в изучении данной темы. Кроме того, анализ материалов газеты позволит расширить научные представления о характере освещения советской действительности в зарубежной прессе, а также оценить степень объективности передачи информации о развитии музейного дела в СССР.

* * *

Газета «Руль» была основана в ноябре 1920 г. видными деятелями кадетской партии – И. В. Гессеном, В. Д. Набоковым и А. И. Каминкой, которых объединяли не только общность политических взглядов, но и многолетние тесные дружеские связи. Главными редакторами издания в течение всего одиннадцатилетнего периода его существования являлись одновременно В. Д. Набоков (отец писателя В. В. Набокова) и И. В. Гессен. В разные годы ответственными редакторами выступали И. В. Гессен, Н. И. Радин, Г. В. Офросимов, Р. И. Штейн, А. А. Аргунов, А. Л. Бём, А. И. Каминка, А. А. Кизеветтер, С. С. Маслов, В. Е. Татаринов [10].

Издание освещало широкий спектр тем, включая политические конфликты, выборы, катастрофические события, достижения в области науки и спорта, развитие промышленности, а также изменения в советском законодательстве. Структура газеты включала разделы, посвященные новостям, объявлениям, аналитическим материалам и статьям, отчетам о мероприятиях. Литературные страницы появились в газете спустя некоторое время после начала ее издания.

Газета публиковала произведения новых авторов, в ее структуре также имелись регулярные рубрики о театральной и художественной жизни Москвы и Берлина. Культурные события Берлина, представленные в издании, включали международные выставки (сельскохозяйственные, промышленные, кустарные), а также рекламу русских эмигрантских театров, оркестров и ресторанов с концертной программой, вечерами музыки и поэзии[1]. В газете регулярно выходил раздел «Хроника культуры», а также постоянные рубрики, посвященные выставкам и театральным постановкам. Например, в заметке «По выставкам» от 1921 г. сообщалось о проведении выставки картин Л. С. Бакста, К. А. Сомова, Б. М. Кустодиева, А. Е. Яковлева, С. Ю. Судейкина, Н. В. Ремизова и Б. Д. Григорьева в парижской галерее Пеней [27].

[1] Достаточно активной была и выставочная деятельность русских эмигрантов [37].– *Прим. авт.*

Таблица 1

Количество публикаций о событиях музейной жизни в советской России на страницах газеты «Руль» по годам (1920–1931)

Table 1

The number of publications about museum events in Soviet Russia on the pages of the newspaper "Rul" by year (1920–1931)

1920	*1921*	*1922*	*1923*	*1924*	*1925*	*1926*	*1927*	*1928*	*1929*	*1930*	*1931*	*ИТОГО*
3	16	20	43	30	31	37	16	15	11	4	20	246

Систематически освещала газета и события, связанные с трансформацией культурной и музейной сферы в раннесоветский период. Как известно, первые послереволюционные годы в России характеризовались кардинальной реорганизацией музейной системы, включая изменение принципов развития учреждений, методов экспозиционной работы и форм взаимодействия с аудиторией. Параллельно формируется сеть музеев новой тематической направленности.

Количество выявленных публикаций на музейную тематику, вышедших на страницах издания за весь период его существования, с разбивкой по годам приведено в Таблице 1, их общее число составило 246. Представленный ряд данных свидетельствует о том, что наибольший интерес к музейной жизни советской страны издание проявляло в период с 1923 по 1926 гг. (на эти пять лет приходится 161 публикация – по 32,2 в среднем на год, в то время как среднее арифметическое публикаций, рассчитанное за весь период, составляет 20,5 материала в год).

На страницах издания регулярно публиковались материалы, посвященные открытию музеев и модернизации музейной сети. Особое место занимали очерки сотрудников музеев, а также репортажи, детализирующие особенности музейных и дворцовых комплексов. Например, в 1922 г. газета информировала читателей о предстоящем открытии мемориального музея А. П. Чехова в Москве [22]. Аналогичное внимание уделяется музейной жизни Петрограда: публикации содержат не только информацию о происходивших в тот период институциональных изменениях, но и критические оценки музейных учреждений посетителями, как в случае с рецензией на обновленную экспозицию Толстовского музея [3].

Значимым явлением 1920-х гг. становится развитие Пскова и Новгорода как центров экскурсионного и туристического притяжения. Концентрация памятников древнерусского наследия в сочетании с географической близостью к европейским границам создала условия для активизации исторических и археологических исследований. Характерным примером новаторской музейной практики выступает упомянутый в «Руле» «Музей контрабанды», экспонировавший аутентичные артефакты и архивные материалы, связанные с нелегальным перемещением товаров через границу, а также документальные свидетельства о деятельности преступных групп и их лидеров [23].

В конце 1920-х гг. структура Псковского музейного фонда включала ряд самостоятельных подразделений: Исторический музей, Художественный отдел, Музей советского строительства, Антирелигиозный музей, Естественно-исторический музей, Музей революции и Дом-музей В. И. Ленина на Плехановском посаде. Обращая внимание на обширность музейных коллекций, газета «Руль» отмечает инициативу Академии истории материальной культуры, выступившей с предложением о придании Пскову и Новгороду статуса заповедных городов. В публикации подчеркивается, что «соответствующее ходатайство будет внесено в совнарком[1]», а указанные города, «насыщенные первоклассными памятниками старины», планировалось использовать как центры экскурсионной деятельности и международного туризма [35].

Значительный интерес представляют материалы, освещавшие отдельные решения,

[1] Так (со строчной буквы) в тексте источника.– *Прим. авт.*

не способствовавшие сохранению исторического наследия. Так, передача дворцов и усадебных комплексов под нужды общественных организаций в ряде случаев приводила к деградации архитектурных объектов, незаконной реализации музейных предметов через комиссионные сети и утрате коллекций из-за ненадлежащих условий хранения и отсутствия организованной охраны. В качестве примера газета приводит ситуацию с петербургскими особняками: Юсуповский дворец был передан профсоюзу работников просвещения, который, эксплуатируя здание, довел его до плачевного состояния. Шуваловский дворец, по выражению автора материала, «как дом-музей тоже улыбнулся. Самая память о доме-музее канула в Лету» [7]. Зимний и Шереметевский дворцы оказались под угрозой утраты исторических интерьеров. Критикуя эти процессы, автор публикации использует метафору «уничтожение музейных младенцев», отмечая вовлеченность в них как государственных органов, так и профессионального сообщества [7].

Особое внимание «Руль» уделял чрезвычайным происшествиям в музейной сфере – заметки о них почти всегда носили эмоциональный характер. Реакцию газеты вызвало дело директора Исторического музея Н. М. Щёкотова, секретаря П. А. Серповского и ученого сотрудника Н. С. Щербатова, которые в 1922 г. были привлечены к ответственности за халатность, приведшую к хищению музейных ценностей на фоне систематического пренебрежения обязанностями, связанными с охраной экспозиции [12, с. 4]. Случаи краж из музеев издание систематически освещало на протяжении одиннадцати лет, включая, например, похищение произведений искусства из Эрмитажа в 1923 г. [14] и кражу пяти картин из московского Музея изящных искусств в апреле 1927 г.: «Христос» Х. Рембрандта, «Ecce Homo» («Се человек») В. Тициана, «Святое семейство» А. Корреджо, «Святой Иоанн» К. Дольчи и «Бичевание Христа» Н. Пизано – общей оценочной стоимостью 655 тыс. руб. (по довоенным меркам). Несмотря на усиленную охрану, преступникам удалось похитить полотна, что породило версии о причастности международной преступной группы [13].

Появлялись на страницах эмигрантской газеты и сообщения о кадровом дефиците и недостаточном финансировании музейных учреждений в советской России. Например, журналисты «Руля» в 1920 г. сообщали, что в Эрмитаже из-за нехватки сторожей публичный доступ ограничили тремя днями в неделю, а охрану обеспечивали временными наемными сотрудниками [39]. Еще одним деструктивным фактором, на который обращалось внимание в публикациях, были техногенные катастрофы: пожар 1923 г. в Соловецком монастыре, использовавшемся как лагерь принудительных работ, привел к утрате колокольни и деревянных построек [8].

Отдельным аспектом государственной политики 1920-х гг., также отражавшимся в публикациях «Руля», стала экспроприация церковных ценностей [40], инициированная советским правительством в условиях борьбы с последствиями голода и нехватки валюты. Реализация конфискационного плана позволила бы добиться создания партийного «золотого фонда», предназначенного для решения задач хозяйственного строительства, поддержания обороноспособности и т.д. [15]. Процесс экспроприации, начавшийся в феврале 1922 г., курировался губернскими комиссиями, действовавшими под эгидой Центральной комиссии помощи голодающим (Помгол). Параллельно ВЦИК учредил в губерниях свои собственные комиссии [25].

21 августа 1924 г. Народным комиссариатом финансов был издан секретный циркуляр № 19/ф, регламентировавший порядок ликвидации предметов религиозного культа (см.: [38]). Согласно данному документу, все предметы, изготовленные из драгоценных металлов, подлежали передаче в Государственное хранилище ценностей (Гохран), а вещи, обладавшие исторической или художественной ценностью, направлялись в Главное управление научными и музейными учреждениями (Главмузей) [15]. Предметы культового назначения, прошедшие обряд освящения (иконы, ризы, хоругви, покровы и т.д.), передавались верующим «для переноса в другие молитвенные здания того же культа…» (Цит. по: [38, с. 147]).

В период 1920-х гг., наряду с экономическими мерами, другим направлением деятельности государственных органов в отношении церкви стало закрытие культовых учреждений. Большинство из них передавалось в распоряжение различных ведомств. Координацией этого распределения занимался Народный комиссариат просвещения, который также разрабатывал практические рекомендации по использованию освободившихся зданий и церковного имущества.

Материалы, опубликованные в газете «Руль», содержат подробное описание процессов вывоза и продажи за границу культурных ценностей, изъятых у религиозных учреждений. Например, данные, опубликованные в 1922 г., относились к демонтажу и переплавке колоколов, а также реализации на европейских аукционах окладов икон и других предметов культа. Публикация опиралась на сообщение корреспондента ревельской газеты «Жизнь», по информации которого, конфискованные в провинции церковные ценности направлялись большевиками в Москву, где в одном из флигелей Кремлевского дворца был организован специализированный склад. Данный объект, находившийся под круглосуточной охраной «коммунистического отряда совнаркома» [36], служил местом временного хранения изъятых предметов. Также сообщалось, что их переплавка производилась на Московском аффинажном заводе, деятельность которого велась в интенсивном режиме. Руководство процессами приема, хранения, переработки и распределения ценностей было возложено на И. С. Уншлихта – заместителя начальника Главного политического управления (ГПУ, преемника ВЧК).

По данным западных корреспондентов, операции проводились в условиях строгой секретности под контролем сотрудников ГПУ. Персонал кремлевского склада и аффинажного завода комплектовался исключительно членами коммунистической партии. После поступления церковных ценностей осуществлялась их сортировка: предметы, обладающие исторической или художественной значимостью, изымались из общего потока и сохранялись на складе до получения особых указаний Совнаркома. Остальные изделия из золота и серебра подвергались переплавке. Драгоценные камни, извлеченные из культовых предметов, передавались комиссии экспертов-ювелиров для оценки, после чего направлялись в Гохран [26].

В публикациях также отмечалось, что одна часть переработанных драгоценных металлов поступала на Петроградский монетный двор, другая – передавалась Народному комиссариату внешней торговли (Наркомвнешторг), при этом корреспондент указывал, что «наркомвнешторгом отправлено значительное количество церковных вещей в Одессу, откуда они вывозятся в Турцию» [36].

Экспроприация церковного имущества вызывала негативную общественную реакцию. Несмотря на то, что золотовалютные резервы страны временно пополнялись за счет выручки от реализации конфискованных ценностей, вскоре возникла необходимость в дополнительных мерах по приобретению золота у населения. Одним из таких механизмов в 1920-х гг. стали комиссионные магазины, которые принимали ювелирные изделия и драгоценный лом, выступая важным источником пополнения государственного бюджета.

Активное использование сети советских комиссионных магазинов для реализации культурных ценностей отмечалось и в публикациях газеты «Руль», писавшей в 1928 г., что «развернутая сеть советских комиссионных магазинов проводит “распродажи”, рассчитанные на иностранных туристов: один раз в неделю, по понедельникам, в Москве, на Арбатской площади, в аукционе “Прага”» [32]. На этих аукционах, организованных в бывшем ресторане, продавались предметы искусства и антиквариат по заниженным ценам, что привлекало сотрудников иностранных дипломатических миссий и частных лиц. Автор публикации подчеркивал, что они «скупают картины, мебель, хрусталь, ковры, бронзу, скульптуру и антикварные ценности для того, чтобы купленные здесь за бесценок вещи продать за границей с огромной пользой» [32].

Значительная часть реализуемых вещей была из ранее национализированных коллекций. Среди проданных в «Праге» произведений в материале упоминаются «редкие и исключительные по ценности экземпляры

картин Врубеля, Левитана, Серова, Айвазовского и десятка других художников, завоевавших себе мировое имя» [32]. Указывается, что часть предметов поступала в магазины через Главнауку Наркомпроса, которая «не знает цены этих вещей и продает за бесценок» [32].

По сообщению автора того же материала, дополнительным каналом пополнения ассортимента становились учреждения, размещенные в бывших дворцах и особняках. В частности, утверждалось, что «многие из этих учреждений для пополнения своих денежных средств продавали… все имущество тех особняков, в которых они расположились» [32].

Интерес редакции «Руля» вызвала продажа личных ценностей императорской семьи в 1924–1925 гг. Это представлялось закономерным: экономическая целесообразность реализации монархических реликвий сочеталась с идеологической неприемлемостью их прежних владельцев для новой власти. Данное мероприятие стало началом масштабной распродажи предметов из собраний Гохрана и Алмазного фонда. Последний на протяжении многих веков выполнял функцию главной сокровищницы российских монархов.

Одна их газетных публикаций того времени описывает подготовку к масштабной продаже имущества царской семьи в Москве и Петербурге. Среди выставленных на торги предметов упоминаются как повседневные вещи – «столовое белье, платья, ковры» [29],– так и уникальные ценности, включая «драгоценнейшие меха» и «золотую купель, в которой крестили новорожденных великих князей» [29]. Автор отмечает активную рекламную кампанию: московские газеты публикуют «заманчивые сообщения», а иллюстрированные журналы дополняют статьи снимками редких экспонатов. Эмигрантское издание отмечает, что участие в аукционах доступно лишь узкому кругу лиц – прежде всего «нуворишам, щедро наживающимся на советском режиме, и иностранцам» [29].

Описанные события косвенно свидетельствуют о важности для государства мер по реализации драгоценных активов, включая как экспонаты, хранившиеся в музейных собраниях, так и предметы, находившиеся в частном владении. В рамках антикризисной экономической политики был инициирован процесс широкомасштабной продажи художественных ценностей: произведений живописи, музейного серебра и золота, а также ювелирных изделий, не обладающих значимой историко-культурной атрибуцией.

Данная кампания была реализована через специализированное учреждение – контору «Антиквариат», которая, установив партнерские отношения с европейскими аукционными домами, организовала серию торгов. Информация об этих мероприятиях получала отражение в материалах газеты «Руль» (см., например: [6, с. 3]).

Однако, несмотря на первоначальный операционный успех, доходность этих продаж оказалась весьма краткосрочной. Уже через шесть месяцев власти констатировали экономическую неэффективность проекта, что обусловило изменение основного вектора деятельности: акцент теперь был перенесен на закрытые переговоры с крупными зарубежными коллекционерами, о чем свидетельствует публикация 1928 г. «Распродажа Эрмитажа». В статье указано, что по согласованию с советским правительством обсуждалась реализация трех шедевров из собрания Эрмитажа: полотен Х. Рембрандта «Возвращение блудного сына» и «Портрет матери», а также «Мадонны делла Каса» Рафаэля Санти [31].

* * *

Материалы газеты «Руль», издававшейся в Берлине в 1920-е гг. под редакцией В. Д. Набокова и И. В. Гессена, представляют собой значимый источник для изучения процессов музейного строительства и музейной жизни в СССР в рассматриваемый период. Публикации газеты отражают ключевые события музейной практики, зачастую предлагая иную интерпретацию фактов по сравнению с официальными советскими источниками.

Наиболее информативным для исследования стал раздел хроники газеты «Руль», посвященный культурным и музейным событиям 1920-х гг. Авторы публикаций стремились привлечь внимание читателей к проблемам, характерным для русских музеев данного периода. Вместе с тем, актуализируя какую-либо тему, издание ставило в ней разнообразные акценты, которые накладывали подчас до-

статочно яркий отпечаток на транслируемые факты. Так, сообщая о событиях советской музейной жизни, газета в то же время писала о критических оценках, которые давали музеям их посетители. Информация о решениях властей по поводу эксплуатации архитектурных памятников в освещении журналистов «Руля» сопровождалась данными о негативных последствиях использования исторических зданий советскими общественными организациями. При размещении в газете новостей о чрезвычайных происшествиях в музейной сфере обращалось внимание на злоупотребления должностных лиц, проявления безответственности и халатности. Организационные и кадровые проблемы советских музейных учреждений трактовались эмигрантскими журналистами как причина ограничения доступа посетителей к музейным коллекциям. Наконец, продажа музейных ценностей (в том числе ранее принадлежавших царской семье или религиозным учреждениям) вызывала у авторов издания исключительно критическую реакцию, отнюдь не предполагавшую учета сложных социально-экономических обстоятельств, в которых оказалась страна, переживавшая последствия Гражданской войны; при этом журналисты акцентировали внимание читателей на фактах некомпетентности советских чиновников, отдельно отмечалась особая роль членов ВКП(б) в процедурах, связанных с переплавкой и переработкой драгоценных предметов.

Анализ опубликованных изданием материалов, посвященных советской музейной жизни, показывает, что в них находили свое отражение такие особенности эмигрантской прессы, как приверженность ценностям родной культуры и стремление к гласности. Однако необходимо иметь в виду, что эмигрантские издания (и газета «Руль» отнюдь не являлась в данном смысле исключением) часто выступали в качестве инструмента политической борьбы против советской власти. Их авторы, будучи представителями антибольшевистских кругов, стремились дискредитировать СССР, что могло приводить к субъективным интерпретациям событий, преувеличению негативных аспектов и замалчиванию положительных изменений. Например, критика событий музейной жизни в советской России могла быть излишне эмоциональной и не всегда объективной.

Кроме того, эмигрантские авторы, находясь вдали от СССР, часто воспринимали происходящее в стране с достаточно большой культурной дистанции, через призму собственного опыта и представлений, что могло приводить к упрощенным или искаженным трактовкам. Например, советская музейная политика могла *a priori* интерпретироваться ими исключительно как варварское уничтожение культурного наследия при полном невнимании к сложным процессам трансформации музейного дела в новых политических условиях. В силу всех изложенных соображений использование исследуемых материалов требует тщательного анализа контекста, сопоставления с другими источниками и учета политической, идеологической и социальной ангажированности авторов.

Освещение исследуемой тематики в газете «Руль» находилось в очевидной зависимости от значимых событий, происходивших в советской музейной отрасли и вызывавших широкий общественный резонанс как среди жителей СССР, так и среди эмигрантских кругов (резонансные преступления, антропогенное разрушение архитектурных памятников, продажа ценностей за рубеж и др.).

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении материалов газеты «Руль» как источника по истории советского музейного дела. В отличие от предшествующих научных работ, акцентировавших внимание на политической полемике и литературной значимости издания, в настоящем исследовании впервые проанализировано освещение газетой ключевых событий музейной жизни.

Перспективным направлением дальнейшего изучения темы может стать углубленное исследование истории отдельных музеев или анализ конкретных событий музейной жизни с привлечением материалов газеты «Руль». Сопоставление данных, представленных в эмигрантской и советской периодике, позволит выявить новые аспекты в интерпретации резонансных культурных явлений периода 1920-х гг.

Yulia V. CHUVILKINA
Cand. Sci. (Museum Studies, Conservation
and Restoration of Historical and Cultural Objects),
Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russian Federation
chuvilkina.julia@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1801-2785

Soviet Museums in the Publications of the Emigrant Newspaper Rul' (1920s)

Abstract. The article examines the reflection of the events of museum life of Soviet Russia in the materials of the émigré newspaper *Rul'*, published in Berlin in 1920–1931, and determines the main thematic emphases characteristic of such publications. The study is based on the analysis of the issues of the periodical for the specified period, in the form of electronic copies posted on the website of the Berlin State Library, as well as on the publications of Russian scientists on the studied problems. Systemic, structural-functional and hermeneutic methods were used. The identification and primary quantitative analysis of the newspaper materials related to the studied topic were carried out. The publications of *Rul'* related to the opening of exhibitions and museums, the operation of architectural monuments, emergency situations in the museum sphere, organizational and personnel problems of Soviet museums are considered. Considerable attention is paid to the publications of *Rul'* dedicated to the confiscation of valuables from large monasteries and churches in the 1920s, their subsequent sale, as well as the sale of items that belonged to the royal family. The article examines newspaper articles that describe in detail the specifics of auction activities during this period. The author notes that the newspaper's journalists remained committed to the values of their native culture and strived for publicity. At the same time, the periodical gave the published messages accents that left a rather bright imprint on the presented facts. Among such thematic accents, the following can be distinguished: (1) citing of critical assessments given to Soviet museums by their visitors; (2) absolutization of data on the negative consequences of the use of historical buildings by Soviet public organizations; (3) mentions of abuses by officials working in Soviet museums, exaggeration of facts of incompetence of Soviet officials; (4) exaggeration of organizational and personnel problems of museum institutions; (5) an unambiguously negative interpretation of the sale of museum valuables abroad (without taking into account the difficult socio-economic circumstances in which the country found itself). The author concludes that the publications of *Rul'* reflected an alternative view of museum processes in Soviet Russia, focusing the readers' attention mainly on negative phenomena in museum life or controversial decisions of the Soviet authorities in the sphere of cultural policy. The reasons for the dominance of such interpretations in the reviewed publications are revealed.

Keywords: newspaper *Rul'*, Berlin, German Republic, Vladimir Nabokov, Nikolay Shchekotov, émigré periodicals, expropriation of church valuables.

Использованная литература:

1. Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.): автореф. … д-ра ист. наук. СПб., 2005. 44 с.
2. Бочарова З. С. Место «Руля» в ряду эмигрантской прессы 1920-х гг. // Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): сб. науч. тр. / отв. ред. П. А. Трибунский. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 425–435.

References:

1. Bazanov, P.N. (2005) *Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizatsiy russkoy emigratsii (1917–1988 gg.)* [Publishing Activities of Political Organizations of the Russian Emigration (1917–1988)]. Abstract of History Dr. Diss. St. Petersburg. 44 p.
2. Bocharova, Z.S. (2017) Mesto "Rulya" v ryadu emigrantskoy pressy 1920-kh gg. [The Place of "Rul' " Among the Émigré Press of the 1920s]. In: Tribunskiy, P.A. (ed.)

3. В Толстовском музее // Руль. 1923. № 750. 20 мая. С. 5.

4. Вафина Л. А. Изображение советской России на страницах эмигрантской газеты «Руль» // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: межвуз. сб. науч. работ. СПб.: [б.и.], 2017. С. 68–73.

5. Воронов М. Обзор «Русскоязычная пресса Германии» // Баден-Вюртемберг. Известия. 2009. № 4. 15 с.

6. Вчера у Лепке // Руль. 1928. № 2419. 18 нояб. С. 3.

7. Гибель музеев // Руль. 1926. № 1640. 25 апр. С. 3.

8. Гибель Соловецкого монастыря // Руль. 1923. № 842. 5 сент. С. 4.

9. Данилов А. Г. Литературные и общественно-политические журналы и альманахи Русского Зарубежья 1920–1930-х годов: аннотированная роспись содержания. Павловский Посад: Централизованная районная библиотечная система, 2015. 99 с.

10. Зверев А. М. «Руль» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья: 1918–1940. Т. 2: Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 351–360.

11. Игнатьева Е. А., Шматов М. Ю. Образы социально-политических преобразований в СССР в зарубежной эмигрантской прессе (1929 – конец 1930-х гг.) // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 103–122. DOI 10.46725/iw.2021.1.6.

12. Кража в историческом музее // Руль. 1922. № 545. 14 сент. С. 4.

13. Кража в московском музее // Руль. 1927. № 1950. 30 апр. С. 1.

14. Кража из Эрмитажа // Руль. 1923. № 711. 1 апр. С. 5.

15. Крапивин М. Ю. Главмузей и комиссия Л. Д. Троцкого «по учету и сосредоточению ценностей» (ноябрь 1921 – октябрь 1922 г.) // Вопросы музеологии. 2016. № 1 (13). С. 11–33.

16. Лысенко А. В. Из ловушки анахронизма. Дело «Об оскорблении советского правительства эмигрантской газетой “Руль” в Берлине (1927–1936)» // Меди@льманах. 2018. № 5. С. 113–125. DOI 10.30547/mediaalmanah.5.2018.113125.

17. Лысенко А. В. О чем промолчал берлинский «Руль»? // Германия на перекрестках истории: сб. науч. ст. / под общ. ред. А. А. Слинько. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2014. С. 13–22.

18. Лысенко А. В. Роль русскоязычной эмигрантской прессы Берлина в помощи голодающим Советской России // Меди@льманах. 2023. № 3. С. 30–37. DOI 10.30547/mediaalmanah.3.2023.3037.

19. Лысенко А. В. Эволюция русскоязычной прессы Берлина от противостояния к культурно-политическому диалогу с советской Россией (1919–1922 гг.): автореф. … канд. филол. наук. М., 2000. 21 с.

20. Ляпорова Е. Н. Образ советского государства в представлениях русской эмиграции в 20-е годы XX века на примере взглядов П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского и И. В. Гессена: автореф. … канд. ист. наук. Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 2008. 24 с.

21. Михалев Н. М. Русская эмигрантская периодика как инструмент формирования мирового общественного мнения // Медиаскоп. 2009. № 3. С. 1–21.

Izdatel'skoe delo rossiyskogo zarubezh'ya (XIX–XX v.): sb. nauch. tr. [Publishing of the Russian Diaspora (19th–20th Centuries): Collection of Scientific Papers]. Moscow: Dom rus. zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna. pp. 425–435.

3. *Rul'*. (1923) V Tolstovskom muzee [In the Tolstoy Museum]. May 20. 750. p. 5.

4. Vafina, L.A. (2017) Izobrazhenie sovetskoy Rossii na stranitsakh emigrantskoy gazety “Rul'” [Image of Soviet Russia on the Pages of the Émigré Newspaper “Rul' ”. In: *Sovremennaya mediasreda: traditsii, aktual'nye praktiki i tendentsii. Vzglyad molodykh issledovateley: mezhvuz. sb. nauch. rabot* [Modern Media Environment: Traditions, Current Practices and Trends. The View of Young Researchers: Interuniversity Collection of Scientific Works]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 68–73.

5. Voronov, M. (2009) Obzor “Russkoyazychnaya pressa Germanii” [Review of “Russian-Language Press in Germany”]. *Baden-Vyurtemberg Izvestiya*. 4. 15 p.

6. *Rul'*. (1928) Vchera u Lepke [Yesterday at Lepke's]. November 18. 2419. p. 3.

7. *Rul'*. (1926) Gibel' muzeev [The Death of Museums]. April 25. 1640. p. 3.

8. *Rul'*. (1923) Gibel' Solovetskogo monastyrya [The Death of the Solovetsky Monastery]. September 5. 842. p. 4.

9. Danilov, A.G. (2015) *Literaturnye i obshchestvenno-politicheskie zhurnaly i al'manakhi Russkogo Zarubezh'ya 1920–1930-kh godov: annotirovannaya rospis' soderzhaniya* [Literary and Socio-Political Magazines and Almanacs of the Russian Diaspora in the 1920s–1930s: Annotated List of Contents]. Pavlovsky Posad: Tsentralizovan. rayon. bibliotech. sistema. 99 p.

10. Zverev, A.M. (2000) “Rul' ”. In: *Literaturnaya entsiklopediya Russkogo Zarubezh'ya: 1918–1940* [Literary Encyclopedia of the Russian Diaspora: 1918–1940]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN. pp. 351–360.

11. Ignatyeva, E.A. & Shmatov, M.Y. (2021) Images of Socio-Political Transformations in the USSR in the Foreign Éigré Press (1929 – Late 1930s). *Intelligentsiya i mir.* 1. pp. 103–122. (In Russian). DOI: 10.46725/iw.2021.1.6

12. *Rul'*. (1922) Krazha v istoricheskom muzee [Theft in the Historical Museum]. September 14. 545. p. 4.

13. *Rul'*. (1927) Krazha v moskovskom muzee [Theft in the Moscow Museum]. April 30. 1950. p. 1.

14. *Rul'*. (1923) Krazha iz Ermitazha [Theft from the Hermitage]. April 1. 711. p. 5.

15. Krapivin, M.Yu. (2016) Glavmuzey i komissiya L. D. Trotskogo “po uchetu i sosredotocheniyu tsennostey” (noyabr' 1921 – oktyabr' 1922 g.) [The Main Museum and L.D. Trotsky's Commission “For the Accounting and Concentration of Values” (November 1921 – October 1922)]. *Voprosy muzeologii.* 1 (13). pp. 11–33.

16. Lysenko, A.V. (2018) From the Trap of Anachronism: The Case of “Insulting the Soviet Government by the Émigré Newspaper Rul' in Berlin (1927–1936)”. *MediaAl'manakh.* 5. pp. 113–125. (In Russian). DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.113125

17. Lysenko, A.V. (2014) O chem promolchal berlinskiy “Rul' ”? [What Did the Berlin “Rul' ” Keep Silent About?]. In: Slinko, A.A. (ed.) *Germaniya na perekrestkakh istorii: sb. nauch. st.* [Germany at the Crossroads of History: Collection of Scientific Articles]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 13–22.

22. Музей А. П. Чехова // Руль. 1922. № 603. 22 нояб. С. 5.

23. Музей контрабанды // Руль. 1925. № 1454. 13 сент. С. 5.

24. Муромцева Л. П. Российская политическая эмиграция в Германии (1920–1933 гг.) // Россия и Германия: история и современность: сб. науч. ст. М.: Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2018. С. 79–95.

25. Охрана исторических ценностей // Руль. 1922. № 434. 21 апр. С. 3.

26. Оценка драгоценностей музеев // Руль. 1922. № 408. 19 марта. С. 3.

27. По выставкам // Руль. 1921. № 176. 18 июня. С. 2.

28. Попова С. В. «Речь» и «Руль» как носители идей российского либерализма в первой трети XX века // Вестник РГУ им. И. Канта. Сер.: Гуманит. науки. 2007. Вып. 12. С. 32–35.

29. Продажа царского имущества // Руль. 1925. 16 авг. № 1430. С. 2.

30. Пронин А. А., Кондрашёва М. И. Периодическая печать российского зарубежья как исторический источник // Клио. 2012. № 10 (70). С. 37–43.

31. Распродажа Эрмитажа // Руль. 1928. № 2439. 2 дек. С. 1.

32. Расхищение // Руль. 1928. № 2239. 6 апр. С. 4.

33. Реброва И. В. Критическая проза русской эмиграции «в зеркале» эмигрантской газеты «Руль» (В начале 20-х годов XX столетия) // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен. Вып. 2. М.: Моск. акад. образования Н. Нестеровой, 2008. С. 41–45.

34. Реброва И. В. «Русский Берлин» в зеркале литературной критики эмигрантской газеты «Руль» (начала 20-х годов XX столетия) // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен. Ч. 2. М.: Новый гуманит. ун-т Н. Нестеровой, 2003. С. 107–113.

35. Судьба Новгорода и Пскова // Руль. 1930. № 2793. 2 февр. С. 9.

36. Судьба реализованных церковных ценностей // Руль. 1922. № 471. 7 июня. С. 2.

37. Урядова А. В. Выставочная деятельность русской эмиграции в первой половине XX в. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 485–500.

38. Цыремпилова И. С. Проблемы сохранения и использования православного культурного наследия в контексте государственно-церковных взаимоотношений в 1920–1930-х гг. (на материалах Байкальского региона) // Власть. 2010. № 7. С. 144–149.

39. Эрмитаж // Руль. 1920. № 33. 24 дек. С. 4.

40. Янкевич С. В. Эволюция обращения драгоценных металлов и драгоценных камней в России в 1917–2005 годах // Страницы истории. 2015. № 11 (635). С. 50–60.

18. Lysenko, A.V. (2023) The Role of the Russian-Language Émigré Press of Berlin in Aid to the Starving in Soviet Russia. *Medi@l'manakh.* 3. pp. 30–37. (In Russian). DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2023.3037

19. Lysenko, A.V. (2000) *Evolyutsiya russkoyazychnoy pressy Berlina ot protivostoyaniya k kul'turno-politicheskomu dialogu s sovetskoy Rossiey (1919–1922 gg.)* [Evolution of the Russian-Language Press of Berlin from Confrontation to Cultural and Political Dialogue with Soviet Russia (1919–1922)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow. 21 p.

20. Lyaporova, E.N. (2008) *Obraz sovetskogo gosudarstva v predstavleniyakh russkoy emigratsii v 20-e gody XX veka na primere vzglyadov P.N. Milyukova, A.F. Kerenskogo i I.V. Gessena* [The Image of the Soviet State in the Minds of Russian Emigration in the 1920s Based on the Views of P.N. Milyukov, A.F. Kerensky, and I.V. Gessen]. Abstract of History Cand. Diss. Stavropol: Stavropol State University. 24 p.

21. Mikhalev, N.M. (2009) Russkaya emigrantskaya periodika kak instrument formirovaniya mirovogo obshchestvennogo mneniya [Russian Émigré Periodicals as an Instrument for Shaping World Public Opinion]. *Mediaskop*. 3. pp. 1–21.

22. *Rul'*. (1922) Muzey A.P. Chekhova [A.P. Chekhov Museum]. November 22. 603. p. 5.

23. *Rul'*. (1926) Muzey kontrabandy [Smuggling Museum]. September 13. 1454. p. 5.

24. Muromtseva, L.P. (2018) Rossiyskaya politicheskaya emigratsiya v Germanii (1920–1933 gg.) [Russian Political Emigration in Germany (1920–1933)]. In: *Rossiya i Germaniya: istoriya i sovremennost': sb. nauch. st.* [Russia and Germany: History and Modernity: Collection of Scientific Articles]. Moscow: State Socio-Humanitarian University. pp. 79–95.

25. *Rul'*. (1922) Okhrana istoricheskikh tsennostey [Protection of Historical Values]. April 21. 434. p. 3.

26. *Rul'*. (1922) Otsenka dragotsennostey muzeev [Assessment of Museum Treasures]. March 19. 408. p. 3.

27. *Rul'*. (1921) Po vystavkam [On Exhibitions]. June 18. 176. p. 2.

28. Popova, S.V. (2007) "Rech'" i "Rul'" kak nositeli idey rossiyskogo liberalizma v pervoy treti XX veka [Rech' and Rul' as Carriers of the Ideas of Russian Liberalism in the First Third of the 20th Century]. *Vestnik RGU im. I. Kanta. Ser.: Gumanit. nauki.* 12. pp. 32–35.

29. *Rul'*. (1925) Prodazha tsarskogo imushchestva [Sale of the Tsar's Property]. August 16. 1430. p. 2.

30. Pronin, A.A. & Kondrasheva, M.I. (2012) Periodicheskaya pechat' rossiyskogo zarubezh'ya kak istoricheskiy istochnik [Periodical Press of the Russian Diaspora as a Historical Source]. *Klio*. 10 (70). pp. 37–43.

31. *Rul'*. (1928) Rasprodazha Ermitazha [The Hermitage Sale]. December 2. 2439. p. 1.

32. *Rul'*. (1928) Raskhishchenie [The Plunder]. April 6. 2239. p. 4.

33. Rebrova, I.V. (2008) Kriticheskaya proza russkoy emigratsii "v zerkale" emigrantskoy gazety "Rul'" (V nachale 20-kh godov XX stoletiya) [Critical Prose of the Russian Emigration "In the Mirror" of the Emigrant Newspaper "Rul' " (In the Early 1920s). In: *Russkoe zarubezh'e – dukhovnyy i kul'turnyy fenomen* [The Russian Abroad – A Spiritual and Cultural Phenomenon]. Vol. 2. Moscow: N. Nesterova Moscow Academy of Education. pp. 41–45.

34. Rebrova, I.V. (2003) “Russkiy Berlin” v zerkale literaturnoy kritiki emigrantskoy gazety “Rul’” (nachala 20-kh godov XX stoletiya) [“Russian Berlin” in the Mirror of Literary Criticism of the Emigrant Newspaper “Rul’ ” (Early 1920s)]. In: *Russkoe zarubezh’e – dukhovnyy i kul’turnyy fenomen* [The Russian Abroad – A Spiritual and Cultural Phenomenon]. Part 2. Moscow: N. Nesterova New Humanitarian University. pp. 107–113.

35. *Rul’*. (1930) Sud’ba Novgoroda i Pskova [The Fate of Novgorod and Pskov]. February 2. 2793. p. 9.

36. *Rul’*. (1922) Sud’ba realizovannykh tserkovnykh tsennostey [The Fate of the Realized Church Valuables]. June 7. 471. p. 2.

37. Uryadova, A.V. (2019) Exhibition Activities of the Russian Emigration in the First Half of the Twentieth Century. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 9 (2). pp. 485–500. (In Russian).

38. Tsyrempilova, I.S. (2010) Problemy sokhraneniya i ispol’zovaniya pravoslavnogo kul’turnogo naslediya v kontekste gosudarstvenno-tserkovnykh vzaimootnosheniy v 1920-1930-kh gg. (na materialakh Baykal’skogo regiona) [Problems of Preserving and Using the Orthodox Cultural Heritage in the Context of State-Church Relations in the 1920s and 1930s. (Based on Materials from the Baikal Region). *Vlast’*. 7. pp. 144–149.

39. *Rul’*. (1920) Ermitazh [Hermitage]. December 24. 33. p. 4.

40. Yankevich, S.V. (2015) Evolyutsiya obrashcheniya dragotsennykh metallov i dragotsennykh kamney v Rossii v 1917–2005 godakh [Evolution of the Circulation of Precious Metals and Precious Stones in Russia in 1917–2005]. *Stranitsy istorii*. 11 (635). pp. 50–60.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Чувилькина, Ю. В. Советские музеи в публикациях эмигрантской газеты «Руль» (20-е годы XX века) / Ю. В. Чувилькина. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.40.4.005 // Наследие веков. – 2024. – № 4. – С. 76–87. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/633/545 (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Chuvilkina, Yu.V. (2024) Soviet Museums in the Publications of the Emigrant Newspaper *Rul’* (1920s). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 4. pp. 76–87. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.005

БЛАГОДЕР Юлия Гариевна
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории
Кубанского государственного технологического университета,
Краснодар, Российская Федерация
blagoder_1@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5257-1188

ВЕРДЯН Леон Варданович
аспирант кафедры истории
Кубанского государственного технологического университета,
Краснодар, Российская Федерация
verdyan-2000@mail.ru

УДК: 327.364:[391.75+737.26+737.23](470+571)"196/198"
ГРНТИ: 03.81.99
ВАК: 5.6.1.
DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.006

Памятные знаки Советского Комитета защиты мира: типология и символика (по материалам Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации)

Исследование посвящено созданию типологической классификации нагрудных знаков и памятных медалей Советского комитета защиты мира (СКЗМ) 1960–1980-х гг. на основе выявления и анализа основных элементов символики этих артефактов в историко-культурном контексте. В качестве материалов использованы памятные знаки СКЗМ и его местных комите-

тов. Основная часть материалов заимствована из Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации. Проанализированы наградные материалы СКЗМ, значки членов организации и нагрудные знаки, связанные с масштабными мероприятиями и инициативами. Исследование показало многообразие форм и значений памятных знаков СКЗМ: выделены две основные типологические группы: знаки общесоюзного СКЗМ (членские нагрудные знаки, юбилейные медали, знаки на иностранных языках) и знаки местных комитетов с региональной спецификой. Символика включала традиционные элементы (колокол, земной шар, голубь мира, оливковая ветвь) и национальные и региональные символы.

Ключевые слова: Советский комитет защиты мира, Всемирный Совет мира, корпоративная фалеристика, памятные знаки, нагрудные знаки, памятные медали.

Советский комитет защиты мира (СКЗМ) – общественная организация, созданная в СССР в августе 1949 г. по решению Политбюро ЦК КПСС как структурное подразделение Всемирного Совета мира. Деятельность комитета реализовывалась в соответствии с внешнеполитической стратегией советского государства, ориентированной на конструирование международного образа СССР как последовательного участника глобальных миротворческих инициатив. Основные направления деятельности включали популяризацию программ по запрещению производства, испытаний и применения ядерного оружия, что репрезентировалось как единство официальной позиции советского руководства и гражданских инициатив в сфере международной безопасности [53, с. 127]. В 1992 г. организация была реорганизована в Федерацию мира и согласия, сохранив ключевые направления деятельности: международное сотрудничество, участие в структурах ООН и взаимодействие с ЮНЕСКО.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью изучения памятных знаков СКЗМ в контексте их роли в формировании культурно-политических нарративов советского периода. Данные артефакты служат инструментом фиксации историко-событийной информации, включая данные о ключевых инициативах и их участниках, и предполагают актуализацию историко-культурной значимости мемориальных объектов и локусов памяти. Существенное значение имеет их способность к визуальной репрезентации ценностных ориентиров, подчеркивающих приверженность гуманистическим принципам, при сохранении автономной эстетической ценности как объектов декоративно-прикладного искусства. Следует также согласиться с мнением С. А. Мальченкова, считающего, что советская символика способна выступать «инструментом сохранения единой цивилизационной идентичности народов, проживающих на постсоветском пространстве» [41, с. 626].

Помимо этого, памятные знаки выполняют социально-мобилизационную функцию, способствуя привлечению общественного внимания к вопросам сохранения исторического наследия советского периода, которое остается частью коллективной памяти многих россиян. Символика СССР, отражающая достижения и успехи того времени, воспринимается как часть исторического процесса, имеющая близкую связь с настоящим, и поэтому важна в аспекте патриотического воспитания подрастающего поколения. Вместе с тем элементы советского дизайна интегрируются в современную культуру, моду и искусство, что делает изучение их происхождения и смысла востребованным.

Важно также учитывать и социально-политическую значимость рассматриваемой проблемы, приобретающей особую актуальность сейчас, когда Российская Федерация ведет напряженную борьбу за построение справедливого многополярного мира, основами которого являются открытость и взаимосвязанность, многообразие как фундамент развития, равноправие, справедливость, всеобщая безопасность и прочный мир, «построенный на уважении интересов всех: от великих, больших государств до малых стран» [14]. Продви-

жение международной позиции России среди граждан иностранных государств, поддержка и популяризация русского языка и культуры народов России за рубежом оказываются в настоящее время существенно важными, поэтому исследование фалеристических материалов СКЗМ, многие из которых были предназначены для распространения среди зарубежной аудитории, а также анализ позитивного опыта использования символики в коммуникации с этой аудиторией, могут в какой-то степени способствовать достижению цели.

Советская гуманитаристика акцентировала исследовательский фокус на анализе генезиса и механизмов формирования геральдических знаков, символических систем и памятных артефактов предшествующих эпох через призму вспомогательных исторических дисциплин. Интерес к фалеристике проявляли не только академические исследователи, но и коллекционеры. Трансформации политического ландшафта начала 1990-х гг., обусловленные распадом СССР и крахом социалистической модели, оказали существенное влияние на развитие историографии. Данный период характеризовался переосмыслением отношения к советскому историко-культурному наследию, включая дезинтеграцию консенсуса относительно сохранения символических репрезентаций советской эпохи.

В настоящее время наблюдается активизация интереса к национальной символике и практике коллекционирования знаков и эмблем, однако системные исследования, посвященные гражданским наградам, почетным и памятным знакам, корпоративной символике, остаются маргинальным направлением в российской науке. Следует констатировать, что наиболее подробно изучены знаки отличия, имевшие распространение в системе профессионального образования. В частности, историографический аспект проблемы применительно к периоду Российской империи проанализировал Д. В. Майборода [39], им же исследован массив нагрудных знаков гражданских учебных заведений СССР [40]. Академическим нагрудным знакам, выпущенным в дореволюционный период и в советскую эпоху посвятили свои изыскания А. Г. Стацура [55] и Я. А. Глотова [10]. Памятные знаки, вручавшиеся выпускникам гражданских учебных заведений различного профиля, попали в фокус внимания А. В. Барановского (дореволюционные горные учебные заведения) [2], А. М. Скрынника (морское транспортное образование в советский период) [51] и П. В. Бочкова (духовное образование до революции) [5] [7]. Отдельные работы затрагивали специфические характеристики памятных знаков, распространенных в системе железнодорожного транспорта в дореволюционный [11] и советский периоды [9], анализировались нагрудные знаки детских организаций [44] и корпоративная фалеристика советских предприятий [56].

Корпоративной символике и фалеристическим материалам общественных организаций посвящены исследования уже упоминавшегося П. В. Бочкова (Православное Палестинское Общество) [6], А. Ю. Салыкова и Г. А. Щетинина (Московское нумизматическое общество) [50] и Н. И. Фирсовой (музееведческий ракурс проблемы) [57]. К сожалению, среди выявленных работ отсутствуют изыскания, связанные с анализом памятных знаков, выпускавшихся Советским комитетом защиты мира и его подразделениями. Немногочисленные статьи, относящиеся к раскрытию различных аспектов деятельности данной организации (в частности, исследования Т. В. Раевой [47] [48] [49], Е. В. Плотниковой [45], А. Г. Викторова [8], Ю. Г. Благодер и Л. В. Вердяна [4]), также не содержат никаких упоминаний о нагрудных знаках или памятных медалях СКЗМ. Таким образом, обзор историографии позволяет закономерно констатировать недостаточную разработанность заявленной темы.

Цель исследования заключается в создании типологической классификации нагрудных знаков и памятных медалей Советского комитета защиты мира, выпущенных в период 1960–1980-х гг. Достижение данной цели предполагает в том числе выявление основных элементов, изображенных на анализируемых объектах, в результате научного описания последних.

Самую объемную группу материалов настоящего исследования сформировали компактные артефакты (нагрудные знаки и памятные медали), выполняющие функцию

фиксации конкретных исторических событий. Наследие Советского комитета защиты мира характеризуется достаточно значительным количеством этих компактных форм, многие из которых хранятся в фондах государственных музеев Российской Федерации. При проведении исследования авторы непосредственно обращались к материалам Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации, представляющего собой электронную базу данных, включающую сведения о музейных предметах и коллекциях, входящих в национальный Музейный фонд. Для нужд исследования были задействованы предметы, находящиеся на хранении в более чем двадцати музеях России. В качестве материалов для исследования также привлекались результаты научных изысканий, связанные с этапами развития изучаемой общественной организации.

Методологическая основа исследования базируется на диалектическом подходе, предполагающем выявление и анализ факторов, детерминирующих политико-социальные процессы, а также поведенческие модели индивидов и социальных групп. В рамках данного исследования применяется, в частности, системный метод, который обеспечивает интеграцию разновременных исторических событий и связанных с ними источниковых комплексов. Аналитико-синтетический метод позволяет трансформировать разрозненные данные (памятные знаки, посвященные разнохарактерным событиям) в структурированные исторические источники, репрезентирующие деятельность Советского комитета защиты мира. Важное значение в аспекте реализации целей и задач исследования имеет описательный метод, позволивший выделить наиболее значимые символические элементы изображений, нанесенных на памятные знаки. Типологический метод включает классификацию источников через построение типологических рядов, отражающих специфику конкретных групп исследуемых памятных знаков.

Исследование предполагает ряд стадий, первой из которых является этап идентификации источников, предполагающий поиск и отбор релевантных материалов (письменные документы, фотоизображения, вещественные артефакты). Содержание следующего этапа составило структурирование исследования – разработка концептуальной схемы работы и выбор методологических инструментов. Далее был проведен источниковедческий анализ, в ходе которого осуществлялось критическое изучение и интерпретация выявленных памятных знаков. Завершающим этапом стал синтез результатов и формулирование выводов на основе проведенного анализа.

Изучение смысловых и художественных характеристик изображений, символов, надписей, нанесенных на памятные знаки Советского комитета защиты мира, указание временного периода выпуска памятного знака с установлением политического контекста (конкретного исторического события) позволяют не только выявить идеологические установки и эстетические предпочтения общественных организаций советской эпохи, но и существенно дополнить уже имеющиеся сведения о деятельности Советского комитета защиты мира. Кроме того, реализация цели исследования поможет систематизации знаний о механизмах формирования общественного сознания в контексте историко-культурного процесса, а также будет способствовать формированию объективного отношения к политико-культурному наследию отечественной истории, включая советский период.

* * *

Более чем сорокалетний период существования СКЗМ отмечен достаточно активной деятельностью, соответствовавшей декларировавшимся задачам организации. Тем не менее начало выпуска памятных знаков с символикой Комитета, как это следует из собранной источниковой базы, относится к концу 1960-х гг. Судя по всему, первым памятным знаком организации, имевшим широкое распространение, являлся значок «20 лет Советскому комитету защиты мира» (рис. 1). Он имеет квадратную форму, в центре располагается круг с надписью «XX лет». Круг обрамляется пояском с надписью «Советский комитет защиты мира. 1969». Значок, размером 23×23 мм, выполнен в светло-серой цветовой гамме, надписи выпуклые [29].

В подобной стилистике выполнен и выпущенный Московским монетным двором

Рис. 1. Значок «Советский комитет защиты мира». Районный историко-краеведческий музей им. В. М. Комарова. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [29]

Fig. 1. Badge "Soviet Peace Committee". Komarov District Museum of History and Local Lore. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [29]

в 1974 г. нагрудный знак «XXV лет Советскому комитету защиты мира» (рис. 2), отличающийся от упомянутого знака ромбовидной формой, наличием колодки с муаровой лентой светло-голубого цвета (размеры знака – 29×29 мм, колодки – 28×16 мм, внизу колодки изображена ветка лавра) и содержанием надписи («XXV лет» и, соответственно, «1974») [16].

Значимым элементом наградной системы СКЗМ являлась бронзовая медаль «Борцу за мир», вручавшаяся активистам Комитета. На аверсе медали изображен флаг, удерживаемый рукой, на реверсе – надпись «МИР», выполненная заглавными буквами. Медаль снабжена колодкой с муаровой лентой светло-голубого цвета. Вес памятного знака составляет 19,2 г, размеры – 45×26 мм [17] (рис. 3).

Три описанных знака можно отнести к корпоративным наградам СКЗМ, судя по всему, вручавшимся особо активным его членам или выполнявшим роль памятной награды для лиц, не участвовавших напрямую в деятельности организации.

Основным атрибутом членства в Комитете являлся нагрудный знак круглой формы с официальным названием организации на русском и английском языках («Советский комитет защиты мира – Soviet peacecommittee»), обрамлявшим символическое изображение колокола как эмблемы организации, переходящее в стилизованные контуры земного шара. Данный знак не содержал явных политико-идеологических элементов, выполняя функцию идентификации участников организации. На протяжении двух десятилетий было выпущено значительное количество его разнообразных вариаций, отличающихся размерами, материалом, цветовой гаммой и другими элементами.

Рис. 2. Знак нагрудный. «XXV лет Советскому комитету защиты мира». Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [16]

Fig. 2. Chest badge "XXV Anniversary of the Soviet Peace Committee". Pereslavl-Zalessky State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [16]

Наиболее распространенный вариант (рис. 4) был основан на сочетании голубого, красного, серебристого и белого цветов (на голубом фоне рисунок белого цвета; надпись серебристыми буквами по кругу на красном фоне, диаметр значка – 20,5 мм) [36]. Достаточно редкой модификацией являлась форма описанного нагрудного знака на металлической колодке в форме прямоугольника с треугольником внизу, содержавшей надпись золотом по красной эмали «Я + ТЫ = МИР» (рис. 5a, 5b). В самом знаке, имевшем диаметр 30 мм (общая длина знака и колодки составляла 48 мм), сочетались позолота, синий и белый цвета [38].

Рис. 3. Знак почетный «Борцу за мир» (Советский комитет защиты мира). Музейное объединение «Музей Москвы». Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [17]

Fig. 3. Honorary badge "To the Fighter for Peace" (Soviet Peace Committee). Museum Association "Moscow Museum". Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [17]

Более поздняя версия данного нагрудного знака относится к 1988 г. и представляет собой металлическую окружность диаметром 60 мм с монохромной символикой Комитета, напечатанной на белом фоне (рис. 6) [27].

Отдельную группу нагрудных знаков представляют собой значки, содержащие изображения, традиционно ассоциирующиеся с борьбой за мир. К числу таковых можно отнести небольшой знак «Мир. Сотрудничество. Разоружение», выпущенный СКЗМ в 1985 г., он был изготовлен из металла методом штамповки (рис. 7). Поверхность, диаметром 22 мм, покрыта эмалевым рисунком, изображающим символ земного шара на фоне голубя мира и обрамленным надписью на английском языке: «Peace. Cooperation. Disarmament. Soviet Peace Committee» [«Мир. Сотрудничество. Разоружение. Советский комитет защиты мира][1] [32]. К 1985 г. относится и значок «Наилучшие пожелания» (рис. 8) с выполненным в желтой и красной цветовой гамме напечатанным изображением русской матрешки, держащей в руках голубя мира [26]. Диаметр знака – 60 мм, надпись на английском языке выше изображения вдоль окружности – «Best greetings» [«Наилучшие пожелания»], вдоль окружности под изображением – «Soviet Peace Committee» [«Советский комитет защиты мира»].

Рис. 4. Значок Советского комитета защиты мира. Сухобузимский районный краеведческий музей. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [36]

Fig. 4. Badge of the Soviet Peace Committee. Sukhobuzimsky District Museum of Local Lore. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [36]

Достаточно интересны нагрудные знаки, относящиеся ко второй половине 1980-х гг. и отражающие связанную с этим периодом разрядку во взаимоотношениях между СССР и США. Так, в 1988 г. были созданы значки СКЗМ с изображением советского и американского флагов в качестве фона. На одном из значков изображен стилизованный голубь мира (рис. 9) [34], на дру-

Рис. 5a, 5b. Значок «Я+Ты=Мир. Советский комитет защиты мира». Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [38]

Fig. 5a, 5b. Badge "I + You = Peace. Soviet Peace Committee". Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [38]

[1] Здесь и далее перевод наш.– *Прим. авт.*

Рис. 6. Значок памятный «Советский комитет защиты мира». Государственный центральный музей современной истории России. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [27]

Fig. 6. Commemorative badge "Soviet Peace Committee". State Central Museum of Contemporary History of Russia. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [27]

Рис. 7. Значок Советского комитета защиты мира «Мир. Сотрудничество. Разоружение». Государственный исторический музей. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [32]

Fig. 7. Badge of the Soviet Peace Committee "Peace. Cooperation. Disarmament". State Historical Museum. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [32]

Рис. 8. Значок «Наилучшие пожелания Советскому комитету защиты мира» (на английском языке). Государственный исторический музей. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [26]

Fig. 8. Badge "Best Greetings to the Soviet Peace Committee" (in English). State Historical Museum. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [26]

гом располагается надпись белыми буквами «Москва» (рис. 10) [33]. Диаметр обоих значков – 60 мм, изображения нанесены краской на пластмассовую основу.

В рассматриваемый период выпускались нагрудные знаки, приуроченные к отдельным наиболее ярким событиям, связанным с миротворческими инициативами и их реализаци-

Рис. 9. Значок Советского комитета защиты мира с изображением советского и американского флагов и голубя мира. Государственный центральный музей современной истории России. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [34]

Fig. 9. Badge of the Soviet Peace Committee with the image of the Soviet and American flags and the dove of peace. State Central Museum of Contemporary History of Russia. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [34]

Рис. 10. Значок Советского комитета защиты мира с изображением советского и американского государственных флагов. Государственный центральный музей современной истории России. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [33]

Fig. 10. Badge of the Soviet Peace Committee with the image of the Soviet and American state flags. State Central Museum of Contemporary History of Russia. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [33]

Рис. 11. Значок Советского комитета защиты мира (в честь советско-американской встречи в верхах). Государственный центральный музей современной истории России. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [30]

Fig. 11. Badge of the Soviet Peace Committee (in honor of the Soviet–American summit). State Central Museum of Contemporary History of Russia. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [30]

Рис. 12. Значок Советского комитета защиты мира «Круиз мира СССР – США». Государственный центральный музей современной истории России. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [31]

Fig. 12. Badge of the Soviet Peace Committee "Peace Cruise USSR–USA". State Central Museum of Contemporary History of Russia. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [31]

ей. Так, в стилистике, аналогичной упомянутым значкам второй половины 1980-х гг., выполнен нагрудный знак, выпущенный в 1988 г. в связи с советско-американской встречей в верхах (рис. 11). На нем изображены два сердца в цветах национальных флагов СССР и США, составляющих фон для эмблемы СКЗМ [30]. Встреча в Москве М. С. Горбачева и Президента США Р. У. Рейгана проходила с 29 мая по 2 июня 1988 г. [52]. Советское руководство в тот период было убеждено в правильности своего политического курса и желало соответствующим образом повлиять на общество, этим стремлением объясняется использование образов и символики, комплементарной по отношению к геополитическому противнику.

В группу памятных знаков, приуроченных к отдельным событиям, входит значок, посвященный Круизам Мира «СССР – США»,–мероприятиям, проходившим в обеих странах в 1984–1988 гг. Так, летом в 1984 г. на теплоходе «Александр Пушкин» совершили плавание по Дону и Волге 107 граждан США [54]. Летом следующего года такой круиз по Волге был организован также для американцев. Он завершился в день окончания XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов [46]. В летние месяцы 1986 г. советские общественные деятели путешествовали с миссией мира по реке Миссисипи [12]. Упомянутый нагрудный знак сочетал национальную символику обеих стран с эмблемой комитета защиты мира и морской атрибутикой (изображением бумажного кораблика и морских волн), а также надписями с на английском и русском языках «Peace cruise» – «Круиз мира» (рис. 12) [31].

Достаточно сильно отличался по своей цветовой гамме нагрудный знак, выпущенный в ознаменование советского моратория на ядерные взрывы 1985–1986 гг. Напечатанный на круглой металлической основе диаметром 37 мм рисунок содержит стилизованное изображение ядерного взрыва (так называемый «гриб») на желтом фоне, перечеркнутое крест-накрест красными линиями (рис. 13) [35]. Это изображение заключено в красный же восьмиугольник с надписью на английском языке черными буквами: «The Soviet nuclear test moratorium Aug 6th 1985 – Jan 1st 1986» [«Советский мораторий на ядерные взрывы 6 августа 1985–1 января 1986»]. Установленный СССР мораторий был продлен дважды (в январе и августе 1986 г.), на нагрудном знаке отражена первоначальная дата завершения моратория. Соединенные Штаты в целом позитивно отреагировали на советскую инициативу, но аналогичных шагов не предприняли [3, с. 44].

Рис. 13. Значок Советского комитета защиты мира «Советский мораторий на ядерные взрывы 6 августа 1985 г. – 1 января 1986 г.» Государственный центральный музей современной истории России. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [35]

Fig. 13. Badge of the Soviet Peace Committee "Soviet Moratorium on Nuclear Explosions from August 6, 1985, to January 1, 1986". State Central Museum of Contemporary History of Russia. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [35]

Выпускались СКЗМ и фалеристические материалы, не относящиеся к нагрудным знакам, среди которых значительный интерес представляет жетон 1988 г., известный как «1 рубль-доллар разоружения» (рис. 14a, 14b). Изготовленный из сплава алюминия и титана, полученного при утилизации баллистических ракет Р-12 (согласно Договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности), он со-

Рис. 14a, 14b. Жетон сувенирный. «1 рубль-доллар разоружения». Советский комитет защиты мира. Чесменский историко-краеведческий музей им. А. Н. Беликова. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [13]

Fig. 14a, 14b. Souvenir token. 1 Ruble – Disarmament Dollar. Soviet Peace Committee. Chesme Museum of History and Local Lore named after A. N. Belikov. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [13]

провождался сертификатом на русском и английском языках [13].

В центре жетона, диаметром 40 мм, на аверсе расположена эмблема Советского комитета защиты мира: очертания колокола над стилизованным земным шаром. По окружности вдоль канта надпись: сверху – «Советский комитет защиты мира», снизу – «Soviet peace committee». На реверсе в центре обозначен символический номинал – крупная цифра «1», справа от которой надписи в две строки: «Рубль разоружения» сверху и «Disarmament dollar» снизу, разделенные горизонтальной лавровой ветвью. Ниже находится меньшая по размеру надпись «1988» (дата выпуска). Сверху вдоль канта – надпись полукругом «Принимается как знак дружбы», ниже также полукругом, но более мелким шрифтом – «Сделано из металла ракеты». Снизу вдоль канта полукругом расположена надпись английского перевода этих фраз в две строки: мелким шрифтом – «Made of missile metal», ниже крупно – «Accepted as a token of friendship».

Экземпляры описанного выше жетона были вручены ряду политических деятелей (Р. У. Рейгану, М. Х. Тэтчер, М. С. Горбачеву и др.), а средства от их реализации направлены на благотворительные проекты, включая помощь ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС.

Интереснейший, хотя практически неизученный массив памятных знаков представляют собой фалеристические материалы, выпускавшиеся местными (республиканскими и областными) комитетами защиты мира. Сеть этих комитетов как разветвленная структура оформилась в начале 1970-х гг. [49, с. 21].

Оригинальностью отличается символика Волгоградского областного комитета защиты мира, отраженная на его памятных знаках. В частности, на значке, выпущенном данным комитетом, в профиль изображена фигура девушки. В правой руке она держит земной шар, а левой – касается снопа пшеницы (рис. 15). По краю листовидной формы, закрепленной на колодке с изображением двух голубей, расположена надпись «Волгоград. Областной комитет защиты мира». Общий размер значка – 30×60 мм [18].

Стилизованное рукопожатие является композиционной основой памятного знака «Активисту борьбы за мир», выпущенного Краснодарским комитетом защиты мира в 70-х гг. XX в. (рис. 16). Фон составлен из

Рис. 15. Значок «Волгоград. Областной комитет защиты мира» с изображением голубей и девушки, держащей глобус. Волжский музейно-выставочный комплекс. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [18]

Fig. 15. Badge "Volgograd. Regional Peace Committee" with the image of doves and a girl holding a globe. Volga Museum and Exhibition Complex. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [18]

изображения земного шара и расходящихся лучей. У края окружности сверху находится надпись, отражающая наименование знака. Медаль размещена на прямоугольной колодке с изображением золотого колоса на красном эмалевом фоне [15]. Знак, размером 35×60 мм, довольно качественно выполнен методом чеканки.

Выпущенный в Сочи в конце 1980-х гг. значок Краснодарского краевого комитета защиты мира (рис. 17) в целом повторяет символику, характерную для памятных знаков центрального Комитета (см. рис. 6): колокол и изображение глобуса [20]. Значок, диаметром 20 мм, выполнен в золотистых и красных тонах, по краю имеется надпись «Краснодар. Краевой комитет защиты мира».

Рис. 16. Знак «Активисту борьбы за мир» Краснодарского краевого комитета защиты мира. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [15]

Fig. 16. Badge "To the Activist of the Struggle for Peace" of the Krasnodar Regional Peace Committee. Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [15]

Рис. 17. Значок «Краснодар. Краевой комитет защиты мира». Музей истории города-курорта Сочи. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [20]

Fig. 17. Badge "Krasnodar. Regional Peace Committee". Museum of the History of the Resort City of Sochi. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [20]

Рис. 18. Значок «Ленинград. Комитет защиты мира». Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [21]

Fig. 18. Badge "Leningrad. Peace Committee". State Museum of the History of St. Petersburg. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [21]

Рис. 19. Значок «Ленинград Комитет защиты Мира». Пятигорский краеведческий музей. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [22]

Fig. 19. Badge "Leningrad. Peace Committee". Pyatigorsk Museum of Local History. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [22]

Рис. 20. Значок «Ленинградский комитет защиты мира». Центральный военно-морской музей им. императора Петра Великого. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [23]

Fig. 20. Badge "Leningrad Peace Committee". Peter the Great Central Naval Museum. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [23]

Рис. 21. Значок Московского комитета защиты мира. Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [25]

Fig. 21. Badge of the Moscow Peace Committee. Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [25]

Монумент «Мать-Родина» на Пискаревском мемориальном кладбище изображен на значке Ленинградского комитета защиты мира, относящемуся к 1960–1970-м гг. (рис. 18). Знак, размером 20×29 мм, выполнен в форме испанского геральдического щита, фигура изображена в центре на синем фоне, по краю – металлизированная полоса с надписью «Ленинград Комитет защиты мира» [21]. Другие нагрудные знаки Ленинградского Комитета, отличаясь некоторой спецификой, воспроизводят общепринятую символику борцов за мир, в частности, изображение голубя мира, фигурирующее на значках 1970 г. [22] (рис. 19) и 1984 г. [23] (рис. 20). Эта символика дополняется надписью с названием комитета. Знаки отличаются друг от друга лишь цветом фона: голубым – для версии 1970 г. и белым – для версии 1984 г., размер знака – 21×29 мм.

На значке Московского комитета защиты мира (рис. 21) в центре на фоне голубого земного шара с серебристыми рельефными параллелями и меридианами изображен белый голубь и оливковая ветвь с разноцветными листьями (желтого, голубого, черного,

Рис. 22. Значок памятный «Хабаровский краевой комитет защиты мира». Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [28]

Fig. 22. Commemorative badge "Khabarovsk Regional Peace Committee". N. I. Grodekov Khabarovsk Regional Museum. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [28]

Рис. 23. Значок. Кировский комитет защиты мира. Кировский областной краеведческий музей им. П. В. Алабина. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [19]

Fig. 23. Badge. Kirov Peace Committee. P. V. Alabin Kirov Regional Museum of Local History. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [19]

зеленого и красного цвета) [25]. Центральная композиция значка заключена в круг, по краю которого размещена черная полоса с серебристой рельефной надписью слова «мир» на разных языках (испанском, английском, русском, немецком, французском): «PAZ. PEACE. МИР. FRIEDEN. PAIX». Черная полоса имеет серебристую окантовку, диаметр знака – 20 мм.

В аналогичной стилистике выполнен нагрудный знак Хабаровского краевого комитета защиты мира (рис. 22): белый голубь, несущий в клюве серебристую оливковую ветвь, на фоне параллелей и меридианов голубого земного шара. Изображение окаймляет лента с надписью позолотой на белом фоне с наименованием комитета-эмитента [28].

Памятный знак Кировского комитета защиты мира (1980) имеет квадратную форму и небольшой размер (19×19 мм) (рис. 23). В центральной его части – изображение ветви оливы (преимущественно занимающее нижнюю часть и левую сторону композиции) и солнца с расходящимися лучами (сверху справа). Надпись на ленте по краю – «Кировский комитет защиты мира» (каждое слово расположено на отдельной стороне квадрата) [19].

Лаконичностью отличается нагрудный знак Татарского комитета защиты мира (рис. 24): прямоугольное поле, размером 40×20 мм, поделено на две неравные части (примерно 5:3). Большая часть (левая) на белом фоне содержит изображение оливковой(?) ветви и надпись с наименованием организации красными буквами. Меньшую часть (правую) занимает стилизованный белый силуэт Спасской башни Казанского кремля на красном фоне [37].

Рис. 24. Значок «Татарский комитет защиты мира». Музейный комплекс города Казани. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [37]

Fig. 24. Badge "Tatar Peace Committee". Kazan Museum Complex. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [37]

Появление фалеристических материалов местных комитетов защиты мира достаточно редко связывалось с отдельными мероприятиями. Некоторым ис-

ключением здесь может послужить значок «Марафон “Гандвик”», выпущенный в 1980-е гг. в Архангельске местным комитетом защиты мира и приуроченный к ежегодному марафонскому забегу, проводимому в городе с 1984 г. [1]. Знак двухсторонний, квадратной формы, размером 50×57 мм (рис. 25a, 25b), на лицевой стороне на светло-синем фоне изображены четыре бегущие фигуры, обрамленные надписью «Марафон Гандвик Архангельск». На оборотную сторону нанесено светло-синей эмалью стилизованное изображение земного шара на серебристом фоне, переходящее в фигуру голубя мира [24].

Рис. 25a, 25b. Значок «Марафон “Гандвик”». Архангельск. Областной комитет защиты мира. Архангельский краеведческий музей. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [24]

Fig. 25a, 25b. Badge “Gandvik Marathon”. Arkhangelsk. Regional Peace Committee. Arkhangelsk Museum of Local History. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [24]

Местными комитетами выпускались не только нагрудные знаки, но и памятные медали, однако их эмиссия в целом была явлением нечастым. Удалось выявить два таких артефакта: медаль Волгоградского комитета защиты мира и областной комиссии содействия Советскому фонду мира и медаль В. В. Сизова «Искусство в борьбе за мир». Первая из них (рис. 26), диаметром 64 мм, отчеканенная в 1984 г., содержит фрагмент того же изображения, что и нагрудный знак Волгоградского комитета (см. рис. 15),– фигуру девушки, держащей в руке земной шар с сидящим на нем голубем. По кругу расположена надпись «Волгоград Областной комитет защиты мира» [43].

Рис. 26. Медаль Волгоградского комитета защиты мира и областной комиссии содействия Советскому фонду мира. Камышинский историко-краеведческий музей. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [43]

Fig. 26. Medal of the Volgograd Peace Committee and the Regional Commission for Assistance to the Soviet Peace Fund. Kamyshin Museum of History and Local Lore. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [43]

Вторая выявленная медаль (рис. 27a, 27b) отличатся высоким уровнем художественного исполнения. Она двусторонняя, изготовлена из металла серого цвета, с рельефными изображениями и надписями. На аверсе в центре – мужская рука (кисть) держит оливковую ветвь, выше – изображение земного шара в сетке меридианов и параллелей, по краю – надпись «Донецкий областной комитет защиты мира». На реверсе справа расположен клин летящих журавлей на фоне солнечного диска, а слева размещена цитата поэта Е. А. Евтушенко. Между словами изображены летящие вниз журавли. По краю – надпись «Искусство в борьбе за мир. Донецкая неделя» [42].

Итак, рассмотренные формы фалеристических материалов демонстрируют преобладание в визуальной символике СКЗМ следующих типов изображений:

— собственно символики СКЗМ (изображение колокола и земного шара);

Рис. 27a, 27b. Медаль В. В. Сизова «Искусство в борьбе за мир». Ялуторовский музейный комплекс. Фото – Государственный музейный каталог Российской Федерации [42]

Fig. 27a, 27b. Medal of V. V. Sizov "Art in the Struggle for Peace". Yalutorovsk Museum Complex. Photo from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation [42]

— изображений, традиционно связываемых с борьбой за мир и международным сотрудничеством (голубь мира, оливковая ветвь, земной шар с параллелями и меридианами, рукопожатия);

— национальной символики (стилизация государственных флагов) и символов, являющихся национальными брендами (матрешка);

— иной символики, связанной с отдельными мероприятиями.

Символика местных комитетов защиты мира более разнообразна и отражает, помимо общесоюзной палитры символов, изображения, являющиеся идентификаторами региона (Спасская башня Казанского кремля для Татарской АССР, Монумент «Мать-Родина» на Пискаревском мемориальном кладбище для Ленинграда, колос как символ всесоюзной житницы для Кубани и т.д.).

В целом же весь объем рассмотренных фалеристических материалов, описывающих памятные знаки СКЗМ, можно разделить на несколько типологических групп:

1. Памятные знаки общесоюзного СКЗМ, в число которых входят:

— членские нагрудные знаки;

— памятные юбилейные медали и нагрудные знаки;

— нагрудные знаки с символикой СКЗМ и надписями исключительно на иностранных языках (вероятно, выпускавшиеся для зарубежной аудитории);

— нагрудные знаки, выпуск которых был приурочен к каким-либо важным мероприятиям или событиям, связанным с развитием международного сотрудничества и мирными инициативами.

2. Памятные знаки местных комитетов СКЗМ, среди которых можно выделить:

— членские нагрудные знаки с символикой местного комитета;

— нагрудные знаки, выпускавшиеся к каким-либо важным событиям, связанным с основной деятельностью местного комитета защиты мира.

Таким образом, анализ материальных источников демонстрирует многообразие форм и семантики, а также различия в историко-художественной ценности памятных знаков СКЗМ. Эти артефакты служат элементом политического и культурного наследия СССР, а их систематизация в музейных экспозициях актуальна в контексте изучения истории международных отношений и публичной презентации миротворческих инициатив XX в.

Научная новизна настоящей работы определяется первичным сбором и систематизацией данных о памятных знаках, учрежденных указанной организацией в различные хронологические периоды: в исследовании реконструируются исторические контексты создания памятных знаков, а также проводится анализ изображений и символических элементов, являющихся их составными частями. Результаты проведенного исследования формируют методологическую базу для последующих работ в области анализа семиотики советской эпохи, а также систематизации историко-культурного наследия международного миротворческого движения.

Советские памятные знаки, выступая элементами визуальной репрезентации госу-

дарственной мощи и исторической памяти, на постсоветском пространстве продолжают оставаться объектом неоднозначных интерпретаций, обусловленных трансформацией социокультурных и политических контекстов. Именно поэтому перспективы дальнейшего исследования темы связаны с анализом глобальной узнаваемости советской символики, которая сохраняет статус маркера цивилизационной специфики СССР.

Yulia G. BLAGODER
Dr. Sci. (National History), Docent,
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russian Federation
blagoder_1@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5257-1188

Leon V. VERDYAN
Postgraduate Student,
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russian Federation
verdyan-2000@mail.ru

Commemorative Signs of the Soviet Peace Committee: Symbols and Typology (Based on Materials from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation)

Abstract. The aim of the study is to create a typological classification of chest badges and commemorative medals of the Soviet Peace Committee (SPC) issued in the period from the 1960s to the 1980s. The work is aimed at identifying the main elements depicted on these artifacts and analyzing them in the context of the historical and cultural context. The study materials include chest badges, commemorative medals, and other phaleristic materials issued by SPC and its local committees. The bulk of the material was obtained through the analysis of the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation; artifacts stored in more than twenty museums in Russia were used. The work uses systemic, analytical-synthetic, descriptive, and typological methods. The study identified and analyzed phaleristic materials related to the SPC award system, badges of ordinary members of the organization, as well as chest badges, the issue of which was timed to coincide with any important events or occasions related to the development of international cooperation and peace initiatives. The study established that the symbols of local peace committees were quite diverse and included, in addition to the all-Union palette of symbols, images that were identifiers of a particular region (for example, the Spasskaya Tower of the Kazan Kremlin for the Tatar ASSR, the Motherland Monument at the Piskarevskoye Memorial Cemetery for Leningrad, etc.). Local committees also issued commemorative signs dedicated to significant events of regional significance (e.g., sports events related to the struggle for peace). The findings of the study demonstrate the diversity of forms and semantics of the SPC commemorative signs. Two main typological groups were identified: commemorative signs of the all-Union SPC and of local committees. The first group includes membership badges, anniversary medals, badges with the SPC symbols in foreign languages, and badges dedicated to important events. The second group includes the signs of local committees reflecting regional specifics. The symbols of the signs include images of a bell, globe, dove of peace, olive branch, as well as national and regional symbols and brands. The scientific novelty of the work lies in the primary collection and systematization of data on the commemorative signs of SPC, which forms a methodological basis for further research in the field of semiotics of the Soviet era and the historical and cultural heritage of the international peacekeeping movement.

Keywords: Soviet Peace Committee, World Peace Council, corporate phaleristics, commemorative badges, chest badges, commemorative medals.

Использованная литература:

1. 1-й марафонский пробег мира «Гандвик», посвященн[ый] 400-летию г. Архангельска, 3 июня 1984 [Электронный ресурс] // Портал для любителей бега «ПроБЕГ». URL: https://probeg.org/event/6972/ (дата обращения: 12.10.2024).

2. Барановский А. В. Знаки и значки дореволюционных горных учебных заведений // Горная промышленность. 2017. № 3 (133). С. 106.

3. Барсенков А. С. «Новое мышление» во внешней политике СССР (1985–1991) // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 41–73.

4. Благодер Ю. Г., Вердян Л. В. Вклад Советского комитета защиты мира в продвижение принципов гуманизма // Социально-гуманитарный аспект научного знания: современность и перспективы развития: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 26 мая 2023 г.). Краснодар: Кубан. гос. аграрн. ун-т им. И. Т. Трубилина, 2023. С. 88–92.

5. Бочков П. В. Нагрудные знаки выпускников высших духовных учебных заведений РПЦ новейшего периода: частный опыт и академическая традиция // Труды Барнаульской духовной семинарии. 2022. № 11. С. 67–72.

6. Бочков П. В. Памятные, членские и иные знаки и медали Императорского Православного Палестинского Общества от момента учреждения и до наших дней // Ипатьевский вестник. 2024. № 2 (26). С. 85–133. DOI 10.24412/2309-5164-2024-2-85-133.

7. Бочков П. В. К вопросу о нагрудных знаках духовных школ русской православной церкви: от истории учреждения до наших дней // Ипатьевский вестник. 2021. № 3 (15). С. 124–169. DOI 10.24412/2309-5164-2021-3-124-169.

8. Викторов А. Г. Влияние Советского комитета защиты мира (СКЗМ) на развитие общественно-политической ситуации в 1965–1985 гг. // Бюллетень науки и практики. 2016. № 9 (10). С. 168–170. DOI 10.5281/zenodo.154288.

9. Власов В. Г. История стальных магистралей в нагрудных знаках // Путь и путевое хозяйство. 2011. № 3. С. 38.

10. Глотова Я. А. Об академическом нагрудном знаке // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник Российского государственного художественно-промышленного университета им. С. Г. Строганова. 2021. № 1-2. С. 247–254.

11. Голубев А. А. Железнодорожная символика в нагрудных знаках наградной системы Российской империи // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2010. Т. 4, № 2. С. 72–87.

12. Гречко Г. Круиз мира // Гречко Г. Космонавт № 34. От лучины до пришельцев. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. С. 206–207.

13. Жетон сувенирный «1 рубль-доллар разоружения». Советский комитет защиты мира. Чесменский историко-краеведческий музей им. А. Н. Беликова. ЧИКМ КП-841 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=30896939 (дата обращения: 10.08.2024).

References:

1. PROBEG. (2024) *The 1st Peace Marathon Run "Gandvik", Dedicated to the 400th Anniversary of Arkhangelsk, June 3, 1984.* [Online] Available from: https://probeg.org/event/6972/ (Accessed: 12.10.2024). (In Russian).

2. Baranovsky, A.V. (2017) Znaki i znachki dorevolyutsionnykh gornykh uchebnykh zavedeniy [Signs and Badges of Pre-Revolutionary Mining Educational Institutions]. *Gornaya promyshlennost'.* 3. p. 106.

3. Barsenkov, A.S. (2012) "Novoe myshlenie" vo vneshney politike SSSR (1985–1991) ["New Thinking" in the Foreign Policy of the USSR (1985–1991)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika.* 1. pp. 41–73.

4. Blagoder, Yu.G. & Verdyan, L.V. (2023) [Contribution of the Soviet Peace Committee to the Promotion of the Principles of Humanism]. *Sotsial'no-gumanitarnyy aspekt nauchnogo znaniya: sovremennost' i perspektivy razvitiya* [Social and Humanitarian Aspect of Scientific Knowledge: Modernity and Development Prospects]. Proceedings of the II International Conference. Krasnodar. 26 May 2023. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin. pp. 88–92. (In Russian).

5. Bochkov, P.V. (2022) Chest Badges of Graduates of Higher Theological Educational Institutions of the Russian Orthodox Church of the Latest Period: Private Experience and Academic Tradition. *Trudy Barnaul'skoy dukhovnoy seminarii*. 11. pp. 67–72. (In Russian).

6. Bochkov, P.V. (2024) Commemorative, Membership and Other Badges and Medals of the Imperial Orthodox Palestine Society From the Moment of Its Establishment to the Present Day. *Ipat'evskiy vestnik.* 2 (26). pp. 85–133. (In Russian). DOI: 10.24412/2309–5164–2024–2–85–133

7. Bochkov, P.V. (2021) On the Issue of Chest Badges of Theological Schools of the Russian Orthodox Church: From the History of the Establishment to the Present Day. *Ipat'evskiy vestnik.* 3 (15). pp. 124–169. (In Russian). DOI: 10.24412/2309–5164–2021–3–124–169

8. Viktorov, A.G. (2016) The Influence of the Soviet Peace Committee (SPC) on the Development of the Socio-Political Situation in 1965–1985. *Byulleten' nauki i praktiki.* 9 (10). pp. 168–170. (In Russian). DOI: 10.5281/zenodo.154288

9. Vlasov, V.G. (2011) Istoriya stal'nykh magistraley v nagrudnykh znakakh [History of Steel Highways in Chest Badges]. *Put' i putevoe khozyaystvo.* 3. p. 38.

10. Glotova, Ya.A. (2021) On the Academic Chest Badge. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo khudozhestvenno-promyshlennogo universiteta im. S. G. Stroganova.* 1–2. pp. 247–254. (In Russian).

11. Golubev, A.A. (2010) Zheleznodorozhnaya simvolika v nagrudnykh znakakh nagradnoy sistemy Rossiyskoy imperii [Railway Symbols in the Chest Badges of the Award System of the Russian Empire]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina.* 4 (2). pp. 72–87.

12. Grechko, G. (2013) Kruiz mira [Cruise of the World]. In: Grechko, G. *Kosmonavt № 34. Ot luchiny do prishel'tsev* [Cosmonaut No. 34. From a Torch to Aliens]. Moscow: OLMA Media Grupp. pp. 206–207.

14. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444 (дата обращения: 16.10.2024).

15. Знак «Активисту борьбы за мир» Краснодарского краевого комитета защиты мира. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. КМ 5884/3 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=52278436 (дата обращения: 10.08.2024).

16. Знак нагрудный. «XXV лет Советскому комитету защиты мира». Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. ПЗМ-12906 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=53698960 (дата обращения: 10.08.2024).

17. Знак почетный «Борцу за мир» (Советский комитет защиты мира). Музейное объединение «Музей Москвы». ММ ОФ-35833 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=54952093 (дата обращения: 10.08.2024).

18. Значок «Волгоград. Областной комитет защиты мира» с изображением голубей и девушки, держащей глобус. Волжский музейно-выставочный комплекс. ВИКМ ОФ 10088 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=56045319 (дата обращения: 10.08.2024).

19. Значок. Кировский комитет защиты мира. Кировский областной краеведческий музей им. П. В. Алабина. КОМК 12315 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25793071 (дата обращения: 10.08.2024).

20. Значок «Краснодар. Краевой комитет защиты мира». Музей истории города-курорта Сочи. МИГКС ОФ-11899/2 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=49824944 (дата обращения: 10.08.2024).

21. Значок «Ленинград. Комитет защиты мира». Государственный музей истории Санкт-Петербурга. ГМИ СПб 299192 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41814738 (дата обращения: 10.08.2024).

22. Значок «Ленинград Комитет защиты Мира». Пятигорский краеведческий музей. ПКМ 7734 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=50658201 (дата обращения: 10.08.2024).

23. Значок «Ленинградский комитет защиты мира». Центральный военно-морской музей им. императора Петра Великого. ЦВММ КП-49704/2 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22102076 (дата обращения: 10.08.2024).

13. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Souvenir Token. 1 Ruble – Disarmament Dollar. Soviet Peace Committee*. Chesme Museum of History and Local Lore named after A. N. Belikov. CHIKM KP-841. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=30896939 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

14. President of the Russian Federation. (2024) Meeting of the Valdai Discussion Club. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444 (Accessed: 16.10.2024). (In Russian).

15. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge "To the Activist of the Struggle for Peace" of the Krasnodar Regional Peace Committee*. Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn. KM 5884/3. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=52278436 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

16. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Chest badge "XXV Anniversary of the Soviet Peace Committee"*. Pereslavl-Zalessky State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve. PZM-12906. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=53698960 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

17. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Honorary Badge "To the Fighter for Peace" (Soviet Peace Committee)*. Museum Association "Moscow Museum". MM OF-35833. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=54952093 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

18. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge "Volgograd. Regional Peace Committee" with the image of doves and a girl holding a globe*. Volga Museum and Exhibition Complex. VIKM OF 10088. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=56045319 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

19. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge. Kirov Peace Committee*. P. V. Alabin Kirov Regional Museum of Local History. KOMK 12315. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25793071 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

20. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge "Krasnodar. Regional Peace Committee"*. Museum of the History of the Resort City of Sochi. MIGKS OF-11899/2. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=49824944 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

21. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge "Leningrad. Peace Committee"*. State Museum of the History of St. Petersburg. GMI SPb 299192. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41814738 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

22. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge "Leningrad. Peace Committee"*. Pyatigorsk Museum of Local History. PKM 7734. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=50658201 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

23. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge "Leningrad Peace Committee"*. Peter the Great Central Naval Museum. TsVMM KP-49704/2. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22102076 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

24. Значок «Марафон “Гандвик”». Архангельск. Областной комитет защиты мира. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-40283/9 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=23816212 (дата обращения: 10.08.2024).

25. Значок Московского комитета защиты мира. Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. ГОМ-22792/17 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16644402 (дата обращения: 10.08.2024).

26. Значок «Наилучшие пожелания Советскому Комитету защиты мира» (на английском языке). Государственный исторический музей. ГИМ 107045/228 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38242518 (дата обращения: 10.08.2024).

27. Значок памятный «Советский Комитет защиты мира». Государственный центральный музей современной истории России. ГЦМСИР ГИК 43670/6 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=55461482 (дата обращения: 10.08.2024).

28. Значок памятный «Хабаровский краевой комитет защиты мира». Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова. ХКМ КП 12687/18 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=47230819 (дата обращения: 10.08.2024).

29. Значок «Советский комитет защиты мира». Районный историко-краеведческий музей им. В. М. Комарова. ВРМ ОФ 0660/17 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=56471631 (дата обращения: 10.08.2024).

30. Значок Советского Комитета защиты мира (в честь советско-американской встречи в верхах). Государственный центральный музей современной истории России. ГЦМСИР ГИК 43670/5 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=55461389 (дата обращения: 10.08.2024).

31. Значок Советского Комитета защиты мира «Круиз мира СССР – США». Государственный центральный музей современной истории России. ГЦМСИР ГИК 43670/1 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=55461619 (дата обращения: 10.08.2024).

32. Значок Советского Комитета защиты мира «Мир. Сотрудничество. Разоружение». Государственный исторический музей. ГИМ 107045/229 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38242504 (дата обращения: 10.08.2024).

33. Значок Советского Комитета защиты мира с изображением советского и американского государственных флагов. Государственный центральный музей современной истории России. ГЦМСИР ГИК 43670/9

24. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge “Gandvik Marathon”*. Arkhangelsk. Regional Peace Committee. Arkhangelsk Museum of Local History. AOCM KP-40283/9. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=23816212 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

25. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge of the Moscow Peace Committee*. Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve. GOM-22792/17. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16644402 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

26. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge “Best Wishes to the Soviet Peace Committee”* (in English). State Historical Museum. GIM 107045/228, [Online] Available from: https://goskatalog.ru /portal/#/collections?id=38242518 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

27. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Commemorative Badge “Soviet Peace Committee”*. State Central Museum of Contemporary History of Russia. GTsMSIR GIK 43670/6. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=55461482 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

28. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Commemorative badge “Khabarovsk Regional Peace Committee”*. N. I. Grodekov Khabarovsk Regional Museum. HCM KP 12687/18. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=47230819 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

29. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge “Soviet Peace Committee”*. Komarov District Museum of History and Local Lore. VRM OF 0660/17. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=56471631 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

30. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge of the Soviet Peace Committee (in honor of the Soviet–American summit)*. State Central Museum of Contemporary History of Russia. GTsMSIR GIK 43670/5. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=55461389 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

31. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge of the Soviet Peace Committee “Peace Cruise USSR–USA”*. State Central Museum of Contemporary History of Russia. GTsMSIR GIK 43670/1. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=55461619 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

32. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge of the Soviet Peace Committee “Peace. Cooperation. Disarmament”*. State Historical Museum. GIM 107045/229. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38242504 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

33. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge of the Soviet Peace Committee with the image of the Soviet and American state flags*. State Central Museum of Contemporary History of Russia. GTsMSIR GIK 43670/9. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=55461461 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

[Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=55461461 (дата обращения: 10.08.2024).

34. Значок Советского Комитета защиты мира с изображением советского и американского флагов и голубя мира. Государственный центральный музей современной истории России. ГЦМСИР ГИК 43670/10 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=55461463 (дата обращения: 10.08.2024).

35. Значок Советского Комитета защиты мира «Советский мораторий на ядерные взрывы 6 августа 1985 г. – 1 января 1986 г.» Государственный центральный музей современной истории России. ГЦМСИР ГИК 43214/21 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22492071 (дата обращения: 10.08.2024).

36. Значок Советского комитета Защиты мира. Сухобузимский районный краеведческий музей. СРКМ КП 129 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=53050484 (дата обращения: 10.08.2024).

37. Значок «Татарский комитет защиты мира». Музейный комплекс города Казани. МНК КП ОФ-4370/1 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31206495 (дата обращения: 10.08.2024).

38. Значок «Я+Ты=Мир. Советский комитет защиты мира». Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. АМЗ КП-41759/4 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=49848989 (дата обращения: 10.08.2024).

39. Майборода Д. В. Нагрудные знаки в системе образования России: опыт изучения // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2011. № 3. С. 107–110.

40. Майборода Д. В. Нагрудные знаки гражданских учебных заведений Советского Союза // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2014. № 2. С. 15–20.

41. Мальченков С. А. Символика СССР как инструмент сохранения единой цивилизационной идентичности постсоветского пространства // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» (Москва, 23–24 нояб. 2022 г.). / отв. ред. В. И. Герасимов. Вып. 6. Ч. 1. М.: Ин-т науч. инф. по обществ. наукам Рос. акад. наук, 2023. С. 626–628.

42. Медаль В. В. Сизова «Искусство в борьбе за мир». Ялуторовский музейный комплекс. ЯМК ОФ-12132 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8194091 (дата обращения: 10.08.2024).

34. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge of the Soviet Peace Committee with the image of the Soviet and American flags and the dove of peace*. State Central Museum of Contemporary History of Russia. GTsMSIR GIK 43670/10. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=55461463 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

35. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge of the Soviet Peace Committee "Soviet Moratorium on Nuclear Explosions from August 6, 1985, to January 1, 1986"*. State Central Museum of Contemporary History of Russia. GTsMSIR GIK 43214/21. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22492071 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

36. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge of the Soviet Peace Committee*. Sukhobuzimsky District Museum of Local Lore. SRCM KP 129. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=53050484 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

37. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge "Tatar Peace Committee"*. Kazan Museum Complex. MNK KP OF-4370/1. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31206495 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

38. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Badge "I + You = Peace. Soviet Peace Committee"*. Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve. AMZ KP-41759/4. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=49848989 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

39. Maiboroda, D.V. (2011) Nagrudnye znaki v sisteme obrazovaniya Rossii: opyt izucheniya [Chest Badges in the Russian Education System: Study Experience]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Istoriya i politicheskie nauki.* 3. pp. 107–110.

40. Maiboroda, D.V. (2014) Nagrudnye znaki grazhdanskikh uchebnykh zavedeniy Sovetskogo Soyuza [Chest badges of civilian educational institutions of the Soviet Union]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Istoriya i politicheskie nauki.* 2. pp. 15–20.

41. Malchenkov, S.A. (2023) [Symbols of the USSR as an Instrument for Preserving a Single Civilizational Identity of the Post-soviet Space]. *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation]. Proceedings of the V International Conference "Greater Eurasia: National and Civilizational Aspects of Development and Cooperation". Moscow. 23–24 November 2022. Vol. 6, Part 1. Moscow: In-t nauch. inf. po sov. sci. sci. rus. acad. Sciences. pp. 626–628. (In Russian).

42. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Medal of V. V. Sizov "Art in the Struggle for Peace". Yalutorovsk Museum Complex*. YAMK OF-12132. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8194091 (Accessed: 08.10.2024).

43. State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. (2024) *Medal of the Volgograd Peace Committee and the Regional Commission for Assistance to the Soviet Peace Fund*. Kamyshin Museum of History and Local Lore. KICM KP 6636/8. [Online] Available from: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=49407868 (Accessed: 08.10.2024).

44. Mukhanov, A.O. & Bulavkin, K.V. (2023) [Study of Some Aspects of the History of the Creation of the Commem-

43. Медаль Волгоградского комитета защиты мира и областной комиссии содействия Советскому фонду мира. Камышинский историко-краеведческий музей. КИКМ КП 6636/8 [Электронный ресурс] // Государственный музейный каталог Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=49407868 (дата обращения: 10.08.2024).

44. Муханов А. О., Булавкин К. В. Изучение некоторых аспектов истории создания памятного нагрудного знака «Октябрятский значок» // Студенческая наука Подмосковью: сб. материалов междунар. науч. конф. молодых ученых (Орехово-Зуево, 10–29 апр. 2023 г.). Орехово-Зуево: Гос. гуманит.-технологич. ун-т, 2023. С. 371–373.

45. Плотникова Е. В. Деятельность Чувашского комитета Общества советско-венгерской дружбы и Чувашского комитета защиты мира в сфере молодежной политики // Проблемы обучения и воспитания в педагогической теории и практике (Чебоксары, 03 апр. 2009 г.). Чебоксары: б. и., 2009. С. 125–130.

46. Попов А. Д. Последнее советское мегасобытие: XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1985 года в Москве // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 1017–1031. DOI 10.21638/11701/spbu24.2018.415.

47. Раева Т. В. «Крепим дело мира»: местные отделения миротворческих организаций в контексте советской культурной дипломатии (на материалах Челябинского архива) // Наука Южно-Уральского государственного университета: материалы 69-й науч. конф. (Челябинск, 04–05 апр. 2017 г.). Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2017. С. 365–372.

48. Раева Т. В. «Против огня войны»: практики советского миротворчества в условиях холодной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 4. С. 58–65. DOI 10.14529/ssh200408.

49. Раева Т. В. Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискурсы, практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 19–25. DOI 10.14529/ssh170203.

50. Салыков А. Ю., Щетинин Г. А. Памятные и наградные медали, знаки и жетоны Московского нумизматического общества, 1988–2008. М.: Древлехранилище, 2009. 108 с.

51. Скрынник А. М. Фалеристика в системе морского транспортного образования: историко-правовой аспект // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 3. С. 54–68. DOI 10.22394/2074-7306-2017-1-3-54-68.

52. Советско-американская встреча на высшем уровне. Москва, 29 мая – 2 июня 1988 года. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1988. 220 с.

53. Соколов А. К., Тяжельникова В. С. Послевоенный сталинизм. Гл. 1. Мир после войны. М.: Высшая школа, 1999. 415 с.

54. СССР глазами иностранцев. Что показал «круиз мира» [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 1984. 9 окт. URL: https://archive.aif.ru/archive/1658050 (дата обращения: 10.08.2024).

55. Стацура А. Г. Фалеристика в системе образования: академические нагрудные знаки // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 1. С. 69–74.

orative Chest Badge "October Badge"]. *Studencheskaya nauka Podmoskov'yu* [Student Science to the Moscow Region]. Proceedings of the International Conference of Young Scientists. Orekhovo-Zuyevo. 10–29 April 2023. Orekhovo-Zuyevo: State Humanitarian and Technological University. pp. 371–373. (In Russian).

45. Plotnikova, E.V. (2009) [Activities of the Chuvash Committee of the Soviet-Hungarian Friendship Society and the Chuvash Peace Committee in the Sphere of Youth Policy] *Problemy obucheniya i vospitaniya v pedagogicheskoy teorii i praktike* [Problems of Training and Education in Pedagogical Theory and Practice]. Conference Proceedings. Cheboksary. 03 April 2009. Cheboksary: [s.n.]. pp. 125–130. (In Russian).

46. Popov, A.D. (2018) The Last Soviet Mega-Event: The 12th World Festival of Youth and Students in Moscow in 1985. *Noveyshaya istoriya Rossii.* 8 (4). pp. 1017–1031. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.415

47. Raeva, T.V. (2017) ["Strengthening the Cause of Peace": Local Branches of Peacekeeping Organizations in the Context of Soviet Cultural Diplomacy (Based on Materials from the Chelyabinsk Archive)]. *Nauka Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Science of South Ural State University]. Proceedings of the 69th Conference. Chelyabinsk. 4–5 April 2017. Chelyabinsk: SUSU. pp. 365–372. (In Russian).

48. Raeva, T.V. (2020) "Against the Fire of War": Soviet Peacekeeping Practices in the Cold War. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki.* 20 (4). pp. 58–65. (In Russian). DOI: 10.14529/ssh200408

49. Raeva, T.V. (2017) The Soviet Peace Movement in Post-War Cultural Diplomacy: Institutions, Discourses, Practices. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki.* 17 (2). pp. 19–25. (In Russian). DOI: 10.14529/ssh170203

50. Salykov, A. Yu. & Shchetinin, G.A. (2009) *Pamyatnye i nagradnye medali, znaki i zhetony Moskovskogo numizmaticheskogo obshchestva, 1988–2008* [Commemorative and Award Medals, Badges and Tokens of the Moscow Numismatic Society, 1988–2008]. Moscow: Drevlekhranilishche. 108 p.

51. Skrynnik, A.M. (2017) Phaleristics in the System of Maritime Transport Education: Historical and Legal Aspect. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik.* 3. pp. 54–68. (In Russian). DOI: 10.22394/2074–7306–2017–1–3–54–68

52. Politizdat. (1988) *Sovetsko-amerikanskaya vstrecha na vysshem urovne. Moskva, 29 maya – 2 iyunya 1988 goda. Dokumenty i materialy* [Soviet-American Summit. Moscow, May 29 – June 2, 1988. Documents and Materials]. Moscow: Politizdat. 220 p.

53. Sokolov, A.K. & Tyazhelnikova, V.S. (1999) *Poslevoennyy stalinizm* [Post-war Stalinism]. Ch. 1. Moscow: Vysshaya shkola. 415 p.

54. *Argumenty i fakty*. (1984) The USSR through the Eyes of Foreigners. What the "Peace Cruise" Showed. October 9. [Online] Available from: https://archive.aif.ru/archive/1658050 (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

55. Statsura, A.G. (2010) Faleristika v sisteme obrazovaniya: akademicheskie nagrudnye znaki [Phaleristics in the Education System: Academic Badges]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'.* 1. pp 69–74.

56. Трегубов Н. Л. О юбилейных нагрудных знаках «В память столетия пожарной команды Первых оружейных заводов СССР в Туле» // Тульский краеведческий альманах. 2024. № 21. С. 97–101.

57. Фирсова Н. И. Нагрудные знаки благотворительных организаций Российской империи в собрании Тотемского музейного объединения // Русский Север – 2023: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сб. работ VII Всерос. науч. конф. (Тотьма, 1 янв. 2023 г.). Вологда: Полиграф-Периодика, 2023. С. 98–104.

56. Tregubov, N.L. (2024) On the Jubilee Badges "In Memory of the Centenary of the Fire Brigade of the First Weapons Factories of the USSR in Tula". *Tul'skiy kraevedcheskiy al'manakh*. 21. pp. 97–101. (In Russian).

57. Firsova, N.I. (2023) [Chest Badges of Charitable Organizations of the Russian Empire in the Collection of the Totma Museum Association]. *Russkiy Sever-2023: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya* [Russian North-2023: Problems of Studying and Preserving Historical and Cultural Heritage]. Proceedings of the VII All-Russian Conference. Totma. 1 January 2023. Vologda: Poligraf-Periodika. pp. 98–104. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Благодер, Ю. Г. Памятные знаки Советского Комитета защиты мира: типология и символика (по материалам Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации) / Ю. Г. Благодер, Л. В. Вердян. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.40.4.006 // Наследие веков. – 2024. – № 4. – С. 88–108. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/651/543 (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Blagoder, Yu.G. & Verdyan, L.V. (2024) Commemorative Signs of the Soviet Peace Committee: Symbols and Typology (Based on Materials from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 4. pp. 88–108. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.006

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ FULL ARTICLE

РЫБАК Кирилл Евгеньевич
доктор культурологии, ассоциированный научный сотрудник
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
Москва, Российская Федерация
kvr1482@gmail.com

ИЗБАЧКОВ Юрий Сергеевич
соискатель Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
Москва, Российская Федерация
strax5@list.ru

УДК: [343.611.2:[347.93+343.985.44]]:930(470.311)"190"
ГРНТИ: 03.09.31
ВАК: 5.6.1.
DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.007

Убийственная формула любви Анны Барюссо: опыт научной реконструкции судебного процесса начала XX века

В исследовании устанавливаются обстоятельства «дела Анны Барюссо» (убийство в подмосковной усадьбе Ляхово, 1909 г.) и определяются основные причины вынесения оправдательного приговора в отношении обвиняемой. Источниками явились прокурорские рапорты, газетные репортажи, материалы уголовного дела и записи в метрических книгах. Представлены события, связанные с преступлением, охарактеризован круг лиц, часто гостивших в усадьбе в описываемый период и являвшихся фигурантами уголовного дела, проанализирован ход судебных заседаний, раскрыта тактика сторон и мотивы участников суда, выявлены ошибки,

допущенные правоохранителями на этапе предварительного следствия и в процессе судебного разбирательства. Установлены факторы, повлиявшие на вынесение присяжными оправдательного вердикта обвиняемой А. Барюссо. Важным практическим аспектом исследования выступает возможность использования забытого эпизода с убийством для раскрытия потенциала усадьбы Ляхово как объекта музейного показа.

Ключевые слова: реконструкция судебного процесса, «дело Анны Барюссо», усадьба Ляхово, Бронницкий уезд, Московский окружной суд, суд присяжных, состояние аффекта, «Формула любви».

Исследование обстоятельств громких преступлений, совершенных многие годы назад, представляет собой один из интереснейших аспектов изучения прошлого. Анализ документальных свидетельств и журналистских публикаций, сделанных «по горячим следам», иногда может существенно дополнить выводы давно завершившегося следствия, выявить новые мотивы злоумышленников и прояснить обстоятельства возникновения соответствующего замысла. Подобные научные изыскания являются в полной мере мультидисциплинарными и охватывают не только область истории права, его институтов и норм, но и предоставляют обширный материал для выводов, касающихся тех или иных сторон социальной истории и истории повседневности, ведь такого рода преступления получали широчайший общественный резонанс. Немаловажное значение имеют и характеристики места совершения преступления, особенно если оно связано с достаточно известными архитектурными и градостроительными объектами, которые ныне обладают статусом, отражающим их высокую культурную ценность. В этом случае историческая реконструкция события преступления и связанных с ним обстоятельств становится частью локальной истории и возникших на ее основе нарративов, легенд, формирующих своеобразную уникальную атмосферу – «гений места», присущий той или иной локации.

В данном исследовании проанализировано так называемое «дело Анны Барюссо», или «Бронницкое убийство», произошедшее в 1908 г. в усадьбе Ляхово под Москвой. Это старинное имение расположено в одноименной деревне Домодедовского района Московской области, в исследуемый период сельцо Ляхово состояло из 39 дворов и располагалось в пределах Лобановской волости, входившей в Бронницкий уезд Московской губернии. Сама же усадьба принадлежала дворянину Алексею Алексеевичу Варгину, который фактически являлся ее последним частным владельцем [18, с. 21].

С 1974 г. архитектурный ансамбль поставлен на государственную охрану [16] как объект культурного наследия федерального значения. Сейчас от усадебного комплекса сохранилось только постепенно разрушающееся главное здание, остальные постройки находятся в руинированном состоянии; парк заброшен, местные жители пасут в нем коз.

Усадьба широко известна как место съемок популярного телевизионного фильма «Формула любви» (Мосфильм, 1984 г., режиссер М. А. Захаров, автор сценария Г. И. Горин, композитор Г. И. Гладков) о приключениях знаменитого итальянского авантюриста графа Алессандро Калиостро в Российской империи. Фильм был снят в жанре музыкальной фантасмагории и запомнился зрителям тонкой историей любви и великолепным актерским составом.

Вместе с тем впервые широкую известность усадьба Ляхово получила в 1908 г., когда в ней из ревности было совершено убийство шестнадцатилетней девушки. Участники тех трагических событий – молодые люди, которых принято называть «золотой молодежью», убийца Анна Барюссо, знакомая хозяев усадьбы Варгиных, вскоре сама сдалась полиции, но в конечном итоге была оправдана, а сам эпизод с убийством в усадьбе Ляхово вскоре утратил свою актуальность для общественного сознания и был забыт.

В историографическом смысле данное дело может рассматриваться как один из случаев, раскрывающих в своей конкретике раз-

личные аспекты истории отечественного права и его институтов (таких, например, как суд присяжных). Подобные случаи, фигурировавшие в судебной практике с 1864 г. (начало судебной реформы), изучались достаточно подробно уже с момента своего возникновения [12]. Существенный всплеск интереса к ним имел место в начале 1990-х гг. [17] и на протяжении последующих десятилетий оставался неизменно высоким. Среди отдельных публикаций, посвященных подобным резонансным делам, следует назвать исследования И. В. Немкевича (о «деле Кроненберга» 1873 г.) [14], А. В. Кокурина (о «деле Прасковьи Качки» 1879 г.) [11], В. В. Хасина (о «Люцинском деле» 1885 г.) [19], К. И. Исаевой и Н. И. Карчевской (о «деле Маргариты Жюжан», 1878 г.) [7], М. Б. Маммаевой и Е. А. Иванченко (о «деле Мавры Волоховой») [13] и др.

Кроме того, рассматриваемое «дело Анны Барюссо» является частным случаем, иллюстрирующим процессы, происходившие в судебно-правовой сфере Российской империи в последней трети XIX – начале XX в., и явления, во многом типичные для нее. Этот круг проблем также получил определенное освещение в научных публикациях. Так, на вынесение оправдательных приговоров судами присяжных обращали свое внимание В. П. Горбачев [1], Ф. Б. Гребенкин и Н. Н. Рогова [2], а также Ф. Ш. Ямбушев и соавторы [47]. А. А. Демичев и В. А. Илюхина рассматривали вопросы гендерного равенства в суде и статус подсудимых женщин [6]; Н. А. Гречишкина исследовала судебные решения, вынесенные в отношении лиц с патологической предрасположенностью к аффективным реакциям [3]; особенности освещения судебных процессов в прессе были изучены Е. В. Переваловой на примере дела Веры Засулич [15].

В целом же, несмотря на обилие смежных и близких в тематическом отношении исследований, приходится констатировать, что в научно-исследовательской и краеведческой литературе «дело Анны Барюссо» не упоминается, хотя в свое время газетные отчеты о его рассмотрении в суде читала вся страна.

Настоящее исследование нацелено на установление обстоятельств «дела Анны Барюссо» и определение основных причин вынесения оправдательного приговора в отношении обвиняемой. Важное значение имеет также выявление практической значимости проведенного исследования в аспекте возможной музеефикации усадебного комплекса Ляхово и последующего создания экскурсионных программ для привлечения посетителей.

Массив использованных источников достаточно разнообразен. Так, в Центральном государственном архиве г. Москвы (ЦГА М) в фонде Московской судебной палаты сохранилось уголовное дело об этом убийстве [22]. Особый интерес в нем представляют материалы полицейского дознания, вопросы рассмотрения дела в Московском окружном суде, а также документы, связанные с обжалованием приговора в Московской судебной палате и Сенате.

Основным источником рассмотрения дела в суде присяжных является серия репортажей в газете «Русское слово» под заголовками «Бронницкое убийство» [8] [9] [10] и «Дело Барюссо» [4] [5]. Если из материалов дела можно составить представление в первую очередь о позиции обвинения, то газетные публикации по большей части раскрывают позицию защиты. Это не удивительно, поскольку подсудимую представлял присяжный поверенный Сергей Иванович Варшавский (1879–1945), который сам был журналистом этой газеты и постоянным представителем редакции газеты «Русское слово» (издательство И. Д. Сытина) в ряде судебных процессов по привлечению редакторов к ответственности за недостоверные публикации. Следует особо отметить, что в газетных статьях слова защитника были представлены гораздо более подробно, нежели в протоколах судебных заседаний.

Подробности судебного заседания, проходившего в основном за закрытыми от публики и репортеров дверями, можно узнать из рапорта товарища прокурора Московского окружного суда Л. П. Олышева прокурору Московской судебной палаты [25, л. 83–86]. Там же изложена общая точка зрения обвинения на рассматриваемое дело, включая характеризующие отзывы о свидетелях. Отдельные сведения можно почерпнуть из личного дела Евгения Евгеньевича Измайлова как кандидата на судебные должности в Московском

окружном суде [27]. Биографические данные об участниках дела (в данном случае – события рождения и заключения браков) содержатся в метрических книгах.

Методологической основой исследования стал системно-исторический подход, применение которого позволило выявить существенные взаимосвязи между рассматриваемыми фактами и включить их в общий контекст событий и явлений, характерных для изучаемого периода. Герменевтический метод позволил интерпретировать факты, относящиеся к событию преступления и поразному истолковываемые сторонами процесса, в правильном ключе, что способствовало установлению логических связей между этими фактами. Другим значимым инструментом исследования стал метод реконструкции, позволивший воссоздать события, связанные с совершенным преступлением и отраженные в дошедших до нас источниках.

Последовательность проведения исследования была продиктована совокупностью избранных методов и самим характером рассматриваемого случая. В первую очередь необходимо в общих чертах описать события, связанные с преступлением, после чего представляется важным восстановить основные биографические факты об обвинявшейся в убийстве Анне Барюссо (рождение, родительская семья, брак). Существенное значение имеют освещение ее взаимоотношений с семьей Варгиных и характеристика круга лиц, часто гостивших в Ляхово в описываемый период и в том или ином качестве являвшихся фигурантами уголовного дела. В целях более детального анализа желательно выявить наиболее показательные факты из их биографий, привлекая при этом характеристики из изучаемого уголовного дела. Кроме того, важнейшую роль в установлении обстоятельств дела играет определение характера отношений между обвиняемой и ее возлюбленным, вызвавшим ее ревность, приведшую к убийству. Полное изучение «дела Анны Барюссо» предполагает, помимо всего, анализ хода судебных заседаний, процедур отбора присяжных заседателей, допросов свидетелей, основных тезисов речи адвоката, что позволит реконструировать стратегию защиты, выявить задачи (в первую очередь неочевидные), стоявшие перед стороной обвинения, и, наконец, определить формальное основание для последующей отмены оправдательного приговора, вынесенного судом присяжных. При исследовании повторного судебного процесса необходимо отразить его обстоятельства, затронув особенности поведения обвиняемой, и проанализировать ошибки, допущенные правоохранителями на этапе предварительного следствия, а также в процессе судебного разбирательства, определив таким образом причины окончательного оправдания Анны Барюссо.

Данное исследование, посвященное практически забытому ныне уголовному делу, будет безусловно способствовать введению в научный оборот новых источников, а также поможет расширить представления об истории суда присяжных в Российской империи и о повседневной стороне жизни обитателей русских дворянских усадеб в начале XX в. Существенное значение имеет и характеристика практической значимости исследования в аспекте возможной музеефикации усадьбы Ляхово.

* * *

Фабула рассматриваемого дела заключается в следующем. В ночь на 2 января 1908 г. Анна Бонифатьевна Барюссо[1] находилась в гостях в усадьбе Ляхово. Молодые люди, как обычно, веселились и выпивали. В один из моментов Анна Барюссо зашла в комнату, где, как ей показалось, под одеялом на диване «ворковали» ее любовник Евгений Измайлов и девица Анастасия Сафонова. На это указывало то, что она откинула одеяло и стала поправлять задранное платье, по свидетельству Анны Барюссо, когда зажгли свет. Увиденная сцена сильно взволновала ее [8, с. 2] [4].

Спустя три дня, в ночь на 5 января 1908 г., компания, за исключением уехавшего в Москву Евгения Измайлова, снова собралась в Ляхово. К двум часам ночи все разошлись. Анастасия Сафонова легла спать в беседку (флигель для приезжих), там же находилась Зоя Иноземцева – домашняя портниха Варгиных.

[1] В официальных документах встречается написание как Барюссо, так и Борюссо.– *Прим. авт.*

Около двух часов ночи Анна Барюссо пришла в беседку, при себе у нее был привезенный из Москвы револьвер. Она разбудила Зою Иноземцеву и, сказавшись больной, попросила передать записку Е. В. Измайловой. Выманив таким образом женщину из беседки, Анна Барюссо подошла к спящей сопернице и с расстояния 15 см дважды выстрелила ей в голову. От полученных ранений Анастасия Сафонова скончалась на месте [37, л. 207] [41, л. 107, 112]. Зоя Иноземцева услышала выстрелы, но приняла их за сухой треск закрывающейся ветром форточки.

После убийства Анна Барюссо сразу же отправилась на станцию Барыбино (около 8 км пешком), откуда уехала в Москву; а вечером сама сдалась полицейским приставам, предъявив им орудие убийства – револьвер.

Согласно записи в метрической книге церкви Архангела Михаила при клиниках на Девичьем поле (Пречистенского сорока), 6 января 1908 г. дочь мещанина Сергиева Посада девица Анастасия Петровна Сафонова шестнадцати лет умерла от огнестрельной раны головы (насильственная смерть) и была похоронена на Даниловском кладбище [41, л. 107].

Предваряя дальнейшее изложение, остановимся на родословной Анны Барюссо (Людольф). Согласно брачному обыску Спасо-Преображенской церкви в Наливках (Замоскворецкого сорока) от 29 июня 1873 г., французский гражданин, шляпных дел мастер Бонифас[1] Людольф[2], римско-католического вероисповедания, 24 лет (по состоянию на март 1873 г.), проживавший в доме Завитаевой, и московская мещанка Сретенской слободы Зинаида Петрова (фамилия не указана), 20 лет 11 месяцев (по состоянию на июнь 1873 г.), проживавшая в том же доме, пожелали вступить в брак [38, л. 16, 111] [29, л. 719].

26 августа 1873 г. у Бонифация Людольфа и Зинаиды Петровны родилась дочь София [29, л. 623]. Впоследствии у Бонифация Людольфа и его второй жены Натальи Егоровны 20 июля 1875 года родилась еще одна дочь София, которая 25 июля 1876 г. умерла от кишечного расстройства и была похоронена на Пятницком кладбище [28, л. 497].

29 ноября 1879 г. у Бонифация Людольфа и Натальи Егоровны родилась дочь Анна [30, л. 357] [34, л. 318], уголовному делу которой посвящена эта статья. 2 июля 1882 г. на свет появился сын Александр[3] [32, л. 249] [45, л. 34].

В 1894 г. Александр и Анна Людольф проживали в доме Рябушинского в приходе Вознесенской церкви близ Сретенки (Сретенского сорока) [42, л. 6]. В 1904 и 1906 гг. в числе проживавших в доме Рябушинского упоминается жена французского гражданина Наталья Егоровна Людольф, 55 лет (в 1904 г.) [43, л. 6] [44, л. 10] [40, л. 30] [39, л. 10].

7 июня 1899 г. в Вознесенской церкви близ Сретенки состоялось бракосочетание французского гражданина Луи Франсуа Аристида Барюссо [46, л. 77], католического вероисповедания, 23 лет, проживавшего в доме Карзинкина Тверской части 3 участка, и Анны Бонифасовны Людольф, 19 лет, проживавшей в доме Рябушинского [35, л. 37].

Непосредственная предыстория описанных трагических событий в Ляхово изложена в рапорте товарища прокурора Московского окружного суда Л. П. Олышева. В частности, за 12 лет до убийства дочь шляпного мастера [22, л. 11] Анна Бонифатьевна Людольф познакомилась с семьей помещика А. А. Варгина. У госпожи А. И. Варгиной был сын Евгений Евгеньевич Измайлов [33, л. 54, 6] [21], родившийся в 1882 г. от брака с отставным штабс-капитаном Е. М. Измайловым, при этом данный брачный союз был уже вторым в ее биографии [33, л. 54].

На момент знакомства молодому Евгению Измайлову было 14 лет, Анне Людольф шел восемнадцатый год. Юноша начал ухаживать за ней, однако окружающие воспринимали это несерьезно, тем более что Анна уже была невестой французского подданного Луи Барюссо, за которого вскоре вышла замуж.

В период замужества Анна Барюссо перестала бывать у Варгиных; ее посещения

[1] В документах имя отражалось как Бонифас и как Бонифаций, равно как и производные от него отчества.– *Прим. авт.*

[2] В русской транскрипции фамилия пишется как Лудольф, так и Людольф.– *Прим. авт.*

[3] Первый сын Бонифация и Натальи Людольф – Александр родился 28 сентября 1877 г. и умер во младенчестве 4 ноября 1877 г. [31, Л.338] [20, Л.214].– *Прим. авт.*

возобновились после смерти мужа в 1904 г. от бронзовой болезни (болезнь Аддисона, или хроническая недостаточность коры надпочечников). Анна сблизилась с вдовой старшего брата Измайлова, Елизаветой Васильевной Измайловой, молодой женщиной 23 лет.

К этому времени Евгений Измайлов окончил училище правоведения, успел побывать на русско-японской войне, откуда вернулся в декабре 1905 г., награжденный Георгиевским крестом. Будучи веселым и общительным, он быстро стал центром кружка молодежи, который стал собираться в имении Варгиных.

Анна Барюссо приехала в Ляхово в январе 1906 г. и, прогостив несколько недель, вступила с Евгением Измайловым в интимную связь, которую они старались скрывать. Только самые близкие догадывались о происходящем между ними. Анна стала часто приезжать в Ляхово, где принимала участие в увеселениях молодежной компании, внося в нее свойственное француженке оживление.

Кружок состоял из Евгения Измайлова, Анны Барюссо, Елизаветы Измайловой, соседей Варгиных по имению – Волкова и юнкера Соколова, а также родственниц Елизаветы Измайловой сестер Сафоновых – Натальи восемнадцати лет и Анастасии шестнадцати лет, которые с детства бывали в Ляхово [36, л. 172]. Иногда в усадьбу приезжали и товарищи Е. Измайлова, кандидаты на судебные должности[1] – Михаил Островский и двоюродный брат Измайлова Владимир Волынский.

Михаил Павлович Островский [24], 1883 года рождения, проходил курс юридических наук в Императорском Московском университете, по окончании которого в 1906 г. стал младшим кандидатом на судебные должности. В основном служил секретарем у прокурора Московской судебной палаты. Из личного дела следует, что он был сыном сенатора П. Г. Островского[2] [24, л. 25]. В карьере М. П. Островского имелся один показательный эпизод. В 1910 г. ему пришло указание отправиться в Архангельский окружной суд для службы в качестве товарища прокурора, однако за несколько дней до этого его уже направили на ту же самую должность в Ярославский окружной суд. Возможно, М. П. Островскому помогли избежать службы в северной губернии, представлявшейся довольно бесперспективным направлением карьеры.

Владимир Иванович Волынский, 1882 года рождения, в 1904 г. закончил Императорский Московский университет, службу начал с младшего кандидата на судебные должности при прокуратуре Московской судебной палаты, являлся товарищем прокурора Московского окружного суда с 27 октября 1907 г. по 27 сентября 1908 г. Некоторое время после рассмотрения дела А. Барюссо он находился в отставке, однако в последующем стал товарищем прокурора Кашинского, а затем Рязанского окружных судов [23].

В рапорте товарища прокурора Московского окружного суда Л. П. Олышева имеется такая характеристика Е. Измайлова и его товарищей: «Останавливаясь по долгу службы на поведении Волынского, Островского и Измайлова, как лиц, принадлежащих к судебному ведомству, я по совести должен удостоверить, что в поведении Волынского и Островского, сравнительно редко бывавших в Ляхове, ничего предрассудительного не выявилось. В судебном заседании они держали себя вполне корректно, в особенности Волынский, показание которого было дано с большим достоинством, свидетельствовавшем об его уме и такте. Что же касается Измайлова, то, безусловно, на него падает часть ответственности за ту распущенность, которую проявляли собиравшиеся в имении его родителей лица. И судьба жестоко наказала его за легкомысленное отношение к жизни, связав его с женщиной, несомненно истеричной, крайне ревнивой и мстительной и сделав его невольным виновником смерти несчастной девушки» [25, л. 246, 250–250 об.].

В Ляхово молодежь устраивала пикники, прогулки, танцы, а к вечеру все собирались в так называемой беседке – трехкомнатном флигеле, в котором жил Е. Измайлов. Там,

[1] После окончания юридических учебных заведений большинство выпускников поступали на службу в структуры Министерства юстиции. Суды, прокуратура, судебные следователи, присяжные поверенные, нотариусы были частями одной системы.– *Прим. авт.*

[2] Островский Павел Геннадиевич (1848–?) – русский правовед, назначен сенатором 5 октября 1905 г.– *Прим. ред.*

в комнате с угловым диваном и роялем, они засиживались до утра, беседовали, пели, употребляли спиртные напитки.

На основании собранных по делу сведений установлено, что молодые люди в Ляхово много пили, в особенности временно проживавший у Варгиных врач Усанов. Е. Измайлов, будучи человеком крепким и здоровым, мог выпить очень много, А. Барюссо пила прилично. Е. Измайлова пить не умела, будучи истеричной и нервной, быстро пьянела, приходя в бессознательное состояние после трех рюмок водки [25, л. 84].

Впоследствии газеты писали об оргиях, которые, якобы, устраивались в Ляхово. В частности, брат Анны Барюссо Александр Людольф сообщил, что однажды после ночного кутежа вся компания пошла гулять в усадебный парк в «костюме Адама». Однако других свидетельств этому не было получено. Такие показания брата Анны легко объяснимы стремлением оправдать сестру. Защита по делу пыталась создать у суда общее впечатление о событиях в Ляхово как о проявлениях порока и разврата. Тем самым присяжные склонялись к мысли, что у подсудимой был повод для ревности, а сама она пала жертвой обмана своего любовника. По показаниям же самой А. Барюссо, их отношения благоприятно влияли на Е. Измайлова, речь шла о браке.

Кроме встреч в усадьбе, А. Барюссо и Е. Измайлов виделись в Москве, посещали театры и рестораны, интимные свидания проходили в гостинице. Со слов Анны, Евгений обещал на ней жениться. При этом во время их любовной связи она дважды прибегала к искусственным выкидышам. По ее показаниям, данным в суде при закрытых дверях [5], эти операции были проведены по требованию Е. Измайлова, который, также при закрытых дверях, категорически заявлял, что об абортах узнал только после случившегося. Уже позднее, в мае 1909 г., во время повторного суда допрос Е. Измайлова проходил в присутствии публики. Он показал, что о первом аборте узнал после операции, а слова о второй беременности не воспринял серьезно. В прокурорском рапорте содержится указание на проведение предварительного следствия в отношении Е. Измайлова о подстрекательстве к совершению аборта. Однако доказательства его вины не были представлены. В архиве это следственное дело нами не обнаружено.

С лета 1907 г. Е. Измайлов стал охладевать к А. Барюссо, но их разрыв наступил не сразу, временами связь возобновлялась. Анна, будучи крайне ревнивой, решила, что причиной охлаждения к ней возлюбленного является младшая из сестер Сафоновых – Анастасия. Несколько свидетелей показали, что с лета 1907 г. Е. Измайлов стал оказывать ей знаки внимания, высказываясь не раз о том, что из Анастасии Сафоновой выйдет хорошая жена.

В ночь на 2 января 1908 г. вся компания собралась во флигеле Е. Измайлова, где молодые люди просидели всю ночь. А. Барюссо заподозрила, о чем впоследствии заявила, что Е. Измайлов, полулежа на оттоманке рядом с Анастасией Сафоновой, прикрылся с ней одеялом, и они стали заниматься «утонченным развратом» [8]. Товарищ прокурора Л. П. Олышев сообщал в рапорте, что «подозрение это, однако, не подтвердилось, и было установлено, что Измайлов с Настей ничем не покрывались. По удостоверению же лиц, близко знавших покойную, это была девушка тихая, скромная, и к ней, по словам Островского, ни один мужчина не осмелился бы подойти с “гадкой мыслью”. Отношения между ней и Измайловым, который, по показанию Волынского, всегда дорожил честью девушек, были самые чистые. Ознакомившись по данным предварительного и судебного следствия с тем, что происходило в имении Варгиных, нельзя не прийти к заключению, что там царила крайняя нравственная распущенность, но ни о каком разврате говорить не приходится – это плод фантазий людей, склонных видеть во всем одно лишь дурное и для злословия которых весь обиход семьи Варгиных дал, к сожалению, богатую пищу» [25, л. 85].

Судебное заседание проходило в Бронницах 16 и 17 октября 1908 г. на выездной сессии под председательством товарища председателя Московского окружного суда А. П. Гудим-Левковича[1]. Защиту интересов семьи убитой девушки осуществлял при-

[1] Гудим-Левкович Александр Порфирьевич (1838–1924) – с 1902 по 1915 гг. товарищ председателя Московского окружного суда.– *Прим. ред.*

сяжный поверенный М. Ходасевич. Публику пускали в зал только по билетам. Среди присутствовавших было много москвичей, специально приехавших понаблюдать за слушаниями [8, с. 2].

Из девятнадцати кандидатов в присяжные заседатели прокуратура отвела только одного – местного податного инспектора Нечаева, поскольку в отношении него были получены сведения, что он открыто выражал необходимость оправдания А. Барюссо.

Объяснения подсудимой и показания Е. Измайлова были даны при закрытых дверях. Вечером, во время допроса свидетеля Волкова, явившегося в суд пьяным, что произвело негативное впечатление на присяжных заседателей, загорелись амбары и склады напротив здания суда, что вызвало панику среди публики. Участники процесса и зрители были срочно эвакуированы.

Товарищ прокурора отмечал одно обстоятельство, которое сыграло на руку защите: «При выходе из суда я обратил внимание на то, что свидетели, вызванные со стороны защиты: врач Усанов и сводный брат Измайлова – Родионов, настолько пьяны, что, не случись пожара, они не могли бы быть допущены к даче показаний. На следующий день свидетели Волков и Усанов явились вполне трезвыми. Родионов же не явился без объяснения причин, и показание его, с согласия сторон, было признано несущественным. По поводу неявки этого свидетеля защитник, между прочим, заявил, что ему известно, что свидетель этот после перерыва участвовал в какой-то пирушке, каковое обстоятельство не могло не произвести впечатление на присяжных заседателей, тем более что Родионов был родственником Измайлова» [25, л. 85об.–86].

Убеждение присяжных заседателей в негативной атмосфере, созданной Е. Измайловым и его родственниками в усадьбе Ляхово, стало частью стратегии защиты, заключавшейся в смещении акцентов с убийства и связанных с этим тем невинности [22, л. 28–31] и невиновности погибшей на любовную драму между А. Барюссо и Е. Измайловым. Выставляя Анну в качестве жертвы соблазнителя и его аморального окружения, защита, во-первых, отвлекала внимание от собственно убийства, во-вторых, вызывала симпатию к подсудимой и, в-третьих, подкрепляла ее версию о связи между Евгением Измайловым и Анастасией Сафоновой.

Свидетели в основном характеризовали убитую как тихую, скромную, приветливую девушку, «почти ребенка», которая хотела учить детей и заниматься домашним хозяйством [10].

Однако не все свидетели были с этим согласны. Так, Тросницкая, знавшая участников трагедии, упомянула в своих показаниях о сильной склонности усадебной молодежи к употреблению спиртных напитков. А. Барюссо же она считала вполне порядочной женщиной, глубоко любившей Е. Измайлова. Тросницкая также замечала его сближение с Анастасией Сафоновой и мучительную ревность Анны. Дважды она пыталась поговорить об этом с А. Сафоновой. В первый раз та ответила с усмешкой, что она тут ни при чем, а в другой раз девушка просто ушла, не сказав ни слова [9].

Речь присяжного поверенного С. И. Варшавского почти полностью была посвящена отношениям А. Барюссо и Е. Измайлова. Ее он описал как любящую, заботливую жену для своего мужа, а после его смерти – бескорыстно любящую, но многократно обманутую и брошеную Е. Измайловым. Компания, центром которой был Е. Измайлов, представлена кутежниками и пропойцами. Убитой был посвящен небольшой фрагмент: «Эта девочка Настя, которую гражданский истец так усиленно рядил в “коротенькие платьица”, и которой свидетель Островский все убавлял росту, оказалась по медицинскому осмотру и сохранившимся фотографическим карточкам “вполне сформировавшейся женщиной”, а ростом также значительно выше старшей своей сестры, взрослой девицы» [10].

Несмотря на кажущуюся нечестность такого поведения защиты, эта стратегия сработала. Присяжные оправдали А. Барюссо как в предумышленном убийстве, так и в убийстве в состоянии запальчивости и раздражительности [22, с. 225–225об.].

О причинах оправдательного вердикта товарищ прокурора Л. П. Олышев писал: «…я лично вынес впечатление, что вердикт этот являлся как бы протестом против той нрав-

ственной распущенности, которая царила среди Ляховской молодежи, главным представителем которой был Измайлов – лицо, принадлежавшее к судебному ведомству» [25, л. 86].

Стоит остановиться на причинах общественного интереса к этому делу. Очевидно, что сама по себе любовная история и ее трагическая развязка привлекает публику. Когда же обыватели могут принять участие в деле вживую, хотя бы и пассивно в качестве зрителей судебного процесса, это вызывает еще больший интерес. Особенно, если «представление» под названием «суд присяжных» хорошо подготовлено сторонами процесса и анонсировано прессой. Кроме того, безусловно, отдельной причиной повышенного внимания к делу стали фигурировавшие в нем детали интимной жизни.

Евгений Измайлов на момент убийства был не просто кандидатом на судебные должности, а исполнял обязанности по должности товарища прокурора Московского окружного суда, то есть проходил службу в том же суде [27], в котором слушалось это дело, и был по должности равен товарищу прокурора, поддерживавшему обвинение. Два его друга, которые регулярно принимали участие в вечеринках – М. Островский и В. Волынский, тоже относились к судебному ведомству.

Помимо непосредственного выполнения служебных обязанностей перед прокуратурой стояла задача защиты чести мундира. В целом это не противоречило поддержанию обвинения против А. Барюссо, однако желание выгородить хотя бы М. Островского и В. Волынского могло сказаться на результатах дела.

Заметим, что поскольку у сторон не возникло сомнений в нормальности психического состояния А. Барюссо, вопрос о невменяемости подсудимой не поднимался. Соответственно, не было проведено судебно-психиатрическое исследование.

Между тем защитник в конце своей речи указал присяжным заседателям, что если они остановятся на вопросе, не совершила ли подсудимая преступление в бессознательном состоянии, то вслед за этим должны просить суд о возвращении дела к доследованию. Председательствующий в своем напутственном слове, коснувшись условий невменяемости, не разъяснил присяжным заседателям их право ходатайствовать перед судом о возвращении дела для освидетельствования подсудимой в порядке статей 353–355 Устава уголовного судопроизводства, действовавшего в описываемый период. То, что председательствующий упустил из виду это разъяснение, являлось нарушением порядка судопроизводства с участием присяжных заседателей и стало формальным поводом для отмены оправдательного приговора суда. Указами Правительствующего Сената от 5 декабря 1908 г. и 25 февраля 1909 г. дело было направлено на новое рассмотрение в Московский окружной суд [22, л. 246, 250–250об.].

Тем не менее психиатрическое освидетельствование А. Барюссо не было произведено, хотя, судя по материалам дела, в этом была явная необходимость. Для определения виновности подсудимой важно было понять, какие из предшествовавших убийству событий действительно имели место, а какие были воспоминаниями или плодом воображения обвиняемой, в первую очередь сцена с «утонченным развратом» под одеялом, поскольку именно в этот момент, по словам А. Барюссо, у нее впервые возникло желание покончить с соперницей и любовником.

Следует отметить, что, в соответствии с современными представлениями, состояние аффекта – бурный, но кратковременный процесс. Заключение авторитетного врача, будучи надлежащим образом представлено присяжным, могло бы оказать решающую роль при вынесении приговора.

19 и 20 мая 1909 г. в Бронницах под председательством судьи Андреева и с новым составом присяжных заседателей состоялся повторный суд. Обвинение поддерживал товарищ прокурора Тельпугов, интересы семьи убитой снова представлял присяжный поверенный М. Ходасевич.

Суд проходил быстрее, большинство свидетелей не явились, их показания были оглашены. Подсудимая вину опять не признала, допрос снова проводился за закрытыми дверями. Судебные репортеры описывают его как эмоционально тяжелый для А. Барюссо.

Стратегия защиты, как и в прошлый раз, сработала: присяжные повторно оправдали

Анну Барюссо. Дальнейшую ее судьбу проследить нам не удалось.

Не принижая роли присяжного поверенного С. И. Варшавского, сделавшего все, чтобы в нужную для его подзащитной сторону сместить акценты в ходе судебного разбирательства, следует отметить, что А. Барюссо изначально придерживалась строгой линии в общении с правоохранительными органами, судебным следователем. Придя в полицию, она заявила, что ее действия были продиктованы сильным нервным раздражением под влиянием ревности. Показания А. Барюссо последовательны на всем протяжении этого дела, включая отдельные детали, которые не подтверждаются показаниями других лиц.

Следует отметить, что процент оправдательных приговоров в судах Российской империи того времени был весьма высок. В прокурорской переписке в фонде Московской судебной палаты нами были обнаружены следующие данные об оправдании подсудимых: в суде присяжных – 40,6% приговоров, без участия присяжных заседателей – 19,2% приговоров [26, л. 278]. При этом анализ конкретных дел показывает, что часто присяжные заседатели принимали совершенно нелогичные решения.

Тем не менее, анализируя рассматриваемый процесс, следует обратить внимание на ряд ошибок, которые допустили правоохранители в ходе расследования и представления материалов дела в суде.

В первую очередь, это неудовлетворительная работа по осмотру места происшествия, схема которого не была составлена. Тем самым упущена возможность в дальнейшем сконцентрировать внимание присяжных на самом убийстве, а не на обстоятельствах, ему предшествовавших. Вероятно, доводы обвинения, изложенные вербально, воспринимались бы присяжными более внимательно, будучи подкреплены соответствующей схемографикой. Она позволила бы сориентировать присяжных заседателей непосредственно на событие преступления, и прокуратура могла бы раз за разом обращаться к ней в процессе отстаивания своих аргументов.

Сюда же следует отнести отсутствие фотографий места происшествия и убитой, поскольку изображения ранений, как правило, оказывают сильное впечатление на присяжных заседателей. Их можно было бы использовать для внушения им сочувствия к жертве. Искусство фотографии позволяет преподнести объекты с разной степенью выразительности. Опытный фотограф может раскрыть некоторые детали преступления настолько ярко, что они прочно зафиксируются в памяти участников процесса и, возможно, решающе повлияют на исход дела. Поэтому среди экспертов имеет место негласное понимание необходимости избегать слишком ярких и запоминающихся фотоснимков, а фиксация полицией мест преступлений и жертв должна быть формальной и нейтральной.

Вторая оплошность – была потеряна записка, с помощью которой непосредственно перед убийством А. Барюссо выманила З. Иноземцеву. «Упомянутая записка, полученная Иноземцевой, была во время последующей суеты утеряна» – так это отражено в обвинительном акте [22, л. 104об.]. По словам З. Иноземцевой, записка содержала несколько приблизительно следующих фраз: «Дайте побыть день с ребенком[1], мне скверно, не знаю, что со мной, простите» [22, л. 104об.].

Содержание и техника написания записки косвенно показали бы время подготовки и совершения убийства. Данная улика позволила бы внести ясность в вопрос о психическом состоянии А. Барюссо в момент преступления. Это тем более важно, что изначально подсудимая заявляла, что записка была написана З. Иноземцевой.

Между тем утрата записки могла быть частично компенсирована. Из протокола осмотра известно, что на журнальном столике находился блокнот [22, л. 14–15]. Без сомнения, его необходимо было изъять и подвергнуть тщательному осмотру. Если А. Барюссо написала записку на месте преступления, можно было попытаться восстановить ее содержание. Если бы выяснилось, что текст не отпечатался на листах блокнота, то это дало бы основание предположить: записка была написана заранее и принесена с собой, что свидетельствовало бы в пользу версии о дан-

[1] Возможно, речь шла о ребенке Анны Барюссо.– *Прим. авт.*

ном убийстве как о заранее запланированном А. Барюссо преступлении.

Важнейшая улика – револьвер. После смерти мужа у А. Барюссо осталось два револьвера. Один она выдала сама, когда вечером в день убийства пришла в полицию. В деле отсутствует упоминание модели оружия. Второй, системы "Smith & Wesson", был выдан ее братом [22, л. 20, 21]. Полиция не провела баллистическую экспертизу, что является грубым упущением. Но также ошибкой было не обратить внимание на то, что в пистолете, который А. Барюссо выдала в качестве орудия убийства, в шести ячейках были две пустые гильзы и три патрона [22, л. 12об.]. Когда ее спросили об этом, она заявила, что носила оружие из соображений самообороны и оно всегда было заряжено пятью патронами.

Возможно, что это могла быть роковая ошибка А. Барюссо. Находясь в возбужденном состоянии перед тем, как сдаться полиции, она забыла проверить состояние оружия. В день убийства Анна могла прибыть в Ляхово с определенным умыслом совершить преступление. По пути в имение или в глубине усадебного парка у обвиняемой была возможность проверить револьвер, сделав пробный выстрел[1]. В таком случае обнаружение в этой местности гильзы или пули, выпущенной из сданного в полицию револьвера, похоронили бы надежды А. Барюссо на оправдание, ведь это однозначно указывало бы на длительную подготовку к убийству. Обвиняемая могла забыть добавить в барабан револьвера еще один патрон, поэтому ей пришлось бы, например, объясняться посредством выдумки о том, что она почему-то всегда заряжала револьвер пятью патронами. Но, к ее удаче, на это никто не обратил внимания: пристав Добровольский, принявший у А. Барюссо повинную, показал в суде, что она находилась в подавленном состоянии, поэтому он не стал беспокоить ее подробными расспросами [8, с. 3], что следует расценивать как очевидную ошибку.

В своих показаниях Анна Барюссо упоминала, что интерес Евгения Измайлова к Анастасии Сафоновой был настолько необычным, что он подолгу смотрел на портрет очень похожей на нее женщины. В ситуации, когда защита пыталась сместить внимание присяжных на любовные отношения А. Барюссо и Е. Измайлова, не забывая попутно очернить убитую, упомянутый портрет должен был быть предъявлен присяжным. Он послужил бы важным эмоциональным контраргументом при восприятии событий, это можно было использовать для привлечения внимания к личности убитой.

Не имея достаточно твердой опоры на собранные улики, прокуратура пыталась строить обвинения на свидетельских показаниях, которые являлись противоречивыми и крайне ненадежными, и в итоге потерпела неудачу. Фактор ненадежности показаний был особенно важен в вопросе поведения убитой. Как отмечалось выше, часть свидетелей описывала ее как почти ребенка, а другая часть – как вполне созревшую молодую женщину, готовую к отношениям с мужчинами. Ненадежность свидетельских показаний присяжные заметили на примере свидетеля Волкова, который на самом суде давал совершенно разные показания, в зависимости от того, был трезв или пьян. Кроме того, в прениях товарищ прокурора Л. П. Олышев пытался прибегнуть к ярким метафорам: «Она совершила тяжкое и гнусное преступление, убив невинную спящую девочку и сама бежала. Подползла как змея, ужалила и уползла прочь» [10].

* * *

Итак, подводя итог нашим изысканиям, следует отметить, что «дело Анны Барюссо» можно считать типичным для дореволюционной судебной практики случаем оправдания подсудимого судом присяжных, несмотря на наличие весомых доказательств виновности. Провал позиции обвинения и причины вынесения оправдательного вердикта обусловлены целым рядом причин: присяжным не были предоставлены схемы преступления и фотографии места происшествия; в ходе следствия были утеряны важные улики; правоохранители по каким-то причинам отказались от баллистической экспертизы; защита избрала

[1] После использования огнестрельного оружия его необходимо чистить. Продукты горения пороха легко удаляются только некоторое время после выстрела. Затвердевая, в дальнейшем они могут привести к неисправности оружия.– *Прим. авт.*

выигрышную стратегию защиты, смещавшую акценты с события преступления на взаимоотношения А. Барюссо и Е. Измайлова; позиция обвинения строилась почти исключительно на свидетельских показаниях; речь обвинителя отличалась неоправданной образностью; обвиняемая изначально соблюдала принцип последовательности как в своих показаниях, так и в общении со следствием.

Завершая исследование, необходимо отметить еще один аспект рассматриваемого сюжета, имеющий практическую значимость и способный во многом актуализировать историю забытого преступления. Дело в том, что она может быть использована в контексте представления помещичьего быта в музейном пространстве усадьбы начала XX в., а ошибки (утраченные улики, пропущенные детали осмотра места происшествия, нестыковки в показаниях), допущенные полицией при расследовании дела, задействованы при создании экскурсионных программ для дополнительного привлечения посетителей.

Кроме того, прошлое усадьбы Ляхово, в том числе рассмотренный нами криминальный сюжет, дает богатый материал для создания здесь музея дворянского быта, экспозиция которого может тематически охватывать как период XVIII в. (история графа Калиостро), так и события, происходившие здесь в начале XX столетия (время дворян Варгиных).

Посетителей в первую очередь привлекает история любви, показанная в телевизионном фильме, однако музей определенно может дать посетителям больше, знакомя с образом повседневности состоятельных русских людей XVIII–XIX вв. Любовная драма начала прошлого века, помимо бытописания барской усадьбы, позволяет раскрыть тематику расследования преступлений и суда присяжных в Российской империи на поздних этапах ее истории.

При разработке соответствующих материалов их авторам, безусловно, стоит учитывать моральный аспект – уважение к жертве преступления. В данном случае, с одной стороны, важно, что судом Анна Барюссо была оправдана, проведя в тюрьме под следствием и судом около 13 месяцев, а с другой – то, что убийство Анастасии Сафоновой осталась безнаказанным. Описание допущенных полицией ошибок дало бы возможность некоторым образом вовлечь посетителей в расследование преступления, а использование технологий дополненной реальности позволило бы воссоздавать как сцены фильма «Формула любви» и его съемочный процесс, так и ход расследования трагедии в Ляхово. Думается, что обоснование подобной музейно-экскурсионной концепции может стать темой для последующих научных изысканий.

Kirill E. RYBAK
Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects),
Likhachev Russian Research Institute for Natural and Cultural Heritage,
Moscow, Russian Federation
kvr1482@gmail.com

Yuri S. IZBACHKOV
External Postgraduate Student,
Likhachev Russian Research Institute for Natural and Cultural Heritage,
Moscow, Russian Federation
strax5@list.ru

Anna Barusseau's Feral Formula of Love: An Experiment in Scientific Reconstruction of a Trial from the Early 20th Century

Abstract. The study aims to establish the circumstances of the "Barusseau case" (a murder in the Lyakhovo estate near Moscow in 1909) and to determine the main reasons for the acquittal of the accused. The sources were prosecutor's reports, newspaper reports, criminal case materials and records in parish registers; the unpublished materials used are stored in the Central State Archive of Moscow. The methodological basis of the study was a systemic-historical approach in combination with the hermeneutic method and the reconstruction method. The events associated with the crime are described; the main biographical facts about Anna Barusseau, accused of murder, are reconstructed (birth, parental family, marriage). The characteristics of the circle of people who often visited the Lyakhovo estate during the described period and were involved in the criminal case (including the victim of the crime, Anastasia Safonova) are given; the most illustrative facts from their biographies are revealed. The article establishes the details of the relationship between the accused woman and her lover that caused her jealousy, which ultimately led to the murder. The course of the court hearings (selection of jurors, hearing of witnesses' interrogations, main points of the lawyer's speech, etc.) is analyzed; the defense strategy is reconstructed, the tasks (primarily non-obvious ones) facing the prosecution are identified; the formal basis for the subsequent cancellation of the acquittal rendered by the jury is determined. The circumstances of the retrial are reflected, including the specific behavior of the accused; errors made by law enforcement officers at the stage of the preliminary investigation, as well as during the trial, are identified. It is determined that the failure of the prosecution and the acquittal were the result of several factors: (1) the jury was not provided with crime scene diagrams and photographs; (2) important evidence was lost; (3) no ballistic examination was conducted; (4) the defense chose a winning defense strategy that shifted the focus from the crime event to the relationships between the main defendants; (5) the prosecution's position was based almost exclusively on witness testimony; (6) the prosecutor's speech was abundant with unjustified imagery; (7) the accused initially adhered to a strict line in communicating with the investigation; her testimony was completely consistent. An important practical aspect of the study is the possibility of using the forgotten episode with the murder to reveal the potential of the Lyakhovo estate as an object of museum display.

Keywords: reconstruction of trial, Barusseau case, Lyakhovo estate, Bronnitsky district, Moscow district court, jury trial, state of affect, "Formula of Love".

Использованная литература:

1. Горбачев В. П. Причины постановления оправдательных приговоров в уголовном судопроизводстве в России во второй половине XIX – начале XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 1. С. 5–15. DOI 10.24412/2309-152-2023-1-5-15.

2. Гребенкин Ф. Б., Рогова Н. Н. Оправдательные приговоры судов присяжных в Вятской губернии в XIX в.: уголовно-правовой и криминологический анализ // Администратор суда. 2024. № 4. С. 44–48. DOI 10.18572/2072-3636-2024-4-44-48.

3. Гречишкина Н. А. Проблемы оценки уголовно-релевантных эмоциональных состояний в практике судов Российской империи в XIX веке // Психическое здоровье. 2016. Т. 14, № 5 (120). С. 52–61.

4. Дело Барюссо // Русское слово. 1909. № 113. 20 мая. С. 5.

5. Дело Барюссо // Русское слово. 1909. № 114. 21 мая. С. 4.

6. Демичев А. А., Илюхина В. А. Женщина перед судом присяжных в Российской империи (к вопросу о принципе гендерного равенства) // Вестник Российско-

References:

1. Gorbachev, V.P. (2023) Reasons for the Adoption of Acquittals in Criminal Proceedings in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs*. 1. pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.24412/2309-152-2023-1-5-15

2. Grebenkin, F.B. & Rogova, N.N. (2024) Acquittals of Jury Trials in the Vyatka Province in the 19th Century: Criminal Law and Criminological Analysis. *Administrator suda.* 4. pp. 44–48. (In Russian). DOI: 10.18572/2072-3636-2024-4-44-48

3. Grechishkina, N.A. (2016) Problemy otsenki ugolovno-relevantnykh emotsional'nykh sostoyaniy v praktike sudov Rossiyskoy imperii v XIX veke [Problems of Assessing Criminally Relevant Emotional States in the Practice of the Courts of the Russian Empire in the 19th Century]. *Psikhicheskoe zdorov'e.* 14:5 (120). pp. 52–61.

4. *Russkoe slovo*. (1909) Delo Baryusso [The Barusseau Case]. 20 May. 113. p. 5.

5. *Russkoe slovo*. (1909) Delo Baryusso [The Barusseau Case]. 21 May. 114. p. 4.

го университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 1. С. 98–112. DOI 10.22363/2313-2337-2020-24-1-98-112.

7. Исаева К. И., Карчевская Н. И. Дело Маргариты Жюжан // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 5. С. 159–162.

8. К. О. Бронницкое убийство. Из зала суда // Русское слово. 1908. № 241. 17 окт. С. 2–3.

9. К. О. Бронницкое убийство. Из зала суда // Русское слово. 1908. № 242. 18 окт. С. 3.

10. К. О. Бронницкое убийство. Из зала суда // Русское слово. 1908. № 243. 19 окт. С. 5.

11. Кокурин А. В. Способы манипулятивного воздействия в судебной защитительной речи Ф. Н. Плевако по делу П. Качки // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 10 (110). С. 88–95. DOI 10.17803/2311-5998.2023.110.10.088-095.

12. Леонтьев В. Н. Оправданные, осужденные и укрывшиеся от суда: замечательнейшие уголовные процессы из практики новых судов, с критическим разбором предварительных следствий, произведенных по этим процессам. СПб.: тип. А. А. Краевского, 1868. 371 с.

13. Маммаева М. Б., Иванченко Е. А. Выдающийся русский юрист А. И. Урусов // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 2. С. 115–122.

14. Немкевич И. В. Дело Кроненберга: «ступенька лестницы» к правам ребенка // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2016. № 2 (95). С. 94–97.

15. Перевалова Е. В. Освещение процесса Веры Засулич в газете М. Н. Каткова «Московские ведомости» // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4, № 1. С. 29–41.

16. Постановление Совета Министров РСФСР от 4 декабря 1974 г. № 624 «О дополнении и частичном изменении постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 "О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР"» [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации. URL: https://okn-mk.mkrf.ru/maps/show/id/242766 (дата обращения: 24.10.2024).

17. Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы, 1864–1917 гг.: сб. / сост. С. М. Казанцев Л.: Лениздат, 1991. 512 с.

18. Хайруллина А. Ляхово – элегический образ среднепоместной усадьбы начала XIX века // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. 2016. № 1 (13). С. 20–35.

19. Хасин В. В. Способы формирования «ритуальных» мотиваций в российском судопроизводстве на рубеже XIX–XX веков: «Люцинское дело» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5-2 (19). С. 208–211.

20. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 65. Оп. 1. Д. 129. Л. 214.

21. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 117. Оп. 17. Д. 238 (1916 год).

22. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 131. Оп. 5. Д. 2121.

6. Demichev, A.A. & Ilyukhina, V.A. (2020) A Woman Before a Jury in the Russian Empire (On the Principle of Gender Equality). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki.* 24 (1). pp. 98–112. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-98-112

7. Isaeva, K.I. & Karchevskaya, N.I. (2021) The Case of Margarita Zhuzhan. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 5. pp. 159–162.

8. K. O. (1908) Bronnitskoe ubiystvo. Iz zala suda [The Bronnitsky Murder. From the Courtroom]. *Russkoe slovo*. 17 October. 241. pp. 2–3.

9. K. O. (1908) Bronnitskoe ubiystvo. Iz zala suda [The Bronnitsky Murder. From the Courtroom]. *Russkoe slovo*. 18 October. 242. p. 3.

10. K. O. (1908) Bronnitskoe ubiystvo. Iz zala suda [The Bronnitsky Murder. From the Courtroom]. *Russkoe slovo*. 19 October. 243. p. 5.

11. Kokurin, A.V. (2023) Methods of Manipulative Influence in the Judicial Defense Speech of F. N. Plevako in the Case of P. Kachka. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 10 (110). pp. 88–95. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.088-095

12. Leont'ev, V.N. (1868) *Opravdannye, osuzhdennye i ukryvshiesya ot suda: zamechatel'neyshie ugolovnye protsessy iz praktiki novykh sudov, s kriticheskim razborom predvaritel'nykh sledstviy, proizvedennykh po etim protsessam* [Acquitted, Convicted, and Hiding From Court: Remarkable Criminal Trials From the Practice of New Courts, With a Critical Analysis of the Preliminary Investigations Carried Out During These Trials]. St. Petersburg: tip. A.A. Kraevskogo. 371 p.

13. Mammaeva, M.B. & Ivanchenko, E.A. (2021) Outstanding Russian Lawyer A. I. Urusov. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2. pp. 115–122. (In Russian).

14. Nemkevich, I.V. (2016) Delo Kronenberga: "stupen'ka lestnitsy" k pravam rebenka [The Kronenberg Case: "A Step on the Ladder" to the Rights of the Child]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny.* 2 (95). pp. 94–97.

15. Perevalova, E.V. (2015) Osveshchenie protsessa Very Zasulich v gazete M.N. Katkova "Moskovskie vedomosti" [Coverage of the Trial of Vera Zasulich in M. N. Katkov's newspaper "Moskovskie Vedomosti"]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 4 (1). pp. 29–41.

16. Ministry of Culture of the Russian Federation. (2024) *Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of December 4, 1974, No. 624: On the Supplement and Partial Amendment of the Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of August 30, 1960 No. 1327 "On Further Improvement of the Protection of Cultural Monuments in the RSFSR"*. [Online] Available from: https://okn-mk.mkrf.ru/maps/show/id/242766 (Accessed: 24.10.2024). (In Russian).

17. Kazantsev, S.M. (1991) *Sud prisyazhnykh v Rossii: gromkie ugolovnye protsessy, 1864–1917 gg.: Sbornik* [Jury Trial in Russia: High-Profile Criminal Trials, 1864–1917: Collection]. Leningrad: Lenizdat. 512 p.

18. Khayrullina, A. (2016) Lyakhovo - elegicheskiy obraz srednepomestnoy usad'by nachala XIX veka [Lyakhovo – An Elegiac Image of a Mid-Sized Estate of the Early 19th

23. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 131. Оп. 7. Д. 260.
24. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 131. Оп. 7. Д. 1059.
25. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 131. Оп. 8. Д. 3602.
26. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 131. Оп. 78. Д. 473.
27. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 142. Оп. 27. Д. 474.
28. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 203. Оп. 756. Д. 33.
29. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 203. Оп. 764. Д. 20.
30. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 203. Оп. 768. Д. 56.
31. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф.203. Оп.768. Д.47. Л.338.
32. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 203. Оп. 771. Д. 94.
33. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 203. Оп. 776. Д. 158.
34. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 203. Оп. 776. Д. 192А.
35. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 203. Оп. 776. Д. 193.
36. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 203. Оп. 780. Д. 5012.
37. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 203. Оп. 782. Д. 438.
38. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 2121. Оп. 3. Д. 187.
39. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 2124. Оп. 1. Д. 500.
40. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 2124. Оп. 1. Д. 1680.
41. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 2125. Оп. 2. Д. 75.
42. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 2126. Оп. 1. Д. 141.
43. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 2126. Оп. 1. Д. 147.
44. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 2126. Оп. 1. Д. 149.
45. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 2126. Оп. 2. Д. 50.
46. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА М). Ф. 2193. Оп. 1. Д. 26.
47. Ямбушев Ф. Ш., Тараканова Н. Г., Пяткина Т. Ю. Причины вынесения присяжными заседателями оправдательных вердиктов в окружных судах Российской империи // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 1 (47). С. 156–161.

Century]. *Mir iskusstv: Vestnik Mezhdunarodnogo instituta antikvariata*. 1(13). pp. 20–35.
19. Khasin, V.V. (2012) Sposoby formirovaniya “ritual’nykh” motivatsiy v rossiyskom sudoproizvodstve na rubezhe XIX–XX vekov: “lyutsinskoe delo” [Methods of Forming “Ritual” Motivations in Russianin Legal Proceedings at the Turn of the 20th century: The “Lyutsino Case”]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 5-2 (19). pp. 208–211.
20. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 65. Inventory 1. Item 129.
21. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 117. Inventory 17. Item 238 (1916 god)).
22. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 131. Inventory 5. Item 2121.
23. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 131. Inventory 7. Item 260.
24. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 131. Inventory 7. Item 1059.
25. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 131. Inventory 8. Item 3602.
26. Tsentral’nyy gosudarstvennyy arkhiv g. Moskvy (TsGA M). F.131. Inventory 78. Item 473.
27. 27. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 142. Inventory 27. Item 474.
28. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 203. Inventory 756. Item 33.
29. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 203. Inventory 764. Item 20.
30. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 203. Inventory 768. Item 56.
31. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 203. Inventory 768. Item 47.
32. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 203. Inventory 771. Item 94.
33. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 203. Inventory 776. Item 158.
34. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 203. Inventory 776. Item 192A.
35. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 203. Inventory 776. Item 193.
36. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 203. Inventory 780. Item 5012.
37. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 203. Inventory 782. Item 438.
38. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 2121. Inventory 3. Item 187.
39. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 2124. Inventory 1. Item 500.
40. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 2124. Inventory 1. Item 1680.
41. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 2125. Inventory 2. Item 75.
42. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 2126. Inventory 1. Item 141.
43. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 2126. Inventory 1. Item 147.
44. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 2126. Inventory 1. Item 149.

45. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 2126. Inventory 2. Item 50.

46. Central State Archive of Moscow (TsGA M). Fund 2193. Inventory 1. Item 26.

47. Yambushev, F.Sh., Tarakanova, N.G. & Pyatkina, T.Yu. (2022) Reasons for Not-guilty Verdicts by Jurors in District Courts of the Russian Empire. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii*. 1 (47). pp. 156–161. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Рыбак, К. Е. Убийственная формула любви Анны Барюссо: опыт научной реконструкции судебного процесса начала XX века / К. Е. Рыбак, Ю. С. Избачков – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.40.4.007 // Наследие веков. – 2024. – №4. – С. 109–124. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/654/539 (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Rybak, K.E. & Izbachkov, Yu.S. (2025) Anna Barusseau's Feral Formula of Love: An Experiment in Scientific Reconstruction of a Trial from the Early 20th Century. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 4. pp. 109–124. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.007

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

АНДРЕЯНОВА Елена Леонидовна
кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательской части
Иркутского государственного университета,
Иркутск, Российская Федерация
elena_andreyanova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8700-7253

УДК: [316.722+334.012.22]:332.1(=1-81) (1-925.16)"312"
ГРНТИ: 13.11.25
ВАК: 5.6.4.
DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.008

Традиционные формы хозяйствования коренных народов Прибайкалья: проблемы и новые возможности[1]

Целью работы явилось определение наиболее гармоничных путей развития традиционных форм хозяйствования на примере коренных народов Прибайкалья в современных условиях. Использованы документы форумов ООН по развитию коренных народов, распоряжения Правительства России, материалы региональных органов власти, статистические данные и результаты научных исследований. Изучено историческое развитие коренных народов, выявлено значение традиционных форм хозяйствования в их культуре, представлены возможности туризма как одной из сфер актуализации возможностей самобытных культурных практик автохтонов. С помощью подхода иркутской школы археологии (1918–1937) установлено, что традиционные формы хозяйствования обладают способностью адаптации к различным социально-экономическим условиям. Определено, что наиболее востребованным способом воспроизводства традиционных форм хозяйствования сегодня является показ аутентичных объектов коренных народов в процессе реализации туристской деятельности.

Ключевые слова: Прибайкалье, Б. Э. Петри, иркутская школа археологии, коренные народы, традиционное хозяйство, экономика коренных народов, этноэкономика, устойчивое развитие..

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20197, https://rscf.ru/project/24-28-20197/.

Введение. Актуальность работы связана с наблюдающимся усилением глобализационных тенденций, которые часто сопряжены с унификацией самобытности народов и их аутентичного образа жизни, в то время как еще сохранившиеся практики хозяйственной, материальной и нематериальной культуры коренных народов обладают возможностями не только сохранения их этнического наследия, но и формирования территориального и культурного капитала.

В последние годы исследователи обращаются к изучению влияния этнических факторов на экономику (особенности хозяйствования и быта, обычаи и традиции, трудовые отношения народов полиэтничных территорий), вместе с тем приходится констатировать недостаток идей, связанных с теоретическим осмысление этих феноменов. В частности, по утверждению Н. П. Копцевой и О. С. Нагаевой, «оценка традиционного хозяйства представляет серьезную исследовательскую проблему, так как единого методического подхода не существует» [5, с. 1225]. А. М. Курышов полагает, что «вопросы трансформации традиционного хозяйства этносов являются составной частью основной проблематики отечественных общественных наук» [6, с. 187]. В связи с этим сегодня весьма важным представляются поиски приемлемого теоретико-методологического осмысления интеграции положительных практик самобытного традиционного хозяйствования в новую экономическую реальность. Целью работы, таким образом, становится определение наиболее гармоничных путей развития традиционных форм хозяйствования в современных условиях на примере коренных народов Прибайкалья.

В статье использованы зарубежные и отечественные источники (материалы сессий и форумов ООН по развитию коренных народов, научные труды), документы федеральных и региональных органов власти (распоряжения Правительства Российской Федерации, фондовые документы Комитета по делам Севера администрации губернатора Иркутской области), данные статистических служб. В работе использовались историко-сравнительный и системный методы, представившие традиционную сферу культурной и хозяйственной деятельности коренных народов как единое целое в ретроспективном ключе. Метод актуализации позволил, опираясь на прошлый опыт традиционных форм хозяйствования коренных народов, представить пути их развития в условиях современности и спрогнозировать формирующиеся тенденции.

Использование подхода иркутской школы археологии (палеоэтнологиии) (1918–1937) Б. Э. Петри, для которой характерно комплексное сопряженное рассмотрение историко-экономических и этнографических особенностей коренных народов Прибайкалья, позволило дополнить теоретико-методологический инструментарий организации туристской деятельности для целей разработки прикладных продуктов в современных социально-экономических условиях.

Дизайн исследования включает несколько ключевых этапов, на первом из которых представлена историческая трансформация хозяйственных практик коренных народов Прибайкалья на протяжении XX в. Далее были выявлены специфика и значение традиционных форм хозяйствования, позволившие затем определить дальнейшее развитие хозяйственной и культурной сфер коренных народов в современных условиях, что и являлось целью работы.

Достижение цели представленного исследования будет способствовать уточнению концептуальных подходов к сохранению традиционного наследия коренных народов Прибайкалья и приспособлению их хозяйственно-культурного комплекса к реалиям современной экономики без внедрения в него деструктивных изменений, искажающих аутентичные характеристики. Кроме того, исследование призвано определенным образом расширить область знаний, связанную с поисками путей диверсификации региональных экономик посредством актуализации влияющих на их развитие этноэкономических факторов.

Этнография и экономика коренных народов Прибайкалья: исторический и историографический экскурс. Для региональных исследований изучение культуры коренных народов имеет особое значение, что обусловлено историческим, методологическим и практическим опытом видных ученых,

сформировавших ядро этнографии восточной территории России. Исследователи подчеркивают, что благодаря так называемой иркутской школе археологии, или палеоэтнологии, работавшей в 1918–1937 гг., «Иркутск в 1920-е годы стал известным на всю страну центром этнографических, фольклорных, палеоэтнологических или “народоведческих” исследований» [14, с. 9]. Особенностью методологии этой школы являлось применение комплексного подхода к изучению любого исторического или культурно-антропологического явления. Переплетение этнографии и экономики небольших этнических групп – это одно из направлений научного изучения населения Прибайкалья, получившее свое развитие в работах представителей иркутской школы археологии. В этот период один из них, Н. Н. Козьмин, писал: «Мы (*представители школы.– Е. А.*) старались выяснить или, вернее, наметить, как хозяйственные и культурные факторы могли влиять на складывание этнологических и антропологических типов, какова была роль производственного момента в этнических образованиях. Взаимодействие их и основных факторов хозяйственного порядка можно изучать, хотя и в динамическом разрезе, но повернувшись лицом не к прошлому, а к будущему» [4, с. 71]. Археологические экспедиции, полевые исследования хозяйства, быта, культуры и верований также давали обширный материал для научной работы иркутской школы археологии. На многие десятилетия вперед концептуальный комплексный подход определил направление научных исследований механизмов концентрации и трансляции опыта коренных народов, трансформируясь под влиянием внешних факторов и государственной политики.

В советский период политико-идеологическое влияние способствовало коренной трансформации хозяйственного уклада этносов. В отечественной литературе выражались разные точки зрения на модернизационные веяния, ставшие частью культуры и повседневности малочисленных этносов. В конечном счете эти изменения привели к «катастрофическим последствиям», которые «в значительной мере осознавались уже в “застойное время” – в 70-е гг. была предпринята попытка восстановить хоть в какой-то мере традиционный образ жизни, поддержать угасающие силы, усилилось внимание к ценностям этих народов» [3, с. 97].

В последующем переход страны к рыночной модели хозяйствования больно ударил по системе жизнеобеспечения автохтонов, сломав старую систему и не предложив новую. Оставшись без источников заработка и поддержки, коренные народы должны были найти новые технологии выживания на имеющихся в их распоряжении ресурсах. При этом значительную актуальность приобретала проблема сохранения природной среды, вмешательства промышленности и транспорта в заповедную зону. Она исторически формировала этнические группы Сибири и, в частности, тофаларскую, что отмечала в своем историко-этнографическом очерке Л. В. Мельникова [9, с. 281]. В 1990-е гг. дошедшие в сильно сокращенном виде основы этноэкономики коренных народов воспринимались не как проявление устойчивости традиционного хозяйства, а в качестве застойного явления, не способного к развитию.

Активизация теории «неотрадиционализма» в последующее десятилетие позволила по-новому посмотреть на хозяйствование и национальную культуру коренных народов. В ней стали видеть потенциал, который способен, трансформировавшись под новую экономику, стимулировать развитие этих народов и, как следствие, усилить эффект развития территорий их проживания.

Современные отечественные и зарубежные исследователи в большинстве своем считают, что и в методологическом, и в практическом смысле понимание и регулирование процессов развития коренных народов должно следовать концепции устойчивого развития. Условием, определившим актуальность такого подхода, явилось усиление глобализационных процессов, которое, с одной стороны, показало стирание различий между территориями, пространствами и народами, а с другой – вызвало необходимость поиска основ хозяйственной и этнической идентичности. Устойчивость же традиционных форм хозяйствования, являющаяся одной из основ этой идентичности, как представляется по

результатам исследований иркутской школы, заключается в широком развитии основ жизнедеятельности коренных народов: способов производства, культуры, языка, религии и т.п. В настоящее время в экспертном сообществе преобладает мнение, что «традиционность заключается не в консервации образа жизни коренных народов, а в создании для них более эффективных возможностей развития» [8].

Особенности и значение традиционных форм хозяйствования коренных народов. Анализируя подходы ученых к определению традиционного хозяйствования коренных народов, необходимо отметить, что большинство исследователей понимают под ним некие формы деятельности, которые базируются на комплексе этноэкономических положений и, как уже указывалось, рассматриваются с позиции принципов устойчивого развития. Так, отечественные авторы Н. П. Копцева и О. С. Нагаева определяют традиционное хозяйство автохтонов как «совокупность видов деятельности коренных народов, исторически сложившихся на определенной территории и эволюционно адаптированных к местным ресурсным условиям, направленных на экологическое, рациональное использование объектов животного мира и других воспроизводимых природных ресурсов с использованием передающихся из поколения в поколение приемов и форм ведения хозяйства» [5, с. 1227].

Кроме того, в настоящее время важность и актуальность данного исследовательского направления закрепляют международные и федеральные нормативные правовые акты. Так, разработанная в 2021 г. «Программа государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации» признает значимость традиционной хозяйственной деятельности: «Для коренных малочисленных народов ведение традиционной хозяйственной деятельности является не только основой жизнеобеспечения, но и опорой культуры, мировоззрения, фольклора, обрядов, праздников, народной педагогики, традиций, сохранения преемственности поколений» [12]. В международных исследованиях, посвященных традиционным знаниям в рамках Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов и повестки дня в области развития на период после 2015 г., подчеркивается, что «производство и производительность будут иметь устойчивый характер при использовании традиционной деятельности, основанной не только на экономическом результате, но также и на духовных ценностях» [11, p. 4]. Иными словами, традиционные практики хозяйствования – это знания и инновации коренных народов во всем мире, созданные на основе опыта, приобретенного на протяжении веков, адаптированного с учетом местной культуры и окружающей среды и передаваемого в устном виде от одного поколения к другому. Такие практики, как правило, являются коллективным достоянием и бытуют в форме устного творчества (рассказов, песен, пословиц и поговорок), культурных и религиозных ценностей (верований, ритуалов), законов и норм общинного существования, местных языков и методов ведения сельского хозяйства (включая разные формы растениеводства и животноводства), ремесел и промысла – всего того, что принято называть нематериальным наследием.

Традиционные знания в основном имеют практический характер и распространены в таких областях, как сельское хозяйство, рыболовство, медицина, садоводство, лесоводство на принципах рационального природопользования. При этом элементы культуры коренных народов формировались на протяжении всего процесса накопления традиционных знаний, включая отношения взаимности, взаимодополняемости и перераспределения благ на основе взаимопомощи и коллективизма. За рубежом этот подход формирует так называемую «экономику коренных народов», или «*Indigenous economy*», область научного знания, в рамках которой получает свое развитие концепция аборигенной экономики. В прикладном смысле постепенно эволюционируя, данная экономическая модель сложилась как система бартерного обмена (обмена продуктами питания, вещами и т.п.) на основе натурального хозяйства и принципа взаимности как регулятора отношений [11, p. 9].

Опираясь на мнение ученых, специализирующихся на исследованиях этнографи-

ческого и экономического срезов традиционности (см., например: [6, с. 190]), можно определить следующие характеристики традиционных форм хозяйствования коренных народов: 1) технологии натурального хозяйства; 2) традиционный хозяйственный уклад; 3) мелкотоварное производство; 4) наличие комплекса экологических традиций; 5) зависимость от природных условий и сырьевой базы, предполагающее разумное потребление; 6) контроль сообществ над хозяйственной деятельностью при признании приоритета общественных интересов над индивидуальными; 7) традиции трудовой этики, определяемые религиозными нормами; 8) передача традиционного опыта.

Обладающее перечисленными характеристиками традиционное хозяйство ориентировано прежде всего на самообеспечение коренных народов, в то же время под влиянием рыночных тенденций оно превращается в товарную отрасль, нацеленную на получение дохода от реализации продукции [5, с. 1224]. Как утверждает в своем исследовании С. Коот (*S. Koot*), «“капитал» ” коренных народов не ограничивается их знаниями об окружающей среде; некоторые из них осознали, что их известность важна и начали использовать это в новой рыночной экономике в своих интересах»[1] [19, p. 1214].

Рассматривая интеграцию бушменов Африки в современную экономику, автор отмечает, что «они становятся частью капиталистической системы как бренд, а не как настоящие охотники-собиратели. Без бренда они, вероятно, остались бы незаметными на периферии общества в результате быстротекущего исторического процесса» [19, p. 1215]. Соответственно, здесь встает вопрос о роли традиционных форм хозяйствования коренных народов в современной действительности. Сибирский исследователь А. Ч. Кылгыдай, рассматривая традиционное хозяйствование, приходит к выводу, что сложность, многоступенчатость и опосредованность отношений в трудовой сфере регулируется традициями и обычаями, социальными и культурными нормами, направленными на выживание сообщества, усвоенными в ходе социализации [7, с. 16].

В этой связи целесообразно акцентировать внимание на двух основных функциях традиционного хозяйства коренных народов. Во-первых, экономическая функция, которая ориентирована на поиск ресурсов, способных воспроизводить и транслировать накопленный коренными народами опыт хозяйственной деятельности в любой социально-экономической системе и в любой исторический период. Во-вторых, функция сохранения и воспроизводства этноса. Н. П. Копцева и О. С. Нагаева в своей работе называют ее этносохраняющей функцией [5, с. 1226]. Авторы статьи «Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США)» также подчеркивают комплексный характер функциональной связи традиционной деятельности коренных народов с другими сторонами жизни. Они считают, что такая экономика включает хозяйственную деятельность не только как таковую, но и непосредственно связанную с сохранением идентичности [1, с. 13], то есть роль традиционных форм хозяйствования, являющихся основой экономики коренных народов, заключается в воспроизводстве хозяйственных процессов, стимулирующих в свою очередь национальную идентичность народов.

Реализация этой роли видоизменяется в зависимости от условий социально-экономической среды, традиционных форм хозяйствования коренных народов. На примере Иркутской области можно отследить процесс их трансформации на протяжении последних десятилетий. Из данных, содержащихся в фондовых материалах департамента по делам Севера администрации губернатора Иркутской области, следует, что в 2002 г. в оленеводстве Катангского района количество зарегистрированных охотников составило всего 33 чел., в том числе 7 специалистов-охотоведов, что соответствует 12,3% уровня 1991 г. и 21,0% общей численности охотников области. Подобное уменьшение было вызвано в том числе снижением доли традиционных отраслей в экономике региона, а также развитием нелегальных способов добычи. В хозяйствах всех

[1] Здесь и далее перевод наш.– *Е. А.*

Таблица 1

Динамика поголовья северных оленей в хозяйствах всех категорий Иркутской области (на конец года), количество голов [16, с. 41]

Table 1

Dynamics of reindeer population in farms of all categories in Irkutsk Oblast (as of year-end), number of heads [16, p. 41]

Поголовье северных оленей	*Год*					
	1991	*1996*	*2000*	*2001*	*2002*	*2003*
Всего	2 178	1 712	980	812	946	920
В том числе на сельскохозяйственных предприятиях	1 856	1 034	621	550	561	545

форм собственности поголовье северных оленей неуклонно сокращалось (табл. 1).

Как следует из табл. 1, поголовье оленей в Иркутской области с 1991 по 2003 гг. сократилось более чем в 2 раза, при том что на государственных предприятиях – более чем в 3 раза. Это привело к сужению трудовой сферы и сокращению количества рабочих мест в государственном секторе, что сказалось на занятости коренного населения. Так, доля занятых в этих отраслях не превышала у тофаларов Иркутской области 19%, в других регионах страны: нивхов – 13%, нанайцев – 14%, манси – 19%, хантов – 20% [2, с. 63].

Параллельно наблюдалась частичная утрата навыков, связанных с традиционным видом занятий – домашним оленеводством – по причине непрестижности труда оленеводов, а главное – неустроенности их быта в полевых условиях, хотя потребность в ездовых оленях велика и спрос на них во время охотничьего сезона значительно превышает предложение. Главной причиной свертывания традиционных отраслей хозяйствования коренных народов в условиях снижения государственных дотаций и незначительного уровня заработной платы являлась низкая конкурентоспособность их продукции [15, с. 78].

Сокращение традиционных видов деятельности в отраслях государственного сектора привело к созданию родовых объединений коренных народов, которые основывались на принципах взаимопомощи, общинности, обычаях. Как отмечает А. А. Сирина, «первоначально общины создавались “сверху” и не всегда были прибыльными. В Качугском районе община, не имея прибыли, сохраняет территорию в виде резервата для охотничьих угодий. В Казачинско-Ленском районе эвенки организовывали объединения для получения компенсаций за добычу газа на их территории» [13, с. 19]. В настоящее время в Иркутской области зарегистрированы 32 родовые общины и 65 национально-культурных центров, 46 некоммерческих организаций коренных малочисленных народов Севера, 45 казачьих обществ и 378 религиозных организаций; в том числе на территории Усть-Ордынского бурятского округа зарегистрировано 5 некоммерческих организаций в форме национально-культурных автономий [10].

В результате традиционное хозяйство, пережив трансформации XX в., на сегодняшний день представлено в достаточно суженом виде. Но то значение, которое оно имеет для коренных народов и для народоведческих исследований, определяет вопрос о поиске путей дальнейшего развития хозяйственной и культурной сфер коренных народов России и всего мира.

Туризм как сфера реализации новых возможностей традиционной материальной и нематериальной культуры коренных народов. Одним из наиболее востребованных направлений вхождения традиционного хозяйства коренных народов в современную экономику становится сфера туризма. Ее преимуществом является аккумуляция ресурсов и синергетический эффект для сопутствующих производств на локальной территории. Перспективность этого направления поддерживается и в уже упоминавшейся Программе государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне. В документе запланирован комплекс мер по развитию туристской индустрии: проведение еже-

годного отбора проектов в области развития туристской индустрии в местах традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов с целью государственной поддержки их реализации, содействие разработке мастер-планов развития туристских территорий в этих местах и др. [12].

За рубежом вопросы развития коренных народов и возможности использования материальной и нематериальной культуры этносов в туризме стали изучаться примерно с середины XX в., при этом в основе этого изучения были этнографические исследования. Антропологи и социологи дополнили ряд теоретических аспектов жизнедеятельности и культуры коренных народов. Современные ученые придают особое значение вопросам идентичности, аутентичности и прав коренных народов. Эти вопросы рассматриваются в самом широком контексте экологической, экономической, социальной и культурной устойчивости при поиске необходимых средств к существованию с помощью аккультурации и коммерциализации традиционной деятельности этносов. Как отмечают зарубежные авторы, «культурный и этнический туризм являются областями, где идентичность корректируется с учетом требований рынка, что инспирирует ее превращение в товар» [19, p. 1212].

Обозначенный выше широкий исследовательский ракурс был, с одной стороны, направлен на смягчение негативных воздействий рыночных способов хозяйствования на традиционную деятельность коренных народов и адаптацию этих способов, а с другой стороны, было необходимо определить способы получения опыта для туристов других культур, желающих увидеть «более чистый и простой образ жизни» (цит. по: [18, p. 1068]), что может быть достигнуто с помощью языка, ремесла и народного творчества, объектов и технологий туристского показа этничности.

В России и за рубежом пытаются комплексно воплотить в жизнь подобные подходы к практической реализации включенности традиционной деятельности коренных народов в туризм. Тем не менее с теоретической точки зрения в большинстве своем зарубежные ученые дискутируют о следствиях интеграции этнических хозяйственных практик в сферу туризма, в частности, по таким аспектам: 1) кому должны доставаться выгоды от туристской деятельности: коренным народам или локальной экономике? 2) по своей сути эти практики относятся к культуре или экономике? Исследователи приходят к выводу, что четкого разделения между хозяйственной и культурной составляющей в жизнеобеспечении коренных народов нет. О. Берта (*O. Berta*) отмечает, что «современное ремесло трудно в концептуальном плане разделить между культурой и экономикой – оно воспринимается как служащее либо культурным, либо коммерческим целям» [17, p. 92]. При этом она уточняет, что ремесла все же принадлежат по большей части к сфере наследия: «Сохранение культурного и природного наследия, неотъемлемой частью которого являются ремесла и промыслы,– это один из важнейших критериев устойчивого развития» [17, p. 92].

Исходя из этого, можно говорить, что традиционная деятельность коренных народов, рассмотренная в единстве своих проявлений, должна сохраниться и быть доступной новым поколениям. По мнению С. Коот, «единственный способ сохранить наши традиции и образ жизни – это жить в памяти людей, которые видят нас» [19, p. 1214–1215)]. Иными словами, исследователь подчеркивает, что отдельные отобранные посредством специальных практик материальные артефакты, мифологии, воспоминания и традиции становятся ресурсами настоящего, причем отбор основан на современных потребностях потребителей.

Практика свидетельствует, что индустрия туризма стала важным сектором экономики благодаря накопленному культурному наследию. При этом специалисты в области туризма говорят о том, что простое наличие объектов культурного наследия не гарантирует повышения благосостояния территорий и населения, необходимо использовать технологии показа и продвижения объектов. Поэтому дискуссия о необходимости включения традиционных форм хозяйствования коренных народов в современную экономику и, в частности, в сферу туризма и способах такого включения должна продолжаться. Можно согласиться с О. Берта, что «одни и те же артефакты в разное время и в разных

ситуациях используются, интерпретируются и определяются по-своему, то есть такие типы ремесел могут относиться преимущественно и к культурной, и к коммерческой структуре в зависимости от их интерпретации. При такой вариативности, тем не менее, концептуальное разделение культуры и экономики относится к процессу культурного производства» [17, p. 106].

Можно заключить, что организация туристской деятельности, основывающейся на традиционных культурных практиках коренных народов, становится сегодня ведущим направлением в мировой сфере благодаря погружению путешественника в аутентичную атмосферу, связанную с погружением в опыт автохтонов. Такой вид туризма будет востребован в связи с его уникальностью и необычностью, поскольку в настоящее время этническое разнообразие в мире сокращается со скоростью, соизмеримой с темпами утраты биологического разнообразия.

***

Таким образом, используя подход иркутской школы начала XX в., соединяющий воедино этнографию и экономику, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, направления и директивы развития коренных народов Прибайкалья с 1920-х гг. и до настоящего времени меняли свои приоритеты в зависимости от идеи, господствующей в конкретный период. Научные разработки и их практическое применение или нивелировали этническую идентичность, или пытались ее возродить. Во-вторых, традиционные формы хозяйствования коренных народов благодаря комплексу материальных и нематериальных составляющих обладают способностью к адаптации к различным условиям социально-экономического развития. В-третьих, в современной экономике наиболее эффективным средством, способствующим воспроизведению традиционных форм хозяйствования коренных народов, являются формы показа, в частности через сферу туризма, аутентичных материальных и нематериальных объектов культуры и экономики и донесение заложенных в этих объектах смыслов.

В практической деятельности научные знания, относящиеся к традиционному хозяйствованию коренных народов, могут быть использованы в ряде отраслей современной экономики. С теоретико-методологической точки зрения опыт локальных культур становится все более востребован, поскольку дает представление о моделях жизнеобеспечения и выживания в трансформирующихся условиях.

Заключение. Доминирующая доктрина государственного регулирования в тот или иной исторический период и мировые тенденции, выраженные в процессах глобализации, определяют содержательное наполнение и формообразование традиционных практик хозяйствования. Переориентация традиционного хозяйства в отраслевую структуру колхозно-совхозного типа и перевод на оседлость кочевых коренных малочисленных народов в советский период привели к изменению образа их жизни, и вслед за этим – к существенной потере навыков и технологий традиционного хозяйствования.

Наиболее гармоничным способом адаптации традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Прибайкалья и других регионов к рыночным условиям является трансформация подлинных практик хозяйствования в товарную отрасль посредством актуализации аутентичных способов технологической обработки в процессе, например, туристского показа. Таким образом самобытная культура коренных народов сможет показать свою способность к изменениям, опираясь на собственные ресурсы и технологии жизнеобеспечения, гармонично совмещая культуру и экономику в традиционных формах хозяйствования.

В свою очередь, институты общественной жизни должны способствовать реализации этих процессов, поскольку традиционные виды хозяйственной деятельности коренных народов могут стать центром формирования культурного и человеческого капитала на территориях их проживания. Дальнейшие исследования в этой области имеют возможность существенно дополнить методический сегмент функционирования институциональной среды сферы туризма и представить конкретные технологии продвижения традиционных форм хозяйствования в современных условиях.

Elena L. ANDREYANOVA
Cand. Sci. (Economic Theory), Docent,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation
elena_andreyanova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8700-7253

Traditional Economic Entities of Indigenous Population of Baikal Siberia: Challenges and New Opportunities[1]

Abstract. The aim of this study is to identify optimal pathways for integrating the traditional economic activities of the indigenous peoples of Baikal Siberia into the modern economy. The research involves an analysis of scholarly works addressing the transformation of traditional economic practices of indigenous peoples and associated challenges, as well as a review of documents from UN forums on indigenous development, regulatory legal acts issued by federal and regional authorities of the Russian Federation, and data from statistical agencies. The methodological framework is based on the method of actualization, complemented by historical-comparative and systemic approaches. Particular attention is given to the contributions of the Irkutsk School of Archaeology led by Bernhard Petri, who examined ethnography and the economy of small ethnic groups as an integrated system within ethnographic research. This has enriched contemporary theoretical and methodological approaches to the development of the tourism sector and the creation of tourism facilities. The study investigates the historical transformation of the economic practices of the indigenous peoples of Baikal Siberia, spanning from the establishment of Soviet power through the Soviet and post-Soviet periods up to the present day. The analysis focuses on the specific features of traditional economic practices of autochthonous ethnic groups, their adaptive capabilities, and their inherent characteristics. The study established that the transformation of traditional economic practices throughout the 20th century was accompanied by a range of challenges, including the loss of traditional lifestyles, subsistence systems, and sources of income. It also showed that traditional economic practices, due to their combination of material and non-material components, possess significant adaptive potential in the face of diverse socio-economic changes. The formation of clan-based associations among indigenous peoples is interpreted by the author as a consequence of the decline in traditional activities within state-sector industries. The study substantiates the possibility of integrating traditional economic practices into the modern economy through the development of tourism in indigenous territories. It is concluded that the most promising pathway for the reproduction of traditional economic practices, through their integration into the modern economy, lies in the demonstration of authentic tourism sites in indigenous areas.

Keywords: Baikal Siberia, Bernhard Petri, Irkutsk School of Archeology, indigenous peoples, traditional economy, economy of indigenous peoples, ethnoeconomics, sustainable development.

Использованная литература:

1. Гладун Е. Ф., Нистен-Хаарала С., Тулаева С. А., Захарова О. В. Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) // Экономическая социология. Т. 23, № 3. С. 11–41.
2. Гоман В. Наш долг – не оставить коренных северян один на один с их проблемами // Человек и труд. 2000. № 1. С. 60–64.

References:

1. Gladun, E.F., Nisten-Haarala, S., Tulaeva, S.A. & Zakharova, O.V. (2023) Economy of Indigenous Peoples in the Arctic Regions: Traditions and Transformations (On the Example of Russia, Finland, the USA). *Ekonomicheskaya sotsiologiya.* 23 (3). pp. 11–41. (In Russian).
2. Goman, V. (2000) Nash dolg – ne ostavit' korennykh severyan odin na odin s ikh problemami [Our Duty Is Not to

[1] The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-20197, https://rscf.ru/project/24-28-20197

3. Гудыма А. П. Социально-философские основы стратегии устойчивого развития малочисленных народов Севера. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 343 с.

4. Козьмин Н. Н. Хозяйство и народность // «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы: избр. ст. / сост., авт. вступ. ст. и библиогр. словаря А. А. Сирина. М.; Иркутск: [б. и.], 2013. С. 53–73.

5. Копцева Н. П., Нагаева О. С. Традиционное хозяйство коренных малочисленных народов Севера в Красноярском крае: проблемы и перспективы развития // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2023. № 16 (7). С. 1222–1239.

6. Курышов А. М. Традиционное хозяйство коренных народов как система // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 3 (83). С. 187–194.

7. Кылгыдай А. Ч. Отгонное животноводство как традиционный вид деятельности населения Тувы // Природные ресурсы, среда и общество. 2019. № 1 (1). С. 15–20.

8. Люди Севера: что значат традиционные этносы для экономики Арктики // РБК-отрасли. URL: https://www.rbc.ru/industries/news/651fc16d9a79476386445626 (дата обращения: 05.05.2024).

9. Мельникова Л. В. Тофы: Историко-этнографический очерк / отв. ред. В. В. Свинин. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 304 с.

10. Открытые данные Министерства юстиции Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/opendata/#section-772 (дата обращения: 07.03.2023).

11. Постоянный форум по вопросам коренных народов. Доклад о работе шестнадцатой сессии (2017) (Экономический и социальный Совет. Официальные отчеты. Дополнение № 23). [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Система официальной документации. URL. https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n17/141/28/pdf/n1714128.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

12. Распоряжение Правительства РФ от 15.04.2021 № 978-р «Об утверждении Программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202104200003 (дата обращения: 04.04.2024).

13. Сирина А. А. Народы Севера Иркутской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 152. М.: Ин-т этнологии и антропологии Рос. акад. наук, 2002. 20 с.

14. Сирина А. А. «Провинциальная наука»: Этнография в Иркутске в 1920-е годы // «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы: избр. ст. / сост., авт. вступит. ст. и библиографического словаря А. А. Сирина. М.; Иркутск: б.и., 2013. С. 7–48.

15. Трофимов Е. А., Андреянова Е. Л. Региональная этническая занятость коренных народов. Иркутск: Байкальск. гос. ун-т экономики и права, 2009. 188 с.

Leave Indigenous Northerners Alone With Their Problems]. *Chelovek i trud.* 1. pp. 60–64.

3. Gudyma, A.P. (2000) *Sotsial'no-filosofskie osnovy strategii ustoychivogo razvitiya malochislennykh narodov Severa* [Social and Philosophical Foundations of the Strategy for Sustainable Development of Small Peoples of the North]. Yekaterinburg: Ural University. 343 p.

4. Koz'min, N.N. (2013) Khozyaystvo i narodnost' [Economy and Nationality]. In: Sirina, A.A. (ed.) *"Provintsial'naya" nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-e gody: izbr. st.* ["Provincial" Science: Ethnography in Irkutsk in the 1920s: Selected Articles]. Moscow; Irkutsk: [s.n.]. pp. 53–73.

5. Koptseva, N.P. & Nagaeva, O.S. (2023) Traditional Economy of Indigenous Peoples of the North in Krasnoyarsk Krai: Problems and Development Prospects. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* 16 (7). pp. 1222–1239. (In Russian).

6. Kuryshov, A.M. (2012) Traditsionnoe khozyaystvo korennykh narodov kak sistema [Traditional Economy of Indigenous Peoples as a System]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii.* 3 (83). pp. 187–194.

7. Kylgyday, A.Ch. (2019) Transhumance as a Traditional Activity of the Population of Tuva. *Prirodnye resursy, sreda i obshchestvo.* 1 (1). pp. 15–20. (In Russian).

8. RBC. (2024) *People of the North: What Do Traditional Ethnic Groups Mean for the Arctic Economy?* [Online] Available from: https://www.rbc.ru/industries/news/651fc16d9a79476386445626 (Accessed: 05.05.2024). (In Russian).

9. Melnikova, L.V. (1994) *Tofy: Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Tofalars: Historical and Ethnographic Essay]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. 304 p.

10. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2023) *Open Data of the Ministry of Justice of the Russian Federation.* [Online] Available from: https://minjust.gov.ru/ru/pages/opendata/#section-772 (Accessed: 07.032023). (In Russian).

11. United Nations Official Documentation System. (2017) *Permanent Forum on Indigenous Issues. Report on the Sixteenth Session (Economic and Social Council. Official Records. Supplement No. 23)* [Online] Available from: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n17/141/28/pdf/n1714128.pdf (Accessed: 01.06.2024). (In Russian).

12. Government of the Russian Federation. (2024) *Order of the Government of the Russian Federation No. 978-R "On Approval of the Program of State Support for Traditional Economic Activities of the Native Minorities of the Russian Federation Carried Out in the Arctic Zone".* [Online] Available from: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202104200003 (Accessed: 04.04.2024). (In Russian).

13. Sirina, A.A. (2002) *Northern Ethnic Groups of Irkutsk Region.* Research in Applied and Urgent Ethnology, No. 152. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 20 p. (In Russian).

14. Sirina, A.A. (2013) "Provintsial'naya nauka": Etnografiya v Irkutske v 1920-e gody ["Provincial Science": Ethnography in Irkutsk in the 1920s]. In: Sirina, A.A. (ed.) *"Provintsial'naya" nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-e gody: izbr. st.* ["Provincial" Science: Ethnography in Irkutsk in the 1920s: Selected Articles]. Moscow; Irkutsk: [s.n.]. pp. 7–48.

16. Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера, 2004 г.: стат. бюллетень. М.: Госкомстат РФ, 2005. 170 с.

17. Berta O. G. Culture or commerce? Craft as an ambiguous construction between culture and economy // Journal of Cultural Economy. 2023. Vol. 18, № 1. P. 92–108. DOI 10.1080/17530350.2023.2229335.

18. Carr A., Ruhanen L., Whitford M. Indigenous peoples and tourism: the challenges and opportunities for sustainable tourism // Journal of Sustainable Tourism. 2016. Vol. 24, № 8–9. P. 1067–1079. DOI 10.1080/09669582.2016.1206112.

19. Koot S. P. Contradictions of capitalism in the South African Kalahari: Indigenous Bushmen, their brand and baasskap in tourism // Journal of Sustainable Tourism. 2016. Vol. 24, № 8–9. P. 1211–1226. DOI 10.1080/09669582.2016.1158825.

15. Trofimov, E.A. & Andrejanova, E.L. (2009) *Regional'naya etnicheskaya zanyatost' korennykh narodov* [Regional Ethnic Employment of Indigenous Peoples]. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law. 188 p.

16. Goskomstat RF. (2004) *Ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitie korennykh malochislennykh narodov Severa, 2004 g.: stat. byulleten'* [Economic and Social Development of Indigenous Peoples of the North. 2004: Statistical Bulletin]. Moscow: State Statistics Committee of the Russian Federation. 170 p.

17. Berta, O.G. (2023) Culture or Commerce? Craft as an Ambiguous Construction Between Culture and Economy. *Journal of Cultural Economy.* 18 (1). pp. 92–108. DOI: 10.1080/17530350.2023.2229335

18. Carr, A., Ruhanen, L. & Whitford, M. (2016) Indigenous Peoples and Tourism: The Challenges and Opportunities for Sustainable Tourism. *Journal of Sustainable Tourism*. 24 (8–9). pp. 1067–1079. DOI: 10.1080/09669582.2016.1206112

19. Koot, S.P. (2016) Contradictions of Capitalism in the South African Kalahari: Indigenous Bushmen, Their Brand and Baasskap in Tourism. *Journal of Sustainable Tourism*. 24 (8–9). pp. 1211–1226. DOI: 10.1080/09669582.2016.1158825

Полная библиографическая ссылка на статью:

Андреянова, Е. Л. Традиционные формы хозяйствования коренных народов Прибайкалья: проблемы и новые возможности / Е. Л. Андреянова. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.40.4.008 // Наследие веков. – 2024. – № 4. – С. 125–135. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/641/544 (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Andreyanova, E.L. (2024) Traditional Economic Entities of Indigenous Population of Baikal Siberia: Challenges and New Opportunities. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 4. pp. 125–135. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.008

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 4 (40) 2024

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

ISSN 2412-9798

16+

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредители: ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева»;
АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»
Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»
Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: *ii.gorlova@gmail.com*
Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5
Телефон: +7 (861) 268-22-98
E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com
Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.
Регистрационное удостоверение: ЭЛ № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.
Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.
Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков
Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov
Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки был использован фрагмент цифровой копии полотна Альберта Анкера "Дедушка рассказывает историю" (Albert Anker, "Der Großvater erzählt eine Geschichte") (1884), холст, масло; 109×74 см. С 1931 г. картина находится в Музее искусств г. Берна (Inv. Nr. 1151).
Ссылка: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/de/Anker_Grossvater_erz%C3%A4hlt_eine_Geschichte_1884.jpg

Дизайн сайта http://heritage-magazine.com:
Т. В. Коваленко, А. В. Крюков
Верстка html-версии журнала:
А. В. Крюков
Дизайн pdf-версии журнала:
Т. В. Коваленко, А. В. Крюков
Компьютерная верстка pdf-версии журнала:
А. В. Крюков
Дизайн обложки: А. В. Крюков, Т. В. Коваленко
Редактура текстов статей:
М. В. Шаройко
Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:
М. В. Шаройко, А. В. Крюков
Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур
Редактура аннотаций на английском языке:
В. В. Кашпур

Издание индексируется:
- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).
Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593
- в системе Google Scholar.
Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5
Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**.

Номер сверстан: 30. 12. 2024
Размещен в сети Интернет: 31. 12. 2024
Гарнитура: Cambria
Формат: 210x297 (60x84/8)
Усл. печ. л.: 14,7
Уч.-изд. л.: 12,8
Размер полного файла номера: 11,96Mb

© Наследие Веков
© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»
© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»